

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

2 (28)

2021

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 30 января 2019 г.) по следующим специальностям:

- 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики»;
- 08.00.14 «Мировая экономика»;
- 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»;
- 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития».

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты и журналы» на 1-е полугодие 2021 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

Жильцов С.С. – главный редактор, д-р полит. наук

Гаврилова С.М. – заместитель главного редактора, канд. ист. наук

Аникин В.И. – д-р экон. наук

Закаурцева Т.А. – д-р ист. наук

Иванов О.П. – д-р полит. наук

Каширина Т.В. – д-р ист. наук

Косов Г.В. – д-р полит. наук

Кулябина Л.Н. – канд. полит. наук

Липкин М.А. – д-р ист. наук

Мастепанов А.М. – д-р экон. наук

Неймарк М.А. – д-р ист. наук

Ногмова А.Ш. – канд. полит. наук

Усманов Р.Х. – д-р полит. наук

Цвык В.А. – д-р филос. наук

Юнглод В.Т. – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

Дипломатическая академия МИД России

www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Борисов А.В., Капитонов А.А.</i> Роль Парижского соглашения в создании нового международного климатического режима	6
<i>Очеповский А.И.</i> Политика США в области освоения космических ресурсов	22
<i>Харланов А.С., Мустафин Т.А.</i> Сравнительный анализ особенностей реализации Industry 4.0 в США, Германии и России	41

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Белобров Ю.Я.</i> О военно-политическом взаимодействии ЕС с государствами Центральной Азии	56
<i>Карпович О.Г., Карипов Б.Н., Литвинов В.О.</i> Эволюция протестных настроений в Гонконге: основные уроки	71
<i>Скворцова Е.М.</i> Конгресс Американской Полонии и геополитические интересы Польши в США	87
<i>Жильцов С.С.</i> Экономическая политика Китая в отношении Украины	110
<i>Малышева Д.Б.</i> Партнерство России и Узбекистана	121

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Садаков Д.А.</i> Диалог США и КНДР в процессе освобождения экипажа разведывательного корабля «Пуэбло», 1968 г.	132
<i>Нарышкин А.А.</i> Роль зарубежных представительств в экономической дипломатии Советского Союза	155
<i>Иголкин И.Ю.</i> О проведении мирных переговоров между Россией и Францией в начале царствования императора Павла I	164
<i>Микаелян А.А.</i> Особенности израильской дипломатии в Азии	180

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Гаврилова С.М.</i> Современная Европа: преемственность и поиск новых решений	195
---	-----

К сведению авторов.	206
--------------------------------------	-----

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal "The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World" is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014 r. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on January 30, 2019).

– 07.00.15 «The history of international relations and foreign policy»;

– 08.00.14 «World economy»;

– 23.00.02 «Political institutions, Processes and Technologies»;

– 23.00.04 «Political problems of international relations, global and regional development».

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal "The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia" may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in The Consolidated Catalogue "Press of Russia. Newspapers and Journals" for the 1st half of 2021 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author's interpretation.

The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)

Svetlana Gavrilova – Deputy Editor-in-Chief, PhD (History)

Vladimir Anikin, DSc (Economics)

Tatiana Zakaurtseva, DSc (History)

Oleg Ivanov, DSc (Political Science)

Tatiana Kashirina, DSc (History)

Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)

Lidiya Kuliabina PhD (Political Science)

Mikhail Lipkin, DSc (History)

Alexey Mastepanov, DSc (Economics)

Mark Neimark, DSc (History)

Adelina Nogmova, PhD (Political Science)

Rafik Usmanov, DSc (Political Science)

Vladimir Tsyvk, DSc (Philosophy)

Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia

Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia, 53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).
Reg. No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

© Diplomatic Academy, MFA, Russia, 2021

© Page make-up. «Kvant Media», 2021

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Alexey Borisov, Alexey Kapitonov.</i> Role of the Paris Agreement in Creating a New International Climate Regime.	6
<i>Andrey Ochepovskiy.</i> U.S. Policy in the Sphere of Space Resource Utilization	22
<i>Alexey Kharlanov, Timur Mustafin.</i> Comparative Analysis of the Features of the Implementation of Industry 4.0 in the USA, Germany and Russia	41

REGIONAL PROBLEMS

<i>Yuriy Belobrov.</i> On the EU's Military-political Cooperation with the Central Asian States	56
<i>Oleg Karpovich, Baltash Karipov, Valery Litvinov.</i> The Evolution of Protest Sentiment in Hong Kong: Basic Lessons.	71
<i>Ekaterina Skvortsova.</i> The Polish American Congress and Poland's Geopolitical Interests in the USA	87
<i>Sergey Zhiltsov.</i> China's Economic Policy Towards Ukraine	110
<i>Dina Malysheva.</i> Russia – Uzbekistan Partnership	121

HISTORY AND RELIGION

<i>Denis Sadakov.</i> Dialogue Between the United States and the DPRK During the Release of the Crew of the Scout Ship "Pueblo", 1968	132
<i>Andrey Naryshkin.</i> The Role of Foreign Missions in the Economic Diplomacy of the Soviet Union	155
<i>Ivan Igolkin.</i> On Peace Negotiations Between Russia and France at the Beginning of the Reign of Emperor Paul I	164
<i>Arman Mikaelyan.</i> Features of Israel's Diplomacy in Asia	180

ACADEMIC LIFE

<i>Svetlana Gavrilova.</i> Contemporary Europe: Continuity and Search for New Solutions	195
---	-----

Notice to the authors	206
--	-----

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Борисов Алексей Владимирович,

кандидат философских наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Alexey V. Borisov,

Ph.D. (Philosophy),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: aborisof@gmail.com

Капитонов Алексей Александрович,

стажер,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Alexey A. Kapitonov,

Ph.D. student,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: alexsdgs17@gmail.com

РОЛЬ ПАРИЖСКОГО СОГЛАШЕНИЯ В СОЗДАНИИ НОВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КЛИМАТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

ROLE OF THE PARIS AGREEMENT IN CREATING A NEW INTERNATIONAL CLIMATE REGIME

Аннотация: сложившийся мировой порядок, опирающийся на капиталистический способ производства, выходит за пределы естественных возможностей планеты. Это обусловило возникновение глобальных экологических проблем, подвергающих риску существование человеческой цивилизации. В качестве альтернативы сложившейся системе в 1970—1980-е годы благодаря усилиям ООН начала оформляться концепция устойчивого развития. Одним из ее императивов стало создание нового международного климатического режима, посредством которого можно было бы сдерживать рост глобальных температур, а вместе с этим и исходящие от него угрозы продовольственной, инфраструктурной и экономической безопасности. В настоящее время основным механизмом замедления темпов изменения климата является Парижское соглашение, стадия реализации которого началась в 2020 году. В статье изучены особенности этого документа, исторический контекст его принятия, приведены оценки эффективности, а также рассмотрена роль данного соглашения в рамках укрепляемого под эгидой ООН международно-

го режима по предотвращению изменения климата, являющегося составной частью глобальной стратегии устойчивого развития.

Ключевые слова: изменение климата, глобальное потепление, Киотский протокол, Парижское соглашение, устойчивое развитие, возобновляемые источники энергии, зеленая экономика, политика в области климата.

Abstract: the existing world order, based on the capitalist mode of production beyond the natural capacity of the planet. This led to the emergence of global environmental problems able to put the existence of human civilization at risk. In the 1970—80s, as an alternative to this system, thanks to the efforts of the United Nations, the world community elaborated the concept of sustainable development. One of its imperatives stipulated the creation of a new international climate regime, through which it would be possible to curb the increase in global temperatures, as well as the threats to food, infrastructural and economic security emanating from it. Currently, the main mechanism for slowing the pace of climate change is the Paris Agreement, the implementation of which began in 2020. In this article the author studies the specificity of this document, the historical context of its adoption, the evaluations regarding its effectiveness, and the role of this agreement within the framework of the international climate change preventing regime, strengthened under the auspices of the UN as a part of the global sustainable development strategy.

Key words: climate change, global warming, Kyoto Protocol, Paris Agreement, sustainable development, renewable energy, green economy, climate policy.

Парижское соглашение по климату [33], принятое 12 декабря 2015 года в ходе Конференции по климату в Париже и подписанное 175 странами 22 апреля 2016 года, было разработано в качестве одного из механизмов Рамочной конвенции ООН об изменении климата для обеспечения сокращения антропогенных выбросов углекислого газа в атмосферу с целью снизить темпы роста глобальной температуры на планете. В связи с тем, что в 2020 году соглашение вступило в силу и по причине неумолкающих дискуссий о его сильных и слабых сторонах, предметом которых являются вопросы о достаточности прописанных в документе целей для сдерживания изменения климата, о реалистичности их выполнения, а также о добровольном характере участия государств в рассматриваемом механизме, представляется актуальным оценить роль данного соглашения в консолидации усилий государств мира по противодействию глобальному потеплению в интересах устойчивого развития нынешних и будущих поколений.

Капитализм и экология в период индустриализации

Формирование капиталистической системы общественных отношений на Западе и ее последующее распространение в мировых масштабах в ходе глобализации способствовали тому, что экономический рост стал рассматриваться как причина и условие процветания и развития человеческой цивилизации. До-

стижения научно-технического прогресса рубежа XIX—XX веков привели к возникновению и развитию производственных и добывающих отраслей, логистической инфраструктуры, которые позволили извлекать и обрабатывать огромное количество сырья. Рост добычи и переработки был необходим для обеспечения конкурентоспособности в рамках глобального рынка и для удовлетворения потребностей стремительно растущего мирового населения, миллиардная численность которого с 1850 года удвоилась, достигнув в 1930 году отметки в 2 млрд, сохраняя тенденции к росту [25]. При этом практически без внимания оставалось состояние окружающей среды. Увеличение вредных выбросов антропогенного характера в атмосферу [45] привело к тому, что с середины XIX века происходит ускорение ежегодных темпов роста глобальных температур [35]. Это привело к возникновению и развитию таких процессов, как таяние ледников [21], подъем уровня Мирового океана [8; 43], а также его закисление [5], что стало негативно сказываться на состоянии его флоры и фауны, приводя к нарушению пищевых цепочек. Вследствие увеличения масштабов хозяйственной деятельности эти процессы со временем стали представлять собой угрозу нарушения продовольственной безопасности, а также затопления прибрежных территорий. Отсутствие экологических норм в сфере индустриального производства, использования транспорта, сельскохозяйственной деятельности, осушения болот, лесопользования, хранения и утилизации промышленных и бытовых отходов стало причиной увеличения объема парниковых газов в атмосфере, необходимых в естественной концентрации для поддержания жизни на планете, однако в избытке — воздействующих на тепловой баланс атмосферы.

Капиталистическая система, ориентированная исключительно на экономический рост, без учета фактора окружающей среды стала давать сбои: в префектуре Миэ в Японии местные жители начали страдать от астмы Йоккайти, вызванной попаданием в воздух токсичных веществ после строительства там в 1955 году нефтеперерабатывающего завода [12, с. 61]; Донорский смог 1948 года унес жизни 20 человек и вызвал острые респираторные заболевания у почти 6 тыс. человек в результате повышенной концентрации в воздухе вредных веществ, сгенерирован-

ных местной сталелитейной компанией [16, с. 9]; аналогичные события, связанные, однако, уже с угольной промышленностью, произошли в Лондоне, когда Великий смог 1952 года стал причиной смерти примерно 12 тыс. человек [38]. Эти и другие схожие события актуализировали поиск альтернативных способов организации миропорядка, который обеспечил бы процветание общества без ущерба окружающей среде.

Становление концепции устойчивого развития

В 1960—1970-х годах ряд исследователей, таких как Р. Карсон [18], П. Элрих [25], а также крупных аналитических объединений, как Римский клуб [30—32; 39], заявили о явном кризисе капиталистического уклада мировой экономики и бесперспективности экстенсивного пути развития общества, производственная деятельность которого вышла за пределы естественных возможностей планеты. Эти выводы были поддержаны и в рамках происходивших на волне демократизации и гуманизации общества социальных протестов, в которых принимали участие и зарождающиеся экодвижения, например «Гринпис» [24]. Таким образом, вопрос о состоянии окружающей среды начинает занимать важное место в политической повестке дня государств и международных организаций, стимулируя выработку новых принципов глобального миропорядка с учетом необходимости минимизировать негативные последствия проблем, вызванных нерациональными моделями производства и потребления старой системы. В качестве идейной основы новой мировой общественно-экономической системы была предложена концепция устойчивого развития (УР), то есть развития, основывающегося на внимании к взаимосвязи экономического, социального и экологического факторов при удовлетворении на равных началах потребностей как нынешнего, так и будущих поколений.

За почти полувековой период становления концепции был принят ряд международных документов, сформировавших ее контуры на мировой арене: Декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды 1972 года (закрепила 26 принципов рационального отношения к окружающей среде [4]), доклад Комиссии по окружающей среде и развитию ООН «Наше общее будущее» 1987 года (впервые дано определе-

ние УР и описаны особенности концепции [34]), Конвенция ООН о биологическом разнообразии 1992 года [7], Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 года (РКИК) с Киотским протоколом 1997 года [10], Повестка дня на XXI век [15], Цели развития тысячелетия 2000 года [14].

Представляется важным отметить, что механизмы УР 1990—2000-х годов, заключенные под эгидой ООН, в том числе по противодействию изменению климата, предполагали активную деятельность в виде принятия конкретных профильных мер или оказания финансовой поддержки развитию преимущественно со стороны развитых государств, а развивающиеся рассматривались исключительно в качестве получателей помощи. Однако в 2015 году в связи с произошедшими к этому времени изменениями в области промышленного производства и энергетики в ряде стран мира [1] этот подход был пересмотрен: теперь активное вовлечение в деятельность по достижению УР требовалось не только от развитых, но и от развивающихся государств. Помимо этого к доминирующему ранее принципу борьбы с проблемами добавился принцип адаптации к их некоторым необратимым последствиям, как в случае с изменением климата. На этих позициях основываются принятые в 2015 году Аддис-Аббесская программа действий по финансированию развития [2], 17 Целей устойчивого развития (ЦУР), отраженные в документе «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [41], а также Парижское соглашение по климату.

Исторический контекст принятия Парижского соглашения

Являясь механизмом РКИК, Парижское соглашение призвано заменить собой Киотский протокол, действие которого завершилось в 2020 году после двух периодов действия — с 2008 по 2012 год и с 2012 по 2020 год. Предшественник Парижского соглашения являлся первым международным механизмом, накладывающим на страны Приложения I к РКИК (37 развитых государств и государства с переходной экономикой, в том числе Россия), ответственные за 1/3 глобальных выбросов, обязательства по их сокращению на 5,2% по сравнению с уровнем 1990 года. Помимо непосредственного сокращения

выбросов Киотским протоколом была предусмотрена система торговли квотами, то есть страны, производящие парниковые газы в количестве меньше своей нормы, могли продавать другим государствам разрешение на увеличение выбросов в размере своего свободного излишка.

Несмотря на определенные положительные результаты в достижении намеченных в рамках протокола целей, итоги первого периода его действия имели неоднозначный характер: доминирующая доля сокращений выбросов (на 38,1 % по сравнению с 1990 г. [40]) пришлось на страны с переходной экономикой, где выбросы к 2012 году снизились не в силу экологических поправок в законодательство, а по причине закрытия многих углеродоемких производств из-за политико-экономических кризисных условий. При этом во многих развитых странах выбросы продолжали увеличиваться. Значительный рост выбросов наблюдался и в освобожденных от каких-либо обязательств по Киотскому протоколу развивающихся странах, ярким примером чему являются Китай, Индия, Республика Корея, Иран, Саудовская Аравия и др., ныне входящие в первую десятку стран по выбросам CO₂ [17]. Провальным получился и предусмотренный протоколом «механизм чистого развития» в связи с ненадлежащим распределением финансовых и технологических ресурсов между странами [44]. Результаты выполнения мировым сообществом принципов Киотского протокола можно оценить лишь по первому периоду его реализации — с 2008 по 2012 год. Продление действия механизма на период с 2012 по 2020 год имело по большей части формальный характер и было обусловлено неудачными попытками стран при переговорах в Копенгагене (в 2009 г.), Канкуне (в 2010 г.), Дурбане (в 2011 г.), Дохе (в 2012 г.) и в Лиме (в 2014 г.) [6] выработать новое соглашение. По замыслу участников переговоров такое соглашение должно было учитывать трансформации, произошедшие в производственных схемах экономик мира. Отсутствие консенсуса было в значительной степени обусловлено конфликтом интересов развитых стран с развивающимися в отношении установления конкретных обязательств по снижению выбросов: среди как первых, так и вторых были противники конкретных обязательств по сокращению эмиссий, которые аргументировали свою позицию риском замедления экономи-

ческого роста. В противовес им выступали государства, для которых проблема увеличения глобальных температур составляла вопрос выживания [46; 47].

В то же время необходимо отметить, что выводы упомянутых выше конференций 2009—2014 годов в Копенгагене, Канкуне, Дурбане, Дохе и в Лиме, прежде всего связанные с необходимостью общих активных действий развитых и развивающихся стран [6], во многом послужили основой Парижского соглашения. Участие лидеров 150 государств на саммите в Париже в 2015 году отчетливо показало высокие ожидания мирового сообщества от этих переговоров, а также нежелание продолжать пятилетнюю серию безрезультатных встреч, которая, заметим, всё же позволила странам постепенно сгладить противоречия по обязательствам в области климата, наконец, сделав возможным достижение консенсуса.

Особенности Парижского соглашения

Новое соглашение отвечает реалиям современного мироустройства, характеризующимся высокой динамикой производственно-экономических процессов, поэтому не разделяет мир на страны, имеющие обязательства в области климата, и страны, не имеющие таковых. Оно построено по принципу «снизу — вверх» (а не «сверху — вниз», как в Киотском протоколе), то есть предполагает предоставление всеми государствами без какого-либо механизма принуждения собственных добровольных национальных планов по достижению общих целей, связанных с ограничением роста глобальной температуры показателем в 2 °С, а, если возможно, в 1,5 °С. Планы подлежат тщательному анализу и пересмотру каждые пять лет в зависимости от потенциала страны способствовать решению общих задач. Важное место отведено достижению сбалансированности количества антропогенных выбросов со способностью естественных объектов к их безущербному поглощению (например, путем расширения лесных покровов). Более того, Парижское соглашение нацелено не только на снижение темпов роста температур, но и на создание условий для адаптации к необратимым последствиям изменения климата. При составлении профильных национальных планов согласно Парижскому соглашению должны быть обеспечены

транспарентный подход, регулярная подотчетность, учет интересов уязвимых групп и местных общин, обмен технологиями и опытом, развитие экологического образования, составление схем раннего предупреждения катастроф и мониторинга изменения климата. Международное сотрудничество стран должно строиться с упором на удовлетворение потребностей наименее развитых и малых островных развивающихся государств, прежде всего подверженных последствиям глобального роста температур. Кроме того, соглашения призваны работать над более справедливым распределением финансовых ресурсов, выделяемых для решения проблем изменения климата. Таким образом, Парижское соглашение в настоящее время является наиболее комплексным общим механизмом в области противодействия проблемам изменения климата, основывающимся на взаимосвязи социальных, экономических и экологических факторов в контексте концепции устойчивого развития [33].

По состоянию на конец 2020 года Парижское соглашение было подписано 194 государствами (вместе с ЕС) и ратифицировано 189 из них, в общей сложности ответственными за примерно 79% глобальных выбросов [33]. Примечательно, что процедура ратификации была проведена такими крупными эмитентами парниковых газов, как Китай и Индия, на долю которых приходится 37,1% общемировых эмиссий CO₂ [26].

Безусловно, Парижское соглашение обозначило собой весомый прорыв в сфере международной системы регулирования проблем, связанных с изменением климата, до этого, по сути, стагнирующей в силу крайнего расхождения позиций стран. В то же время в нынешних условиях продолжающегося роста темпов глобального потепления актуальным остается вопрос: можно ли считать Парижское соглашение действительно эффективным инструментом в сдерживании роста средней температуры на планете, или же оно по большей части является лишь мягким, удобным для всех документом, позволившим сдвинуть с мертвой точки переговорный процесс? Подобную позицию разделяет, например, директор «Greenpeace International» К. Найду, который отметил: «Парижское соглашение — это только первый шаг в долгом пути, и какие-то его части меня огорчают и расстраивают, хотя всё же это какой-то прогресс» [3].

К вопросу об эффективности Парижского соглашения

Несмотря на поддержку Парижского соглашения подавляющим большинством стран мира, научным сообществом подвергается сомнению прописанная в нем цель о сдерживании роста глобальных температур в пределах 1,5—2 °С, как с точки зрения ее эффективности для предотвращения негативных последствий изменения климата, так и с точки зрения возможности ее достижения при нынешних обстоятельствах в принципе, что отражено в исследованиях американского климатолога Дж. Хансена [29], аналитических центров «Stockholm Resilience Centre» [36] и «Cicero» [11]. Негативные тенденции глобального потепления в виде возможного повышения температуры на 1,5 °С уже в период 2020—2024 годов, что не согласуется с поставленной в Парижском соглашении целью, отмечает и Всемирная метеорологическая организация [27].

В настоящее время содержание углекислого газа в атмосфере составляет 146% от доиндустриального уровня, и его концентрация, несмотря на некоторое замедление темпов в период пандемии COVID-19, продолжает расти [28]. Таким образом, даже с момента принятия Парижского соглашения рост антропогенных выбросов сохраняется, что, действительно, заставляет усомниться в его эффективности. В силу отсутствия у соглашения юридически обязывающих механизмов определяемые на национальном уровне вклады не имеют единой системы, формируются в свободном ключе, могут быть нарочито заниженными и порой не только не способствуют уменьшению национальных выбросов, но и позволяют их увеличивать в силу выбора наиболее выгодных для этого временных рамок отсчета. Так, по состоянию на ноябрь 2020 года, по оценке Climate Action Tracker, национальные вклады ряда стран, включая Аргентину, Вьетнам, Саудовскую Аравию, Украину, Турцию и др., были оценены как «критически недостаточные»: вклады с таким рейтингом вовсе не согласуются с удержанием потепления ниже 1,5—2 °С. Модель показывает, что, если бы все национальные вклады находились в этом диапазоне, потепление превысило бы 4 °С [19]. В эту группу входит и Россия, вклад которой заключается в снижении выбросов до 70% от показателей выбранного ею в качестве базового уровня 1990 года [13] (до вызванного распадом СССР

массового закрытия предприятий), что позволяет ей не уменьшить, а увеличить количество выбросов относительно нынешних уровней [9, с. 5; 19]. Коррелирующими с Парижским соглашением были признаны лишь планы, предоставленные Марокко и Гамбией [19].

К слабым сторонам соглашения, на наш взгляд, можно отнести и то, что в нем отсутствует учет исторической ответственности стран за ранее произведенные парниковые газы, накопившиеся в атмосфере Земли, а также предложения по распределению прав на выбросы в будущем, хотя в некоторых исследованиях (например, Агентства по экологической экспертизе Нидерландов [23]) приводятся возможные способы справедливого распределения бремени сокращения выбросов на основе объективных оценок.

В соглашении недостает также конкретики по финансовой поддержке развивающихся стран, которая в целом может рассматриваться в качестве дифференцирования обязательств государств по ограничению выбросов. В документе лишь подчеркивается необходимость развитым странам увеличить предоставление финансовой помощи как из государственных, так и из частных источников до 100 млрд долл. США ежегодно для принятия мер по смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним к 2020 году. Однако эта цель так и не была достигнута [20; 22]. Представляется весьма сложным прогнозировать ее возможное выполнение в будущем по причине выхода США из Парижского соглашения, а также вследствие эпидемии COVID-19. Более того, возникают сложности и в отношении государств, причисленных к развитым, так как в самом соглашении от 2015 года четкое разделение государств на развитые и развивающиеся отсутствует, а ориентация на принятую в 1992 году РКИК не позволяет четко определить, должна ли страна производить выплаты или нет (например, Российская Федерация представлена как страна с переходной экономикой; причисляемые на момент подписания РКИК к развивающимся странам Индия и Китай, отказавшиеся от участия в Конвенции, однако присоединившиеся к Парижскому соглашению, не входят в ранее упомянутый нами список стран Приложения I к РКИК). Кроме того, Парижское соглашение не предлагает отлаженных механизмов, ориентированных на общее согласование финансовых ресурсов

для достижения целей в области роста температур и адаптации к его последствиям [27].

Помимо этого в соглашении слабо поднимается идейный аспект деуглеродизации мировой экономики в контексте концепции УР. Парижское соглашение не решает фундаментальных проблем глобальной капиталистической экономической системы, продолжающей укреплять зависимость мира от «грязного» топлива. Продвигаемый в рамках неолиберальной системы индивидуализм, с нашей точки зрения, способствует концентрации поставщиков ресурсов, производителей товаров и их потребителей в лице как частных, так и государственных акторов на собственных узких целях и стремлении к возведенной в абсолют экономической выгоде без внимания к ныне существующим коллективным угрозам и динамике их развития. Более того, с помощью искусственно ускоренной сменяемости трендов и запланированного устаревания товаров, ограничивающего срок эксплуатации вещей, укрепляется общество потребления, которое удовлетворяет уже не свои основные потребности, а множество дополнительных, навязанных извне сложившейся моделью капитализма ради постоянного роста прибыли. Это чревато не только чрезмерным использованием ресурсов для производства всё большего числа товаров, но и ростом выбросов в атмосферу по причине увеличения количества мусора, зачастую остающегося гнить на свалках или сжигаемого в силу дороговизны и слабой развитости систем переработки. Так, согласно данным международного агентства по вопросам оказания помощи и развития «Tearfund», в шести странах — Китае, Индии, Бразилии, Мексике, Нигерии и Филиппинах — четыре компании — «Coca-Cola», «Nestl», «Pepsico» и «Unilever» — ответственны за количество пластиковых отходов, достаточное для ежедневного покрытия ими площади в 83 футбольных поля [37, с. 6]. В силу отсутствия возможности их переработки или должной утилизации они часто сжигаются, значительно загрязняя воздух и способствуя изменению климата. По мнению авторов доклада, сжигание пластиковых отходов только одной «Coca-Cola» создает выбросы, эквивалентные 2,5 млн тонн углекислого газа [37, с. 9]. Соответственно, в Парижском соглашении, на наш взгляд, недостаточно четко отражено несоответствие распространенных по миру и прочно

укрепившихся в разнообразных аспектах жизни общества нерациональных моделей производства и потребления заданным целям в области климата.

Заключение

Таким образом, в данной статье рассмотрены причины и условия принятия Парижского соглашения, путь к которому можно охарактеризовать как сложный процесс поиска консенсуса государствами, в разной степени сталкивающимися с проблемами глобального потепления и преследующими зачастую противоречащие друг другу цели в области развития, по поводу создания единого для всех механизма, способного обеспечить сокращение общих выбросов парниковых газов в атмосферу для минимизации глобальных последствий ускоряемого антропогенными факторами изменения климата. Основной трудностью и причиной разногласий в этом плане, по нашему мнению, стали условия продолжающегося и сейчас переходного периода, заключающегося в постепенном отказе от диктуемого капиталистической моделью принципа доминирования частных выгод над общими в пользу УР, которое направлено на удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений на основе справедливости и согласованности с возможностями природы. Помимо этого нами были проанализированы условия Парижского соглашения, позиционируемого в кругах ООН в качестве «надежного механизма, определяющего глобальные усилия на десятилетия вперед» [42]. Предложенные в данном документе способы противодействия проблеме изменения климата обладают комплексным характером, охватывающим экологическое, экономическое и политическое поля дальнейшей деятельности сторон соглашения по обеспечению УР в контексте глобального потепления. В то же время нельзя однозначно говорить об эффективности предложенных мер в силу добровольного характера соглашения, отсутствия конкретики по ряду вопросов, связанных с принципами отчетности и климатического финансирования, а также в силу обоснованных сомнений в достаточности утвержденных целей для решения проблемы изменения климата.

Парижское соглашение по климату, действительно, можно считать значимой основой нового климатического режима, на-

целенного на деуглеродизацию мировой экономики для смягчения последствий глобального роста температур и на адаптацию к ним мирового сообщества, однако с оговоркой: значимость соглашения обусловлена достижением на его основе консенсуса по объединению усилий государств в области климата, но не эффективностью предлагаемых документом профильных мер. Этот консенсус стал возможным в том числе благодаря минимизации конкретики в соглашении об индивидуальной ответственности стран за глобальное потепление и о механизмах повышения финансирования программ адаптации к последствиям изменения климата, свободному формированию определяемых на национальном уровне вкладов, отсутствию каких-либо санкций или поощрений за их выполнение или невыполнение. Еще одним недостающим элементом соглашения является взаимосвязь его целей с реалиями продолжающей доминировать в мире капиталистической системы, в которой возведенная во главу угла прибыль стимулирует укрепление общества потребления и моделей производства, ориентированных на сиюминутные выгоды без учета динамики негативного влияния нынешних производственных процессов на окружающую среду.

В этой связи Парижское соглашение служит, прежде всего, механизмом объединения государств в их готовности начать более активные действия по противодействию последствиям изменения климата, что стало возможным благодаря довольно гибкому и добровольному характеру документа. Исполнительный директор британского отделения Фонда дикой природы Д. Ниссбаум в этом отношении отметил: «Париж — это лишь стартовый залп в гонке к экологически чистому будущему» [3]. Поэтому в перспективе, после одного или нескольких пятилетних циклов пересмотра национальных вкладов и оценки их эффективности, следует ожидать укрепления Парижского соглашения более четкими рекомендациями, конкретными обязательствами и выверенными механизмами согласования действий стран в области климата на международной арене или создания на его основе нового документа, обладающего этими чертами. Поэтапное наращивание обязательств государств в области уменьшения темпов глобального потепления и адаптации к его необратимым последствиям будет способствовать плавной трансформации

находящейся в кризисе мировой неолиберальной капиталистической системы, неспособной справиться с глобальными вызовами современности, в устойчивую модель развития общества, способную благодаря коллективным согласованным усилиям разрешить мировые проблемы современности и обеспечить всеобщие равные возможности процветания для человечества не только в контексте настоящего, но и относительно будущего.

Литература

1. *Абрамова И.О.* Развивающиеся страны в мировой экономике XXI века: формирование новой архитектуры международных экономических отношений // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 1. – С. 70–75.
2. *Аддис-Абебская программа действий*, 2015 г. // Официальный сайт ЮНКТАД. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares69d313_ru.pdf (дата обращения: 04.12.2020).
3. В чем суть Парижского соглашения по климату и почему оно важно? // Русская служба BBC. – 01.06.2017. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-40118229> (дата обращения: 05.12.2020).
4. Декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды, 1972 г. // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 04.12.2020).
5. Доклад Генерального секретаря ООН «Мировой океан и морское право» [A/68/71], 2013 // Официальный сайт Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. – URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/12501DOALOS_A_68_71_impacts%20of%20OA.pdf (дата обращения: 03.12.2020).
6. *Кишкань Е.Р.* Проблемы и перспективы продления Киотского протокола до 2020 г. На основе анализа международных климатических конференций // Вестник ВолГУ. – Серия 3. № 2 (31). – 2015. – С. 116–121.
7. Конвенция о биологическом разнообразии, 1992 г. // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 04.12.2020).
8. Парниковые газы: определение, виды, опасное влияние на экологию // Экологический портал «Cleanbin». – URL: <https://cleanbin.ru/terms/greenhouse-gases> (дата обращения: 03.12.2020).
9. Проект Стратегии долгосрочного развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/babacbb75d32d90e28d3298582d13a75/proekt_strategii.pdf (дата обращения: 04.12.2020).
10. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата, 1992 г. // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 04.12.2020).
11. Соглашение подписано, цель — «менее чем на 2 °C» // Портал «Научная Россия». – 12.12.2015. – URL: <https://scientificrussia.ru/articles/soglashenie> (дата обращения: 05.12.2020).
12. *Тихоцкая И.С.* Экологические проблемы в Японии: между прошлым и будущим // Японские исследования. – 2016. – № 1. – С. 61.
13. Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2020 № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45990> (дата обращения: 05.12.2020).
14. Цели развития тысячелетия [A/RES/55/2], 2000 г. // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 04.12.2020).

15. Agenda 21, 1992 // UN official web-site. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (accessed: 04.12.2020).
16. *Bachmann J., Calkins D., Oge M.* Cleaning the Air We Breathe: A Half Century of Progress // EPA Alumni Association official web-site. – 2017. – URL: <http://www.epaalumni.org/hcp/air.pdf> (accessed: 03.12.2020).
17. BP Statistical Review of World Energy // British Petroleum official web-site. – 68th edition. – 2019. – URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf> (accessed: 04.12.2020).
18. *Carson R.* Silent Spring // Houghton Mifflin Company, USA. – B. 1962.
19. Climate Action Tracker – Countries // Climate Action Tracker official web-site. – URL: <https://climateactiontracker.org/countries/> (accessed: 05.12.2020).
20. Climate finance for developing countries reached USD 71 billion in 2017 // OECD official web-site. – 2019. – URL: <https://www.oecd.org/newsroom/climate-finance-for-developing-countries-reached-usd-71-billion-in-2017.htm> (accessed: 03.12.2020).
21. Climate Science Special Report // US Global Change Research Program official web-site. – Chapter 12: Sea Level Rise. – 2017. – URL: <https://science2017.globalchange.gov/chapter/12/> (accessed: 03.12.2020).
22. Delivering on the \$100 Billion Climate Finance Commitment and Transforming Climate Finance // UN official web-site – Independent Expert Group on Climate Finance. – December 2020. – URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/100_billion_climate_finance_report.pdf (accessed: 06.12.2020).
23. *DenElzen M.G.J., Olivier J.G.J., Höhne N., Janssens-Maenhout G.* Countries' contributions to climate change: Effect of accounting for all greenhouse gases, recent trends, basic needs and technological progress // Climatic Change. – 2013. – P. 397–412. – URL: <https://socionet.ru/publication.xml?h=repec:spr:climat:v:121:y:2013:i:2:p:397-412> (accessed: 05.12.2020).
24. *Dowdey S.* Greenpeace History // Howstuffworks platform official web-site. – URL: <https://money.howstuffworks.com/greenpeace2.htm> (accessed: 04.12.2020).
25. *Ehrlich P.* The Population Bomb // Ballantine Books, USA. – N.Y., 1975.
26. Fossil CO2 emissions of all world countries – 2020 Report // Joint Research Centre official web-site. – 2020. – URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC121460/kjna30358enn.pdf> (accessed: 06.12.2020).
27. Global Annual to Decadal Climate Update // WMO official web-site. – 2020. – URL: https://hadleyserver.metoffice.gov.uk/wmolc/WMO_GADCU_2019.pdf (accessed: 05.12.2020).
28. Greenhouse Gas Bulletin // WMO official web-site. – 2020. – URL: https://mcusercontent.com/daf3c1527c528609c379f3c08/files/279cb390-e91d-4506-9c23-bc538d68fa35/GHG_Bulletin_16_print_en.01.pdf (accessed: 05.12.2020).
29. Ice melt, sea level rise and superstorms: evidence from paleoclimate data, climate modeling, and modern observations that 2 C global warming is highly dangerous / Hansen J., Sato M., Hearty P., Ruedy R., Kelley M., Masson-Delmotte V., Russell G., Tselioudis G., Cao J., Rignot E., Velicogna I., Kandiano E., von Schuckmann K., Kharecha P., Legrande A.N., Bauer M., Lo K.-W. // Copernicus journal official web-site. – 2015. – URL: <https://acp.copernicus.org/preprints/15/20059/2015/acpd-15-20059-2015.pdf> (accessed: 05.12.2020).
30. *Laszlo E.* Goals for Mankind: A Report to the Club of Rome on the New Horizons of Global Community // E.P. Dutton, USA. – N.Y., 1977.
31. *Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens III W.W.* The Limits to Growth a Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind // Universe Books, USA – N.Y., 1972.
32. *Mesarovic M.D., Pestel E.C.* Mankind at the turning point: the Second Report to the Club of Rome // New American Library, USA. – N.Y., 1974.
33. Paris Agreement, 2015 // UN official web-site. – URL: https://treaties.un.org/doc/Treaties/2016/02/20160215%2006-03%20PM/Ch_XXVII-7-d.pdf (accessed: 03.12.2020).

34. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future, 1987 // UN Documents Collection official web-site. – URL: <http://www.un-documents.net/our-common-future.pdf> (accessed: 04.11.2020).
35. State of the Global Climate 2020 // WMO official web-site. – 2020. – URL: https://library.wmo.int/doc_num.php?explnum_id=10444 (accessed: 03.12.2020).
36. Trajectories of the Earth System in the Anthropocene / Steffen W., Rockström J., Richardson K., Lenton T.M., Folke C., Liverman D., Summerhayes C.P., Barnosky A.D., Cornell S.E., Crucifix M., Donges J.F., Fetzer I., Lade S.J., Scheffer M., Winkelmann R., and Schellnhuber H.J. // Proceedings of the National Academy of Sciences (USA). – 2018. – URL: <https://www.stockholmresilience.org/research/research-news/2018-08-06-planet-at-risk-of-heading-towards-hothouse-earth-state.html> (accessed: 05.12.2020).
37. The Burning Question: Will Companies Reduce Their Plastic Use? // Tearfund official web-site. – 2020. – URL: https://learn.tearfund.org/~media/files/tilz/circular_economy/2020-tearfund-the-burning-question-en.pdf?la=en (accessed: 05.12.2020).
38. The Great Smog of 1952 // Met Office official web-site. – 2014. – URL: <https://web.archive.org/web/20140903190137/http://www.metoffice.gov.uk/education/teens/case-studies/great-smog> (accessed: 03.12.2020).
39. *Tinbergen J., van Ettinger J.* Reshaping the International Order: A Report to the Club of Rome. – E.P. Dutton, USA. – N.Y., 1976.
40. Total greenhouse gas (GHG) emission trends and projections // European Environment Agency official web-site. – 2017. – URL: <https://www.eea.europa.eu/data-and-maps/indicators/greenhouse-gas-emission-trends-5/assessment-1> (accessed: 04.12.2020).
41. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development [A/RES/70/12015], 2015 // UN official web-site. – URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E (accessed: 04.12.2020).
42. UN Climate Action: The Paris Agreement // UN official web-site. – URL: <https://www.un.org/en/climatechange/paris-agreement> (accessed: 05.12.2020).
43. Understanding the Science of Ocean and Coastal Acidification // U.S. Environmental Protection Agency official web-site. – URL: <https://www.epa.gov/ocean-acidification/understanding-science-ocean-and-coastal-acidification> (accessed: 03.12.2020).
44. *Wara M.W., Victor D.A.* Realistic Policy on International Carbon Offsets // Stanford University Program on Energy and Sustainable Development. – Working Paper, 74. – 2008. – URL: https://fsi-live.s3.us-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/WP74_final_final.pdf (accessed: 04.12.2020).
45. What is Ocean Acidification? // U.S. National Oceanic and Atmospheric Administration official web-site. – URL: <https://www.pmel.noaa.gov/co2/story/What+is+Ocean+Acidification%3F> (accessed: 03.12.2020).
46. Yeo S. Paris Climate Talks: What do the negotiating alliances want? // Carbonbrief Platform official web-site. – 2015. – URL: <https://www.carbonbrief.org/paris-2015-what-do-the-negotiating-alliances-want> (accessed: 05.12.2020).
47. Yeo S. Paris Climate Talks: Who are the Negotiating Groups? // Carbonbrief Platform official web-site. – 2015. – URL: <https://www.carbonbrief.org/interactive-the-negotiating-alliances-at-the-paris-climate-conference> (accessed: 05.12.2020).

Очеповский Андрей Игоревич,

Атташе,

Посольство Российской Федерации в Соединенных Штатах Америки,
Вашингтон.

Andrey I. Ochepovskiy,

Attache,

Embassy of the Russian Federation in the United States of America,
Washington, DC.

E-mail: ochepovski@mail.ru

ПОЛИТИКА США В ОБЛАСТИ ОСВОЕНИЯ КОСМИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

U.S. POLICY IN THE SPHERE OF SPACE RESOURCE UTILIZATION

Аннотация: вопросы перспектив освоения ресурсов на небесных телах (прежде всего, на Луне и астероидах) занимают всё более важное место в американской космической политике. США провозглашен курс на создание максимально благоприятных условий для проектов по освоению полезных ископаемых в космосе. Акцент делается на формировании национальных и международных («Соглашения Артемиды») норм, соответствие которых существующим положениям международного права весьма спорно. Более того, учитывая, что существующий уровень технологического развития не позволяет пока говорить о полномасштабной добыче ресурсов на небесных телах в обозримом будущем, есть основания предполагать, что де-факто инициативы Соединенных Штатов в краткой и среднесрочной перспективах нацелены на получение, прежде всего, дивидендов иного характера. Используя вопрос эксплуатации недр Луны и астероидов, Вашингтон стремится консолидировать вокруг себя группу стран-единомышленников, чтобы с опорой на такой альянс продвигать собственную повестку в вопросах освоения космоса, включая формирование «правил поведения» в рассматриваемой области. На внутренней арене речь, прежде всего, идет о попытках привлечь интерес американского бизнеса к инвестициям в освоение космоса.

Ключевые слова: космические ресурсы, космическое право, Комитет по использованию космического пространства в мирных целях (КОПУОС), Договор о космосе 1967 года, Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА), «Соглашения Артемиды», Национальная космическая стратегия США.

Abstract: the issue of the prospects of utilizing resources of celestial bodies (primarily the Moon and asteroids) becomes more important for the American space policy. The U. S. has proclaimed a course towards creating most favorable conditions for projects dealing with utilizing space resources. The emphasis is made on establishing national and international (“Artemis Accords”) norms whose compliance with existing provisions of international law is questionable. Moreover, taking into consideration that the current level of technological development doesn’t allow to talk about industrial extraction of space resources in the foreseeable future, it is reasonable to suppose that, in fact, U. S. initiatives in short- and mid-term prospective are aimed at receiving other sorts of dividends. By using the issue of exploiting the subsoil of the Moon

and asteroids, Washington is trying to consolidate under its leadership a group of like-minded countries and use such alliance as a support for promoting American agenda in space, including forming so called 'rules of behavior' in this sphere. Domestically, it comes to attempts to interest American companies to invest in space exploration.

Key words: space resources, space law, UN Committee on the Peaceful Uses of Outer Space (COPUOS), the 1967 Outer Space Treaty, National Aeronautics and Space Administration (NASA), Artemis Accords, U. S. National Space Policy.

Введение

Наступившая шесть десятилетий назад после запуска первого искусственного спутника Земли (1957 г.) и полета Ю. А. Гагарина (1961 г.) космическая эра поставила на повестку дня вопрос освоения человечеством Солнечной системы. Благодаря многочисленным исследовательским проектам ученые в настоящее время уже обладают значительным объемом информации, чтобы делать детальные прогнозы относительно строения многих небесных тел. В частности, выдвигаются предположения, что в их недрах могут находиться обширные залежи полезных ископаемых (прежде всего, металлов), а также воды в виде льда. Так, по оценкам американских астрономов, астероид 1986 DA (расположен примерно в 30 млн км от нашей планеты) может содержать до 10 тыс. т золота, 100 тыс. т платины, 10 млрд т железа и 1 млрд т никеля [11]. В октябре 2020 года глава United Launch Alliance (консорциум компаний «Boeing» и «Lockheed Martin» по созданию ракет-носителей) Т. Бруно отметил, что на небесных телах в зоне досягаемости от Луны, вероятно, находится до 2 трлн т. промышленных металлов [38].

Не менее заманчиво выглядят озвучиваемые расчеты прибыльности проектов по освоению отдельных астероидов. Так, упомянутый астероид 1986 DA, по некоторым прогнозам, может оцениваться в 7 трлн долл. [14].

Подобные оценки предсказуемо привлекают живой интерес со стороны предпринимателей, пытающихся разработать способы доставки космических ресурсов на Землю. Стремительно растет количество проектов в данной отрасли. Причем лидирующие позиции уверенно занимают США, где, по некоторым оценкам, зарегистрировано свыше 70% от общего количества таких фирм в мире [33].

Как демонстрирует опыт подобных предприятий, их первоочередной задачей является обеспечение устойчивого финан-

сирования. Нехватка средств уже привела к банкротству ряда компаний, которые ранее рассматривались в качестве будущих лидеров по добыче полезных ископаемых на Луне и астероидах. Так, в октябре 2018 года Planetary Resources ввиду финансовых проблем была продана ConsenSys Inc. (занимается блокчейн-технологиями). Еще один некогда заметный участник отрасли — Deep Space Industries — в январе 2019 года был куплен Bradford Space. Новые владельцы, не отказавшись в принципе от проектов по освоению космических ресурсов, в то же время заявили, что считают работу над ними делом отдаленной перспективы [13].

В настоящее время на пути привлечения инвестиций в разработку бизнес-инициатив по добыче полезных ископаемых в космосе имеются существенные преграды. Прежде всего, стоит отметить значительный объем необходимых средств. Для сравнения: на реализацию программы «OSIRIS-REx» по забору до 60 г грунта с поверхности астероида Бенну Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства США (НАСА) потратило почти 1 млрд долл. [21]. При схожих целях (извлечение и доставка на Землю груза с другого небесного тела) в случае с коммерческими проектами речь будет идти о еще более крупных суммах. Кроме того, их привлекательность снижает то, что инвесторы смогут получить доход лишь в долгосрочной перспективе.

Однако наиболее зримым препятствием является спорный юридический статус проектов по коммерческому освоению недр небесных тел. По словам сторонников подобных инициатив (например, К. Джонсона из Secure World Foundation)¹, неопределенность отпугивает потенциальных инвесторов, порождая сомнения в должном уровне защищенности капиталовложений [28].

В этой связи представляет интерес проводимая США политика по легализации добычи космических ресурсов путем устранения существующей в международном праве неопределенности по данному вопросу. Для анализа действий Вашингтона необходимо обратиться к регулированию данного вопроса в международном праве, затем — рассмотреть нормативно-правовые инициативы и практические шаги Соединенных Штатов в этой

¹ К. Джонсон — советник по вопросам космического права в американской неправительственной организации «Secure World Foundation», занимающейся космической проблематикой.

сфере. Особое внимание стоит уделить также перспективам реализации проектов по освоению недр небесных тел.

Регулирование добычи космических ресурсов в международном праве

Вопрос выработки общемировых правил ведения деятельности в космосе был поднят почти сразу после первых успешных орбитальных запусков. С самого начала ключевой переговорной площадкой стала ООН, включая образованный под ее эгидой в 1958 году Комитет по использованию космического пространства в мирных целях (КОПУОС).

За прошедшие годы под эгидой ООН было выработано значительное количество документов, регулирующих космическую деятельность. Центральное место среди них занимают пять соглашений. При этом два из них непосредственно связаны с вопросом освоения небесных тел. Речь идет о Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Договор о космосе), и Соглашении о деятельности государств на Луне и других небесных телах (Договор о Луне).

Вступивший в силу в 1967 году Договор о космосе является центральным элементом современного космического права [2]. По состоянию на январь 2020 года его ратифицировали 110 стран, среди которых все ведущие державы в области освоения космического пространства: Россия, США, Китай, Франция, Индия, Япония и проч. Соглашение имеет универсальный характер, устанавливая рамки деятельности в космосе.

Не затрагивая напрямую юридическую составляющую разработки недр небесных тел, документ в то же время содержит положения, которые могут опосредованно касаться добычи ресурсов в космосе, включая возможность установления права собственности на них. В частности, исследование и использование космического пространства провозглашены достоянием всего человечества (статья 1). Вместе с тем космическое пространство не подлежит национальному присвоению (статья 2).

Договор о Луне был заключен в 1979 году [5]. Согласно документу спутник Земли и его недра объявлялись общим наследием человечества; лунные недра, ресурсы и поверхность не могут

быть собственностью какого-либо государства, международной или национальной организации или физического лица (статья 11). Отдельно отмечается, что закрепленные в документе положения применяются также и к другим небесным телам (статья 1).

Вместе с тем необходимо отметить, что Договор о Луне не нашел широкой поддержки международного сообщества. В общей сложности его ратифицировали 18 государств. Примечательно, что СССР (а затем и Россия), США и другие ведущие космические державы отказались от участия в данном соглашении. Как следствие, практический эффект от его действия крайне незначителен.

Таким образом, в настоящее время в международном праве нет однозначных норм в отношении добычи космических ресурсов. В Договоре о космосе отсутствуют как ярко выраженное разрешение на такую деятельность, так и запрет. Однако на фоне растущей популярности тематики разработки недр небесных тел в США всё громче звучат рассуждения о необходимости внести дополнения в существующее космическое право, чтобы преодолеть сложившуюся неопределенность. Причем подобное мнение выражают не только представители неправительственных проффильных организаций, но и в НАСА¹ [8].

Не остаются в стороне и американские законодатели. В последние годы в Капитолии неоднократно озвучивались предложения по пересмотру Договора о космосе. Наиболее активным выразителем данной точки зрения является представляющий Техас (один из ключевых регионов космической индустрии США) сенатор-республиканец Т. Круз. В своем выступлении по случаю 50-летия соглашения в рамках заседания подкомитета по космосу комитета Сената по науке, торговле и транспорту (23 мая 2017 г.) парламентарий призвал Конгресс США рассмотреть релевантность статей Договора в современных условиях, особенно с учетом растущего участия американских компаний в космических проектах [32].

Деятельность США по поддержке проектов в области добычи космических ресурсов

Привлечение деловых кругов к деятельности по освоению космоса представляет собой приоритет Вашингтона в данной обла-

¹ Например, и. о. заместителя администратора НАСА по международным связям М. Голд.

сти [6; 35]. Целью такой коммерциализации является увеличение притока частного капитала в отрасль, что, в свою очередь, требует создания благоприятных правовых условий для капиталовложений в эту сферу, как на национальном, так и на международном уровнях.

Примечательно, что помимо рассуждений о защите прав граждан США в области реализации коммерческих проектов фактически активно продвигается идея о возможности применения в космосе «правил поведения», регулирующих деятельность на Земле. Вероятно, неслучайно в Соединенных Штатах даже на официальном уровне можно встретить точку зрения, что Луна фактически представляет собой «продолжение» нашей планеты. Так, характеристика земного спутника как «восьмого континента»¹ зафиксирована в докладе Национального космического совета «Новая эра в исследовании и освоении космоса» [6, с. 4]. Еще один популярный среди американских специалистов и чиновников (включая администратора НАСА Дж. Брайденстайна) прием — приравнивание разработки недр небесных тел к рыболовству в открытом море [20].

Еще при администрации Б. Обамы, в 2015 году, в Соединенных Штатах был принят Закон о конкурентоспособности в области коммерческих космических запусков (U. S. Commercial Space Launch Competitiveness Act). Раздел IV данного документа посвящен добыче и использованию космических ресурсов. В соответствии с ним на федеральные органы исполнительной власти возложена задача по обеспечению благоприятных условий для коммерческих проектов, нацеленных на освоение небесных тел, включая снижение регулятивных барьеров. Кроме того, в законодательном акте прописано право граждан США на владение, использование, транспортировку и продажу добытых в космосе ископаемых [39].

После прихода к власти Д. Трампа значительно повысилось внимание к проектам НАСА по исследованию и освоению небесных тел (прежде всего, Луны), включая и тематику добычи космических ресурсов. Так, в «Меморандуме о возрождении американской программы исследования космоса человеком» (Presidential Memorandum on Reinvigorating America's Human Space Exploration Program) от 11 декабря 2017 года в качестве одной из целей про-

¹ В США преобладает точка зрения о разделении суши на Земле на семь континентов.

писано возвращение на спутник Земли на долгосрочной основе для его изучения и использования [29].

Следующим значительным шагом на данном направлении стало подписанное в апреле 2020 года «Исполнительное распоряжение о поощрении международной поддержки для добычи и использования космических ресурсов» (Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources) [15]. Фактически документ продемонстрировал взятый США курс на формирование коалиции единомышленников для продвижения на международной арене своих интересов по освоению недр небесных тел. Поводом для решительных действий названа усмотренная Вашингтоном неопределенность в существующем регулировании космической деятельности, которая мешает реализации «права американских граждан на участие в коммерческой добыче и использовании космических ресурсов» [15]. Одновременно с этим резкой критике в документе подвергся Договор о Луне. Соединенные Штаты не просто в очередной раз заявили о нежелании присоединяться к нему — в президентском распоряжении говорится, что Вашингтон не приемлет попыток других государств и международных организаций использовать данное соглашение в качестве источника международного права.

В соответствии с президентским распоряжением НАСА и Государственным департаментом США были разработаны так называемые Соглашения Артемиды (Artemis Accords) [7]. В ходе 71-го Международного астронавтического конгресса (13 октября 2020 г.) состоялась церемония подписания договоренностей группой стран, в состав которой вошли США, Австралия, Великобритания, Италия, Канада, Люксембург, ОАЭ и Япония. В ноябре 2020 года о присоединении к ним объявила Украина.

В рамках данной работы наибольший интерес представляет статья 10 документа (де-юре — серии однотипных двусторонних соглашений) — она прописывает право сторон на разработку космических ресурсов. Причем декларируется, что такая деятельность не обязательно означает «национальное присвоение» и поэтому не противоречит Договору о космосе.

Несмотря на свою «новизну», вопрос о соответствии «Соглашений Артемиды» существующим общемировым нормам, включая положение о праве на освоение недр небесных тел, уже пре-

вратился в предмет для оживленной дискуссии среди экспертов в области международного права. Сторонники американской инициативы из числа юристов (например, упомянутый К. Джонсон) в своих рассуждениях в основном апеллируют к статье 1 Договора о космосе, согласно которой космическое пространство открыто для исследования и использования всеми государствами [18].

Их оппоненты утверждают, что «Соглашения Артемиды» нарушают статью 2 Договора о космосе, которая содержит запрет на национализацию космического пространства. Весьма подробную аргументацию в пользу этой точки зрения приводит директор Центра международного и сравнительного права Университета Сент-Джонс (г. Нью-Йорк) К. Борген. Ссылаясь на статью 6 Договора о космосе, он указывает, что государства отвечают за деятельность в космосе со стороны своих неправительственных организаций. При этом частные космические проекты обязаны получить разрешение со стороны государства и находиться под его контролем. На практике это будет значить, что, например, США должны будут регулировать работу занимающихся добычей ресурсов американских компаний на поверхности небесных тел, что может быть равносильно фактическому установлению суверенитета над территорией [10].

Стоит отметить, что наряду с дополнением национального законодательства и попыткой изменить международные нормы США предпринимают и другие действия, направленные на стимулирование проектов по добыче космических ресурсов. Так, в сентябре 2020 года НАСА приняло решение запустить программу покупки образцов лунных пород у частных компаний [23]. В соответствии с планом фирмы-участники должны собрать небольшой объем реголита (до 500 г.), после этого — предоставить космическому агентству визуальное доказательство проделанной работы, а также координаты места нахождения «посылки». Но самое главное — НАСА должно будет получить «на месте» право собственности на подготовленную порцию материала. Вознаграждение бизнесмены получают весьма незначительное (около 15 тыс. долл.). По словам Дж. Брайденстайна, агентство тем самым намерено создать прецедент сделок по купле-продаже космических минеральных ресурсов, заложив основу для расширения торговли последними [12]. В декабре 2020 года косми-

ческое ведомство США объявило четырех победителей тендера. В их число вошли американские фирмы «Lunar Outpost» и «Masten Space Systems», а также иностранные компании «Ispace Japan» (Япония) и «Ispace Europe» (Люксембург).

Препятствия на пути реализации проектов по добыче космических ресурсов

В то же время, говоря о разрабатываемых в США инициативах по освоению недр небесных тел, стоит отметить, что их перспективы (даже с учетом мер со стороны правительства в целом и НАСА в частности) весьма неоднозначны. Существует немало проблем, которые заставляют скептически взглянуть на возможность реализации амбициозных проектов.

Для более подробного рассмотрения имеющихся преград имеет смысл разделить добычу космических ресурсов на две категории: «лунную» и «астероидную».

По сравнению с другими небесными телами спутник Земли является наиболее изученным. Его основное преимущество — близость к нашей планете (порядка 300 тыс. км). Соответственно, речь идет об относительно быстрой доставке ресурсов (время полета в одну сторону — около трех дней), а также о незначительной (2—4 секунды) задержке в передаче сигнала. Данный факт значительно упрощает управление роботизированными миссиями.

Хотя в лунном грунте обнаружено присутствие ряда металлов (включая алюминий, железо и титан), основным ресурсом, о разработке которого ведутся предметные разговоры, является вода. Освоение ее запасов является одним из ключевых элементов плана НАСА по установлению устойчивого присутствия на спутнике Земли. Американское космическое агентство на регулярной основе апеллирует к оценкам, согласно которым лунные запасы воды в виде льда исчисляются миллиардами тонн [22]. При этом, безусловно, подобные подсчеты нуждаются в дальнейшем подтверждении, а также в установлении конкретных районов залегания.

Добытую воду предлагается использовать для обеспечения функционирования будущих станций на Луне. Прежде всего, речь идет о ее использовании для создания ракетного топлива. В случае успеха идеи появится возможность «дозаправки» космиче-

ских кораблей около или на спутнике Земли, что позволит в будущем значительно упростить лунные и межпланетные экспедиции.

В международном экспертном сообществе озвучиваются также планы по разработке лунных запасов гелия (в частности, изотопа гелий-3) для последующего использования в термоядерных реакторах [16]. Однако на пути реализации данных идей отмечаются существенные преграды. Во-первых, человечество не располагает необходимыми технологиями для создания АЭС, использующих подобное топливо. В связи с этим примечательно высказывание Дж. Логсдона — основателя Института космической политики при Университете им. Дж. Вашингтона. По его словам, лететь на Луну за гелием-3 — всё равно что в свое время отправить Х. Колумба в Индию за ураном. Мореплаватель смог бы его привезти, но затем еще несколько столетий никто не знал бы, что с этим металлом делать [3]. Во-вторых, данный элемент содержится в реголите в крайне незначительных пропорциях. По оценкам экспертов, для получения 1 кг гелия-3 понадобится переработать 100 тыс. т лунного грунта [3].

В отличие от Луны более интересным составом обладают астероиды (особенно представители М-класса¹). Согласно расчетам, многие из них содержат колоссальные запасы металлов (железо, золото, платина, никель, кобальт и др.), намного превышающие залежи аналогичных ресурсов на Земле.

В то же время на пути реализации проектов по освоению астероидов существует целый ряд преград. Прежде всего, уровень технологического развития в настоящее время недостаточен для решения столь сложных задач. Наглядное доказательство тому — уже осуществленные или находящиеся на стадии выполнения миссии по изучению астероидов. Так, японский аппарат «Hayabusa-2», запущенный Японией в 2014 году, добрался до цели — астероида Рюгу — лишь в 2018 году. Возвращение зонда на Землю со 100 мг грунта состоялось в декабре 2020 года. Другой пример — стартовавшая в 2016 году американская экспедиция «OSIRIS-REx» по изучению астероида Бенну. В 2018 году станция достигла небесного тела. Ее прибытие обратно (ориентировочно с образцами пород массой около 60 г) запланировано на 2023 год.

¹ Спектральный класс М — тип астероидов, основной состав которых предположительно являются металлы.

Тем самым нынешние технологии полетов на астероиды не позволяют говорить о возможности реализации значимых экономических проектов, поскольку для осуществления коммерческих миссий речь должна идти о доставке на Землю грузов в несколько тонн. Негативным фактором является и большая продолжительность экспедиций, которая также отрицательно сказывается на их инвестиционной привлекательности.

Наиболее очевидный способ решения таких проблем — усовершенствование двигателей, включая создание ядерных силовых установок под выполнение космических полетов. Однако в настоящее время подобные разработки в США еще достаточно далеки от практического применения. Одной из причин этого является определенная спорадичность усилий на данном направлении. Проекты по разработке ядерных ракетных двигателей уже неоднократно закрывались под предлогом нехватки финансирования. Наглядный пример — судьба программы «Прометей» [17]. Разрабатываемая в ее рамках силовая установка должна была состоять из ионного двигателя и поставляющего электроэнергию для него компактного атомного реактора. Запущенный в 2003 году проект был закрыт всего через два года ввиду недостаточного финансирования. Безусловно, стоит отметить, что администрация Д. Трампа перед своим уходом (декабрь 2020 г.) опубликовала Национальную стратегию в области космической ядерной энергетики (National Strategy for Space Power and Propulsion), предусматривающую создание ядерного двигателя для пилотируемых космических аппаратов к 2030-м годам. В то же время перспективы реализации данной задачи представляются весьма туманными с учетом смены власти в США и приходом администрации Дж. Байдена, приоритеты космической политики которой, очевидно, будут отличаться от ее республиканских предшественников.

Другой технический фактор, способный серьезно осложнить работу на астероидах, — задержка сигнала. В частности, для миссии «OSIRIS-REx» она составляла порядка 18 минут. Простейшие расчеты позволяют определить, что, например, в случае потенциального полета на астероид Психея данная величина будет превышать 15 минут¹. Подобный расклад может существенно осложнить управление процессами по добыче полезных ископа-

¹ Если считать скорость передачи сигнала равной скорости света в вакууме (300 тыс. км/с), то время составит: $270 \text{ млн км} \div 300 \text{ тыс. км/с} = 900 \text{ с} = 15 \text{ минут}$.

емых, что, в свою очередь, приведет к дальнейшему увеличению расходов на их реализацию.

Кроме того, необходимо учитывать, что потребуются дополнительные дорогостоящие миссии (наподобие «OSIRIS-REx») для более точной оценки расположенных в недрах небесных тел ресурсов. Лишь получив более подробную информацию, можно будет осуществить окончательный выбор подходящих для освоения астероидов. В частности, на 2022 год запланирован запуск автоматической станции к Психее. При этом зонд прибудет в район предполагаемых исследований не раньше 2026 года. Без таких тщательных исследований коммерческие миссии по освоению астероидов могут быть сравнимы с тщетными усилиями испанских конкистадоров по поиску мифической страны Эльдorado в XVI веке.

Стоит отметить также, что наряду с технологическими преградами разработка полезных ископаемых на небесных телах может повлечь за собой значительные рыночные риски. Если оценки богатства недр астероидов подтвердятся и у человечества появится техническая возможность добывать космические ресурсы и доставлять их на Землю в промышленных масштабах, мировые сырьевые рынки, вероятно, столкнутся с беспрецедентным падением цен. Ведь, согласно приведенным выше оценкам, один астероид 1986 DA содержит запасы золота и железа, превышающие показатели общемировой ежегодной добычи. Прогнозируемые значения в отношении астероида Психея и вовсе многократно превосходят запасы железа и никеля на Земле.

В соответствии с законами экономики такое существенное увеличение объемов предложения неизбежно приведет к снижению цен. Тем более что рынки металлов ранее сталкивались с подобной «революцией цен» из-за резкого повышения предложения сырья. Один из наглядных примеров — динамика стоимости алюминия во второй половине XIX века. После изобретения электролитического способа получения данного металла, приведшего к многократному увеличению объемов его производства, произошло стремительное падение цен на этот товар. Если в 1884 году 1 фунт¹ алюминия в США стоил 16 долл., то в 1889 году — 2 долл., а в 1896 году — 0,5 долл. [30].

¹ Примерно 450 г.

Аналогичное развитие событий может негативно сказаться на прибыльности потенциальных экспедиций по освоению астероидов. В результате складывается весьма парадоксальная ситуация: успех миссий по освоению небесных тел приведет к уменьшению их коммерческой привлекательности, что, свою очередь, ставит вопрос об экономической целесообразности для инвесторов.

Роль вопроса эксплуатации недр небесных тел в космической политике США

Особый интерес представляют возможные мотивы, которые способствовали активизации в последние годы действий Соединенных Штатов по устранению неопределенности юридического статуса добычи космических ресурсов.

Принимая во внимание вышеизложенную оценку перспектив осуществления проектов по освоению небесных тел, можно предположить, что основным назначением юридических инициатив США в отношении космических ресурсов является правовое обеспечение инициативы по освоению Луны «Артемиды». Администрация Д. Трампа поставила задачу высадить астронавтов на спутник Земли в 2024 году [24, с. 15]. Установление устойчивого присутствия на Луне запланировано к 2028 году [9]. Опираясь на данные сроки, уместно спрогнозировать, что добыча воды на лунной поверхности, даже при самом благоприятном раскладе, может быть начата не ранее первой половины 2030-х годов.

В то же время вероятен сценарий, при котором реализация проекта «Артемиды» может быть и вовсе отложена на более поздний срок из-за недостатка финансирования. Так, в представленном Сенатом США проекте бюджета НАСА на 2021 год на создание спускаемого лунного модуля предусмотрено выделение 1 млрд долл. при запрошенных Агентством более 3 млрд долл. [31]. Более того, приход к власти Дж. Байдена может также привести к смене приоритетов в американской космической программе (в том числе перенос полетов на Луну), на что указывают ряд экспертов [19].

Учитывая данные факторы, на практике добыча космических ресурсов (если не считать за таковую доставку образцов грунта с небесных тел в рамках научных миссий) может стартовать в весьма отдаленной перспективе. В этой связи еще более при-

мечательным становится характер усилий США по ликвидации сложившейся юридической неопределенности в вопросе освоения полезных ископаемых на Луне и астероидах. Имея в запасе значительное количество времени, Соединенные Штаты тем не менее проигнорировали вариант с предварительным согласованием инициативы в КОПУОС, решив сначала подписать «Соглашения Артемиды» с группой единомышленников, а уже затем вынести готовый документ на рассмотрение в Комитете. По словам М. Голда, США намеревались представить проект договоренностей на профильной площадке ООН еще до их окончательного оформления, но отмена 63-й сессии КОПУОС в июне 2020 года из-за пандемии коронавируса вынудила изменить планы [8].

Однако, как представляется, основной причиной выбранной Вашингтоном стратегии по продвижению своей инициативы в обход КОПУОС стала не тяжелая эпидемиологическая обстановка в мире, а доминирование политической составляющей в «Соглашениях Артемиды». Согласно их тексту государства-участники берут на себя «политическое обязательство» по соблюдению прописанных в них положений [7]. Более того, представители НАСА указывают на политический характер договоренностей, в основе которых лежит общее понимание подписавшими документ странами тех правил, по которым должно вестись освоение космоса [8]. Тем самым можно предположить, что фактически речь идет о формировании США коалиции единомышленников для продвижения на международной арене собственных приоритетов в космической сфере. Причем признание права на освоение ресурсов на небесных телах является одним из ключевых тезисов, лежащих в основе данного альянса.

Подобное «строительство коалиций» Соединенными Штатами вызывает критику со стороны других космических держав. Так, генеральный директор государственной корпорации «Роскосмос» Д. О. Рогозин в рамках упомянутого 71-го Международного астронавтического конгресса весьма скептически оценил перспективы присоединения России к «Соглашениям Артемиды» [4]. Весьма настороженно относятся к инициативе и в Китае. Как отмечает профессор Пекинского технологического института, член делегации КНР в КОПУОС Г. Ван, данные договоренности могут стать платформой для создания антикитайского альян-

са в космосе, нацеленного на изоляцию Поднебесной в данной области [40]. Учитывая же оппозицию со стороны Москвы и Пекина, предварительное обсуждение «Соглашений Артемиды» в КОПУОС могло бы растянуться на продолжительное время без гарантии благоприятного для Вашингтона исхода.

Кроме того, нельзя не отметить функцию, которую лозунг об освоении недр небесных тел играет для привлечения в американскую космическую отрасль частных компаний. Набирающая обороты новая космическая гонка (на этот раз в качестве главных призов — установление постоянного присутствия на Луне и пилотируемый полет на Марс) требует значительного увеличения расходов на проекты по освоению космоса. Возможность их покрытия за счет увеличения государственного финансирования представляется в американских реалиях весьма проблематичной. В частности, выделяемые Конгрессом на нужды НАСА объемы денежных средств меньше запросов ведомства. Весьма показательны в этой связи проекты бюджета Агентства на 2021 год. Так, на разработку лунного спускаемого аппарата НАСА попросило свыше 3 млрд долл. Однако Сенат согласился дать не более 1 млрд долл., а Палата представителей предложила еще меньше — около 600 млн долл. [31].

Кроме того, бюджетное финансирование в США отличается определенной непредсказуемостью, находясь в зависимости от внутривластной обстановки. Смена лидирующей партии на Капитолии или в Белом доме с высокой долей вероятности влечет за собой смену курса и в космической политике. В частности, республиканцы в работе НАСА делают акцент на инициативах по исследованию Луны, в то время как демократы видят приоритетом для Агентства борьбу с последствиями климатических изменений. Как итог, опирающиеся на государственные вливания проекты по освоению космоса находятся под постоянной угрозой закрытия (что происходило неоднократно и на практике).

По сравнению с этим привлечение деловых кругов является более надежным механизмом по активизации освоения космического пространства. По этой причине, очевидно, бизнес призывают самостоятельно реализовывать проекты в космосе. Государство же, в свою очередь, обязуется оказывать поддержку таким предпринимателям, а также выступает в качестве поку-

пателя предоставляемых компаниями товаров и услуг [26]. Как представляется, тем самым планируется не только существенно увеличить объем инвестирования в американскую космическую индустрию, но и снизить нагрузку на бюджет НАСА.

В то же время самым эффективным способом заинтересовать частный бизнес вкладывать в отрасль является обозначение экономических выгод, которые могут дать вложения в космос. Безусловно, перспективы эксплуатации недр небесных тел представляют собой один из наиболее притягательных призов и могут побудить многих предпринимателей заняться проектами по освоению космического пространства.

Таким образом, можно говорить о том, что недавняя активизация США в деле определения международно-правового статуса добычи ресурсов в космосе обусловлена целым рядом факторов. На международной арене Вашингтон использует концепцию освоения полезных ископаемых на Луне и астероидах для формирования коалиции единомышленников, при помощи которой планирует продвигать свои повестку в области космоса. Внутри страны данная идея задействована в целях привлечения частного капитала в отрасль, которое необходимо в условиях новой космической гонки, а также ради оправдания набирающих обороты действий Соединенных Штатов по милитаризации космоса.

Заключение

В целом, учитывая всё изложенное выше, можно сделать следующие выводы. Безусловно, планы по добыче полезных ископаемых в космосе могут быть реализованы в будущем. Однако недостаточный уровень технологического развития свидетельствует о том, что их осуществление является делом весьма отдаленной перспективы.

В то же время действия США, затрагивающие освоение космических ресурсов и их правовое регулирование, в настоящее время выполняют целый ряд других функций. Тематика эксплуатации недр небесных тел призвана способствовать консолидации вокруг Соединенных Штатов коалиции государств, разделяющих американские подходы по космосу. Наличие такого альянса, очевидно, будет способствовать усилиям Вашингтона по продвижению своих подходов в данной области. Фундамен-

том проамериканского блока государств, очевидно, должны стать «Соглашения Артемиды». Ключевой задачей космической дипломатии США в ближайшие годы станет расширение круга стран, подписавших договоренности. Так, по мнению экспертов Secure World Foundation¹, ввиду низкой вероятности присоединения к пакту России и Китая приоритетом американского правительства должно стать привлечение на свою сторону Индии [42].

Идея добычи ископаемых на Луне и астероидах также активно используется властями США для стимулирования интереса к космической индустрии со стороны американских деловых кругов. На фоне набирающей обороты конкуренции за лидерство в космосе Вашингтон стремится привлечь дополнительные финансовые средства в отрасль за счет частных инвестиций.

Принимая во внимание данный факт, можно предположить, что тематика эксплуатации недр небесных тел продолжит выполнять роль одного из основных элементов повестки США по освоению космоса.

Литература

1. Данилин И.В. Коммерческий космос и феномен «астропренерства» // Российский совет по международным делам (16 июня 2020 г.). – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kommercheskiy-kosmos-i-fenomen-astroprenyerstva/> (дата обращения: 01.09.2020).
2. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела // ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 21.09.2020).
3. Караш Ю.Ю. Луна нам не светит // Независимая газета. – 2005 г. – 28 сент. – URL: https://www.ng.ru/science/2005-09-28/13_moon.html (дата обращения: 03.10.2020).
4. Роскосмос готовит «поправки Зевса» к американской лунной программе «Артемиды» // ТАСС. – 2020 г. – 14 окт. – URL: <https://tass.ru/kosmos/9718805> (дата обращения: 05.11.2020).
5. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах // ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (дата обращения: 21.09.2020).
6. A New Era for Deep Space Exploration // White House. – 2020. – June 23. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/07/A-New-Era-for-Space-Exploration-and-Development-07-23-2020.pdf> (accessed: 02.09.2020).
7. Artemis Accords // NASA. – 2020. – October 13. – URL: <https://www.nasa.gov/specials/artemis-accords/index.html> (accessed: 02.11.2020).
8. Artemis Accords: the Future of Space Governance // Space Court Foundation. – 2020. – October 22. – URL: <https://www.spacecourtfoundation.org/AAV02/> (accessed: 23.10.2020).
9. Artemis Moon Program Advances – the Story so Far // NASA. – 2019. – May 31. – URL: <https://www.nasa.gov/artemis-moon-program-advances> (accessed: 17.09.2020).

¹ Данная точка зрения была озвучена в ходе видеоконференции «Space Policy and Sustainability Issue Briefing for the Incoming Biden Administration» 8 декабря 2020 года.

10. *Borgen C.* The Artemis Accords: One Small Step for Space Law? // *Opinio Juris*. – 2020. May 5. – URL: <http://opiniojuris.org/2020/05/08/the-artemis-accords-one-small-step-for-space-law/> (accessed: 27.10.2020).
11. *Campbell D., Ostro S.* Asteroid 1986 DA: Radar Evidence for a Metallic Composition // *Science*. – Vol. 252, Issue 5011, 1991. – P. 1399–1404.
12. *Davenport C.* NASA Announces It's Looking for Companies to Help Mine the Moon // *The Washington Post*. – 2020. September 10. – URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2020/09/10/moon-mining-nasa-search/> (accessed: 14.10.2020).
13. *Deep Space Industries Acquired by Bradford Space* // *Spacenews*. – 2019. – January 2. – URL: <https://spacenews.com/deep-space-industries-acquired-by-bradford-space/> (accessed: 04.10.2020).
14. *Dinerman T., Reynolds G.* Trump Opens Outer Space for Business // *Wall Street Journal*. – 2020. – April 19. – URL: <https://www.wsj.com/articles/trump-opens-outer-space-for-business-11587316780> (accessed: 07.09.2020).
15. *Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources* // *White House*. – 2020. – April 6. – URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-encouraging-international-support-recovery-use-space-resources/> (accessed: 02.10.2020).
16. *Harnessing Power from the Moon* // *NASA*. – 2015. – June 19. – URL: <https://www.nasa.gov/feature/harnessing-power-from-the-moon> (accessed: 04.09.2020).
17. *Iannotta B.* NASA Goes Nuclear // *Air & Space Magazine*, July 2003. – URL: <https://www.airspacemag.com/space/nasa-goes-nuclear-4775331/?no-ist=&page=4> (accessed: 12.10.2020).
18. *Johnson C.* The Space Law Context of the Artemis Accords (Part 1) // *Spacewatch Global*. – 2020. – May 27. – URL: <https://spacewatch.global/2020/05/spacewatchgl-feature-the-space-law-context-of-the-artemis-accords-part-1/> (accessed: 23.10.2020).
19. *Juul P.* Taking Advantage of a Pivotal Decade in Outer Space // *Center for American Progress*. – 2020. – October 28. – URL: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2020/10/28/492236/taking-advantage-pivotal-decade-outer-space/> (accessed: 03.11.2020).
20. *NASA Administrator James Bridenstine Returns* // *The Planetary Society*. – 2020. – April 15. – URL: <https://www.planetary.org/planetary-radio/0415-2020-nasa-admin-james-bridenstine> (accessed: 10.10.2020).
21. *NASA Aims to Grab Asteroid Dust in 2020* // *Science*. – 2011. – May 26. – URL: <https://www.sciencemag.org/scienceinsider/2011/05/nasa-aims-to-grab-asteroid-dust.html> (accessed: 10.09.2020).
22. *NASA Chief Excited about Prospects for Exploiting Water on the Moon* / *Reuters*. – 2018. – August 22. – URL: <https://de.reuters.com/article/instant-article/idUSKCN1L7062> (accessed: 16.09.2020).
23. *NASA Offers to Buy Lunar Samples to Set Space Resources Precedent* // *Spacenews*. – 2020. – September 10. – URL: <https://spacenews.com/nasa-offers-to-buy-lunar-samples-to-set-space-resources-precedent/> (accessed: 13.09.2020).
24. *NASA's Lunar Exploration Program Overview* // *NASA*, September 2020. – 73 p. – URL: https://www.nasa.gov/sites/default/files/atoms/files/artemis_plan-20200921.pdf (accessed: 22.09.2020).
25. *NASA Selects Companies to Collect Lunar Resources for Artemis Demonstrations* // *NASA*. – 2020. – December 3. – URL: <https://www.nasa.gov/press-release/nasa-selects-companies-to-collect-lunar-resources-for-artemis-demonstrations> (accessed: 04.12.2020).
26. *National Space Policy of the United States of America* // *White House*. – 2020. – December 9. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/12/National-Space-Policy.pdf> (accessed: 10.12.2020).
27. *Opportunities for Space Resources Utilization: Future Markets and Value Chains* // *Luxembourg Space Agency*. – URL: <https://space-agency.public.lu/dam-assets/publications/2018/Study-Summary-of-the-Space-Resources-Value-Chain-Study.pdf> (accessed: 02.09.2020).

28. Perspective on U.S. Space Resources Executive Order: Christopher Johnson on How the U.S. Seeks to Be a Pioneer in Space Resources Norm Development // Spacewatch Global. – 2020. – April 6. – URL: <https://spacewatch.global/2020/04/spacewatchgl-perspective-on-us-space-resources-executive-order-christopher-johnson-on-how-the-u-s-seeks-to-be-a-pioneer-in-space-resources-norm-development/> (accessed: 12.11.2020).
29. Presidential Memorandum on Reinvigorating America's Human Space Exploration Program // White House. – 2017. – December 11. – URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-memorandum-reinvigorating-americas-human-space-exploration-program/> (accessed: 02.09.2020).
30. Ramirez R. Aluminum's Strange Journey from Precious Metal to Beer Can // National Public Radio. – 2019. – December 10. – URL: <https://www.npr.org/2019/12/05/785099705/aluminums-strange-journey-from-precious-metal-to-beer-can> (accessed: 13.09.2020).
31. Senate Bill Offers NASA Only a Fraction of Requested Lunar Lander Funding // Spacenews. – 2020. – November 11. – URL: <https://spacenews.com/senate-bill-offers-nasa-only-a-fraction-of-requested-lunar-lander-funding/> (accessed: 15.11.2020).
32. Senator Cruz: While the Future Appears Bright, the U.S. Cannot Afford to Become Complacent in the Emerging Space Race // Official Site of U.S. Senator for Texas Ted Cruz. – 2017. – May 23. – URL: https://www.cruz.senate.gov/?p=press_release&id=3164.
33. Space Mining Market by Phase, Type of Asteroid, Application, Asteroid Distance, Commodity Resources, and Geography – Global Forecast to 2025 // Markets and Markers. – URL: <https://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/space-mining-market-129545886.html> (accessed: 07.09.2020).
34. Space Policy and Sustainability Issue Briefing for the Incoming Biden Administration // Secure World. – 2020. – December 8. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sPK66Qaex-M> (accessed: 09.12.2020).
35. Space Policy Directive-2, Streamlining Regulations on Commercial Use of Space // White House. – 2018. – May 24. – URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/space-policy-directive-2-streamlining-regulations-commercial-use-space/> (accessed: 09.10.2020).
36. SwRI Study Offers More Complete View of Massive Asteroid Psyche // Southwest Research Institute. – 2020. – October 26. – URL: <https://www.swri.org/press-release/16-psyche-asteroid-surface-observation-ultraviolet-wavelengths> (accessed: 07.11.2020).
37. This Isn't Your Typical Space Rock: There's a Metal Asteroid out There Worth \$10,000 Quadrillion // USA Today. – 2020. – October 29. – URL: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2020/10/29/metal-asteroid-psyche-nasa-hubble-images/6069223002> (accessed: 02.11.2020).
38. ULA's Tory Bruno Argues for U.S. Investments in the Production of Fuel in Space // Spacenews. – 2020. – October 13. – URL: <https://spacenews.com/ulas-tory-bruno-argues-for-u-s-investments-in-the-production-of-fuel-in-space/> (accessed: 02.11.2020).
39. U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act // Congress.gov Database. – URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262/text> (accessed: 02.10.2020).
40. Wang G. NASA's Artemis Accords: the Path to a United Space Law or a Divided One? // The Space Review. – 2020. – August 24. – URL: <https://www.thespacereview.com/article/4009/1> (accessed: 28.08.2020).

Харланов Алексей Сергеевич,

доктор экономических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Alexey S. Kharlanov,

Doctor of Economics,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: kharlanov2009@mail.ru

Мустафин Тимур Абдулхалимович,

кандидат экономических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Timur A. Mustafin,

Ph.D. (Economics),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: ntv-mmm@mail.ru

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ОСОБЕННОСТЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ INDUSTRY 4.0
В США, ГЕРМАНИИ И РОССИИ**

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE FEATURES OF
THE IMPLEMENTATION OF INDUSTRY 4.0
IN THE USA, GERMANY AND RUSSIA**

Аннотация: в статье рассмотрены результаты анализа ключевых особенностей реализации Индустрии 4.0 в таких странах, как США, Германия и Россия. Выявлены наиболее характерные сходства и различия стратегий и планов действий в условиях Индустрии 4.0, а также особенности развития промышленности и общественных укладов в рассматриваемых странах. Результаты проведенного сравнительного анализа трансформации к новой промышленной эпохе позволяют оценить мировой уровень подготовки перехода к Индустрии 4.0, что способствует росту энергоэффективности и конкурентоспособности экономик, стиранию границ между отраслями и снижению техногенного влияния на окружающую среду, а также выявлению рисков перераспределения глобальной конкуренции, с которыми могут столкнуться страны в процессе перехода к новому укладу. Отличительные особенности рассмотрены в разрезе таких критериев, как: текущая ситуация, положительный и отрицательный эффект внедрения Индустрии 4.0, а также прогноз развития реализации четвертой промышленной революции.

Ключевые слова: Индустрия 4.0, индекс цифровой эволюции, цифровизация.

Annotation: the article considers the results of the analysis of the key features of the implementation of Industry 4.0 in such countries as the USA, Germany and Russia. The most characteristic similarities and differences of strategies and action plans in the context of Industry 4.0, as well as the development of industry and social structures in the countries

under consideration are revealed. The results of the comparative analysis of the transformation to the new industrial era allow us to assess the global level of preparation for the transition to Industry 4.0, which will increase the growth of energy efficiency and raise the level of competitiveness of economies, blurring the boundaries between industries and reducing the man-made impact on the environment, as well as to identify the risks of redistribution of global competition that countries may face in the process of transition to a new way of life. Distinctive features are considered in the context of such criteria as: the current situation, the positive and negative effect of the introduction of Industry 4.0, as well as the forecast development of the implementation of the fourth industrial revolution.

Key words: Industry 4.0, digital evolution index, digitalization.

Цифровизация является неотъемлемым процессом развития мировой экономики, и если раньше этим направлением можно было пренебречь, то современные реалии вынуждают все страны мира без исключения оцифровывать социальные и экономические сферы жизни.

В данном контексте развития событий не обойтись без такого инструмента, как Индекс цифровой эволюции (DEI).

Сравнивать государство нужно, прежде всего, с другими государствами, в особенности с теми, которые находятся на лидирующих позициях прогресса, именно поэтому Российскую Федерацию имеет смысл сопоставлять именно с Германией, первопроходцем в сфере четвертой промышленной революции, и Соединенными Штатами Америки, которые лидируют почти во всех областях экономики.

Россия заняла 39 место в рейтинге Digital Evolution Index (DEI) в 2017 году, характеризующем готовность государств к трансформации [2]. Однако не стоит недооценивать Российскую Федерацию в перспективе. Россия обладает огромным потенциалом развития, который при грамотной реализации может продвинуть страну в гонке технологий.

Россия официально взяла курс на цифровизацию и, по мнению председателя Правительства, цифровизация стала ключевым фактором развития. В свою очередь, Глава государства уточнил, что цифровую трансформацию России следует провести в ближайшие 10 лет. По словам Президента РФ, цифровая трансформация России отразится на каждом ее жителе и затронет все уровни власти, а вместе с ними — каждую семью, организацию и все отрасли экономики и социальной сферы [6].

Актуальные показатели развития России, Германии и США представлены на графиках ниже.

Первым важным показателем является число абонентов сотовой связи.

На рисунке 1 представлено число абонентов сотовой связи по отдельным странам. Данный показатель отражает количество людей, имеющих доступ к какой-либо связи, то есть население, которое вовлечено в цифровые процессы.

Лидерство США в данном показателе обусловлено, прежде всего, населением государства. Население США составляет 331 млн человек, в то время как население России составляет 145 млн, а Германии — 83 млн человек [9], однако процентная вовлеченность в цифровизацию людей дает США платформу для развития.

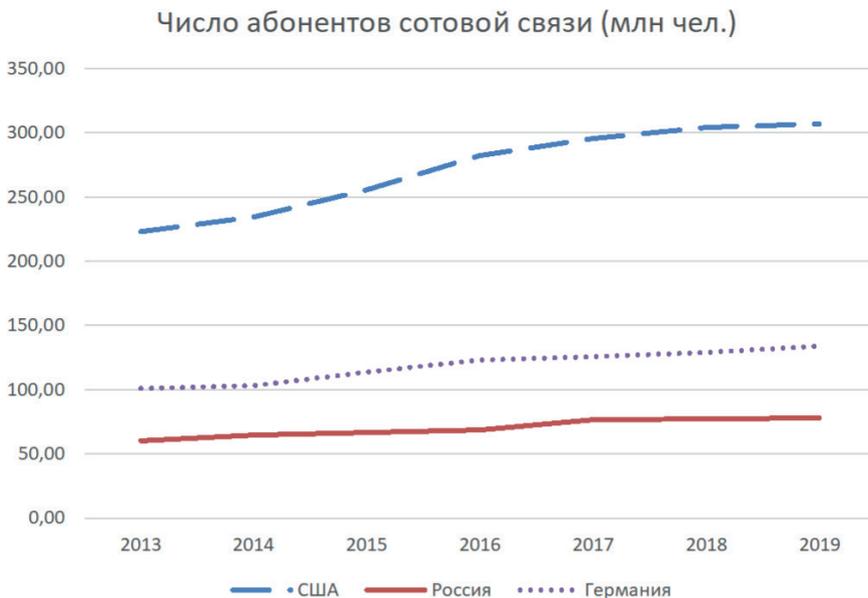

Рис. 1. Число абонентов сотовой связи¹

В процентном соотношении абонентами сотовой связи в США являются 93,5% граждан, в России — 92,4%, в Германии — 93,9% [7]. Статистика показывает конкурентоспособность Российской Федерации в данном показателе.

На рисунке 2 представлено сравнение числа граждан, имеющих доступ к широкополосному Интернету. Это — тот самый показатель, который отражает количество людей, вовлеченных

¹ Источник: составлено авторами.

в цифровизацию полномасштабно, поскольку подавляющее большинство процессов происходит именно через Интернет, а не через абонентскую связь.

Рис. 2. Число людей, имеющих доступ к широкополосному Интернету¹

Как и при рассмотрении предыдущего показателя, необходимо учитывать население каждой сравниваемой страны, поэтому наиболее объективной оценкой будет сравнение процентных показателей. В США доступ к Интернету имеют 88 % населения, в России — 42 %, в Германии — 79 % [7].

В данном показателе Российская Федерация заметно отстает от государств-лидеров, прежде всего с невозможностью обеспечить Интернетом далекие от центральной части страны регионы.

Стоит отметить, что из рассматриваемых государств в России самый высокий рост числа людей, имеющих доступ к широкополосному Интернету, поскольку такие страны, как США и Германия, уже, видимо, достигли возможного максимума в данном показателе.

¹ Источник: составлено авторами.

Это означает, что для полной оцифровки экономики России необходимо будет решить еще и логистические задачи, решение которых даст мощный импульс не только цифровому, но и экономическому росту страны, который, очевидно, необходим в условиях кризиса, вызванного пандемией 2020 года.

На рисунке 3 показан объем экспорта высоких технологий сравниваемых стран. Данный показатель является одним из самых стабильных из выбранных для анализа. Германия — мировой лидер в экспорте высоких технологий. Страна уже много лет держит планку лидера в данной области. Соединенные Штаты Америки тоже обладают весомым экспортом технологий [14].

Рис. 3. Объем экспорта высоких технологий¹

Россия сильно отстает от представленных выше стран. Явной проблемой является отсутствие роста данного показателя. Большинство разработок в России приходится не на бизнес, а на государство в отличие от США, Германии и прочих мировых лидеров высокотехнологичного экспорта. Из этого следует вывод, что для улучшения показателя экспорта высоких технологий и в целом внедрения их в социум и экономику бизнес должен больше инвестировать в разработки и исследования.

¹ Источник: составлено авторами.

На рисунке 4 показано количество исследователей на 1 млн человек населения страны.

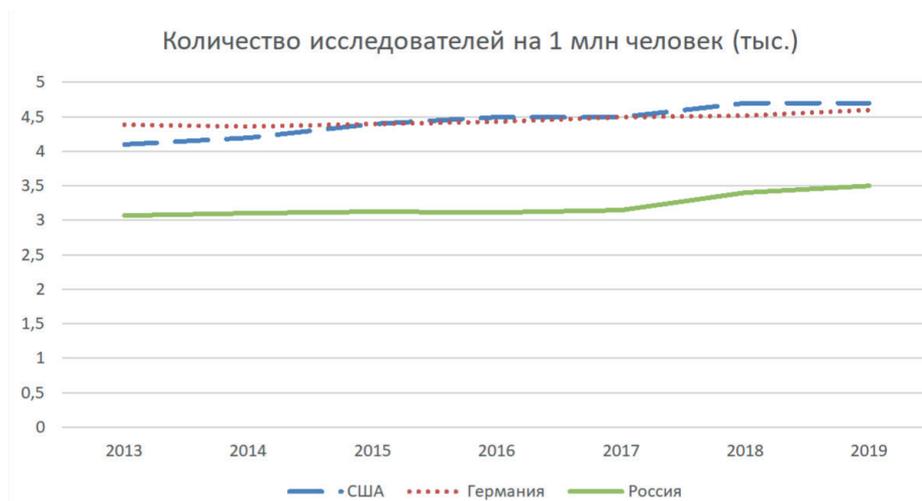

Рис. 4. Количество исследователей на 1 млн человек¹

Настоящая диаграмма показывает отставание России в данном показателе. Это объясняется тем, что заработная плата ученого или исследователя в России значительно ниже, чем в Германии или США, что заметно отражается на престиже профессии, вследствие чего молодое поколение и выпускники высших учебных заведений не хотят связывать свою жизнь с наукой [14].

Немаловажным фактором является «утечка мозгов», наблюдающаяся еще со времен СССР. Одной из причин этой «кадровой миграции» является всё тот же уровень зарплат ученых и исследователей.

Низкий уровень заработной платы связан еще и с тем, что разработки и исследования, как было сказано выше, проводятся, прежде всего, государством. Бизнес, почти не проводящий исследований, не нуждается в квалифицированных кадрах, а следовательно, в России за качественных исследователей нет борьбы, которая привела бы к увеличению заработной платы.

На рисунке 5 показано количество выданных патентов национальными бюро.

¹ Источник: составлено авторами.

Рис. 5. Количество выданных патентов

Диаграмма на рисунке 5 показывает абсолютное первенство США в сравнении с Германией и Россией [14]. Самым парадоксальным наблюдением из данной диаграммы следует то, что, несмотря на развитие Соединенных Штатов в данном показателе, именно США показывают и лучший рост из сравниваемых стран.

Учитывая приведенные выше диаграммы, можно подвести итог сравнения России с США и Германией в контексте технологического развития экономик стран. Российская Федерация существенно отстает от США и Германии, причем в ключевом показателе расходов на исследования Россия тоже отстает от данных стран, из чего следует вывод, что в ближайшие годы, а возможно, и десятилетия Российская Федерация не догонит мировых лидеров в технологическом плане.

Для того чтобы «отыграть» отставание, необходима настоящая революция в российской экономике, которая должна заключаться в следующих важных изменениях:

- повышение престижа ученых в глазах молодого поколения за счет увеличения зарплат и льгот ученым и исследователям;
- повышение квалификации исследователей путем стажировок в странах-лидерах Индустрии 4.0;

- налоговые послабления для бизнеса, занимающегося разработкой, исследованием и внедрением цифровых технологий в свою деятельность;
- создание на базе высших учебных заведений специальных центров подготовки и переподготовки кадров;
- увеличение государственных расходов на исследования хотя бы до уровня 3% от ВВП;
- разработка интернет-логистики для отдаленных от европейской части России регионов;
- выдача тендеров на высокотехнологические работы частным предприятиям;
- упрощение процедуры регистрации патента;
- изменение в системе образования, направленное на подготовку молодого поколения к «профессиям будущего».

Только при реализации вышеперечисленных предложений Россия сможет совершить прорыв не только в контексте четвертой промышленной революции, но и в уровне жизни населения.

Главными рисками наступления четвертой промышленной революции являются:

- замена людей роботами и автоматизированными системами, увеличение уровня безработицы;
- неготовность государства в полной мере реализовать концепцию Индустрии 4.0;
- исчезновение разного рода профессий;
- увеличение пропасти в развитии между богатыми странами и бедными;
- усиление социального неравенства.

Из приведенных выше рисков некоторые необходимо рассмотреть более пристально.

Первыми в числе рисков стоят замена людей роботами и, как следствие, увеличение безработицы. Данные риски являются предметом для споров среди экономистов. С одной стороны, в краткосрочной перспективе кадры с низкой квалификацией скорее всего потеряют рабочие места. С другой стороны, в долгосрочной перспективе это повысит квалификацию кадров, ведь люди, лишившиеся работы, начнут проходить курсы повышения квалификации и затем займут свои места на рынке труда. Первый сценарий, к сожалению, выглядит более реальным. Более

того, существует целый ряд профессий, где роботы уже заменили людей полностью или хотя бы частично.

Перечислим примеры замещения людей роботами или автоматизированными системами:

- компания «Changying Precision Technology» в 2015 году открыла первый полностью автоматизированный завод [1]. Предыдущие заводы компании создавали в среднем по 650 рабочих мест, в то время как данный завод устроил лишь 60 сотрудников. Несомненно, компания продолжит работать именно в таком направлении, поскольку показатели нового завода впечатляют: производительность завода выше на 162%, чем производительность «человеческих» заводов компании, а количество бракованных изделий уменьшилось в 5 раз. Более того, компания планирует в будущем нанимать лишь по 20 человек на каждый автоматизированный завод [1];
- банковская сфера уже терпит сокращения. Роботы и боты способны проводить транзакции намного быстрее и дешевле работников. Примером служит Deutsche Bank, сокративший уже более 5 тысяч сотрудников и планирующий сократить еще почти 20 тысяч [8]. Примеру немецкого банка собираются последовать все крупнейшие банки Европы;
- электронные переводчики развиваются и становятся фактически идеальной программой для моментального перевода документа, текста или сообщения с одного языка на другой. Профессия переводчика начинает терять актуальность, ведь компаниям нужно платить переводчиками, в то время как электронные переводчики в большинстве своем бесплатны и находятся в свободном доступе на просторах Интернета. На данный момент электронные переводчики не могут заменить только специалистов, занимающихся синхронным переводом, однако в ближайшее время вполне могут появиться технологии, способные заменить и этих специалистов;
- операторы колл-центров. В настоящее время сервисы заказа такси являются неотъемлемой частью жизни людей, лишая рынок определенного числа рабочих мест.

Это лишь некоторые из профессий, которые могут быть полностью автоматизированы в ближайшем будущем — точное число сокращенных рабочих мест трудно определить.

Отрасли, подверженные риску, создают больше половины рабочих мест почти в любом государстве. Для осуществления цифровизации с минимальными рисками безработицы необходимо в корне менять систему образования стран всего мира, подготавливать более квалифицированные кадры и чуть ли не с самых ранних лет ориентировать детей на определенные профессии.

Риск, связанный с увеличением пропасти в развитии между богатыми и бедными странами, выглядит одним из самых реальных. Глобализация не приравняла бедных к богатым, а сделала богатых богаче, а бедных — если не беднее, то более зависимыми от богатых. Скорее всего, процесс цифровизации усугубит данную тенденцию. У бедных стран не будет возможности внедрить цифровые решения в социальные сферы жизни общества, экономику и местный бизнес, что лишь увеличит отставание в развитии этих стран от развитых государств. При этом возможно, что процесс всемирной цифровизации сдвинет все мировые производства в страны третьего мира, что может позитивно сказаться на экономике таких стран, поскольку произойдет приток иностранного капитала, необходимый для развития этих государств, однако не допустить финансовой «колонизации» этих стран будет почти невозможно.

Процесс четвертой промышленной революции является не только прорывным, но и очень рискованным. Прогнозировать точное количество «потерь» и изменений не представляется возможным.

Несмотря на все риски, вызванные реализацией концепции четвертой промышленной революции, в числе преимуществ можно отметить:

- сокращение издержек;
- увеличение прибыли;
- ускорение работы всех процессов и их облегчение;
- снижение количества брака в производственных процессах за счет уменьшения человеческого фактора;
- улучшение качества жизни;
- повышение квалификации участников рынка труда;

- появление новых профессий;
- увеличение инвестиций в область исследований и разработок в целях нахождения новых цифровых решений;
- технологический прорыв;
- более низкую стоимость перехода от Индустрии 3.0 к 4.0 по сравнению с переходом от Индустрии 2.0 к 3.0;
- подготовку уязвимых отраслей четвертой промышленной революцией к минимизации рисков.

Сокращение издержек, увеличение скорости и качества производства вызовут рост производительности. Рост производства более качественных товаров будет происходить в условиях сокращения временных затрат, а сокращение издержек приведет не только к увеличению прибыли производителя, но и к падению цен в условиях обострения конкуренции.

Появятся новые профессии. «Профессии будущего» будут заключаться в уходе, обслуживании и наблюдении за работой роботов, ботов, автоматизированных систем.

Бизнес начнет больше инвестировать в разработки. Именно данный аспект четвертой промышленной революции может помочь России догнать лидеров мировых технологических грандов. Повысится престиж ученых и исследователей, молодое поколение пойдет в науку, что будет способствовать ее развитию. Технологический прорыв приведет к новым условиям жизни, которые сейчас даже не представляются возможными.

Как было сказано выше, уровень жизни населения страны тесно связан и коррелирует с затратами на исследования. Увеличение затрат на исследования приведет к настоящему социальному прорыву, который в перспективе распространится на все страны мира.

Пандемия коронавируса показала уязвимость некоторых отраслей экономики. Наиболее подверженными оказались ресторанный сектор, туристический бизнес и сфера логистики. И если туристический бизнес просто оказался заложником ситуации, то ресторанный бизнес может минимизировать убытки за счет сервисов доставки еды. Многие рестораны и кафе успешно проходят через пандемию лишь благодаря этим самым сервисам, а это, безусловно, является частью цифровизации. Международные пассажирские рейсы отменены полностью, что выливается

в очень серьезный кризис для авиа-, железнодорожных, портовых операторов. Международная логистика является той отраслью, которая несет наибольшие потери в период пандемии.

К перспективам четвертой промышленной революции следует отнести и то, что новая промышленная революция обойдется гораздо дешевле предыдущей. Она потребует лишь частичную замену оборудования в отличие от третьей промышленной революции, которая привела к полной замене оборудования и механизации. Можно сделать вывод о том, что четвертая промышленная революция — неизбежный в историческом экономическом развитии процесс, который приведет к устойчивому росту отечественной экономики и повышению качества жизни людей.

Прогнозирование процесса реализации четвертой промышленной революции может рассматриваться как на глобальном уровне, так и на уровне отдельных стран.

В глобальном плане Индустрия 4.0 будет реализовываться благодаря развитым странам. Мировые локомотивы цифровизации, уже рассмотренные ранее Соединенные Штаты Америки и Германия наряду с Китаем, Южной Кореей, Японией и другими странами, будут внедрять новые технологические решения в социальную и экономическую сферы, «догоняющие» страны, среди которых есть и Российская Федерация, будут заимствовать технологии и внедрять их у себя.

Четвертая промышленная революция отличается высоким уровнем кооперации стран (например, США — Германия, Германия — Россия), что ускорит реализацию концепции Индустрии 4.0 по всему миру. Это приведет к улучшению уровня жизни во всех вовлеченных в процесс цифровизации стран мира.

Процесс революции будет длиться от 5 до 15 лет, и, скорее всего, уже в 2025 году будут видны значительные изменения в жизни общества и бизнеса в развитых странах. Остальные страны почувствуют все преимущества Индустрии 4.0 ближе к 2030 году, когда прорывные технологии придут к ним от развитых стран.

Некоторые компании с мировым именем из-за пандемии коронавируса уже изменили структуру своей работы: «Твиттер» [12] и платежный сервис «Square» [13] разрешили своим сотрудникам и после пандемии не приезжать в офис и работать только в удаленном формате. Скорее всего, большинство бизнесов, ра-

бота которых заключается в интернет-обслуживании клиентов, последуют этому примеру.

Внедрение Индустрии 4.0 — тяжелый и дорогостоящий процесс, несмотря на то что стоить данный переход будет дешевле, чем к Индустрии 3.0. Не все предприятия готовы перейти к реализации стратегии уже сейчас. Многие ждут внедрения технологий у конкурентов, чтобы оценить риски и последствия интеграции киберфизических систем в производство, логистику и продажу товара.

По прогнозу McKinsey Global Intitute, к 2025 году годовой вклад интернета вещей в мире составит от 4 трлн до 11 трлн долл. США [11]. И это не учитывая интернет-услуг. Более того, к 2025 году далеко не все страны смогут реализовать внедрение Индустрии 4.0, что говорит о том, что представленные числа являются лишь стартовым показателем для, возможно, будущего драйвера мировой экономики.

Из отрицательных последствий реализации перехода необходимо отметить краткосрочный рост уровня безработицы. К 2025 году в развитых странах мира до 8% рабочих мест будут замещены роботами, что может привести к всплеску недовольства, если в сознании людей не будет осознания необходимости профессиональной переподготовки.

В целом прогнозировать точное развитие концепции Индустрии 4.0 на данный момент не представляется возможным. Прежде всего, это связано с пандемией коронавируса COVID-19, которой затормозил мировые экономические процессы. Однако пандемия показывает всю необходимость реализации концепции четвертой промышленной революции. В случае ее прихода на несколько лет раньше измененная структура глобальной экономики преодолела бы данное событие с намного меньшими убытками, а последующий мировой экономический кризис был бы, как минимум, прогнозируемым в плане сроков его преодоления.

Пандемия стала триггером для бизнесов и национальных правительств, которые переориентировали направление развития своих экономик и процессов в сторону четвертой промышленной революции, что должно заметно ускорить ее развитие. В любом случае, необходимым условием для оцифровки национальной экономики является увеличение затрат на исследования.

Локомотивами глобальной реализации концепции четвертой промышленной революции будут, прежде всего, развитые страны во главе с США и Германией. Российская Федерация на данный момент не готова к полноценному внедрению Индустрии 4.0 и реализации ее концепции. Однако в данном направлении предпринимаются определенные шаги, а официальный курс на оцифровку экономики уже взят. Задачами правительства помимо преодоления сложившегося кризиса будет цифровизация экономики. При должном уровне затрат на разработки и исследования Российская Федерация сможет в ближайшие 15 лет заметно сократить отставание от мировых лидеров.

Цифровизация — неизбежный процесс развития экономики. Как и любая революция, четвертая промышленная революция будет иметь не только положительные, но и отрицательные аспекты. Но это будут те самые издержки, которые необходимо понести для развития экономики, бизнеса и социальной сферы жизни людей.

Литература

1. Бубнов И. 10 профессий, где роботы уже заменили человека // GeekBrains. – 2017. – URL: https://geekbrains.ru/posts/ai_vs_human (дата обращения: 12.12.2020).
2. Головенчик Г.Г. Рейтинговый анализ уровня цифровой трансформации экономик стран ЕАЭС и ЕС // Научные публикации. Экономические науки. – 2018. – URL: <https://dt.gias.by/jour/article/viewFile/75/61> (дата обращения: 02.03.2021).
3. Кутовой В.М., Попков Ю.В. К вопросу о важности инновационно-технологического фактора в устойчивом развитии экономической системы // Экономика. Управление. Право. – 2019. – № 3. – URL: <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2019-3-94-105> (дата обращения: 25.03.2021).
4. Попова Л.Ф., Яшина М.Н. Возможности и вызовы четвертой индустриальной революции для развития менеджмента качества // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2018. – № 2 (71).
5. Тарасов И.В. Технологии Индустрии 4.0: влияние на повышение производительности // Стратегические решения и рискменеджмент. – 2018. – URL: <https://doi.org/10.17747/2078-8886-2018-2-62-69> (дата обращения: 29.01.2021).
6. Цифровая Россия // CNews. – URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-12-04_putin_rasporyadilysya_v_kratchajshie (дата обращения: 20.03.2021).
7. Cisco Annual Internet Report Highlights Tool // Cisco Annual Internet Report. – 2020. – URL: <https://www.cisco.com/c/en/us/solutions/executive-perspectives/annual-internet-report/air-highlights.html#> (accessed: 03.02.2021).
8. Deutsche Bank сократит 18 тыс. сотрудников // Interfax. – URL: <https://www.interfax.ru/business/668260> (дата обращения: 02.03.2021).
9. Countries in the world by population (2021) // Worldometer. – URL: <https://www.worldometers.info/world-population/population-by-country/> (accessed: 26.03.2021).
10. Kovacs O. The Dark Corners of Industry 4.0 // Technology in Society. – 2018. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0160791X18300368> (accessed: 10.03.2021).
11. Manyika J. & Chui M. By 2025, Internet of things applications could have \$11 trillion impact / McKinsey Global Institute. – URL: <https://www.mckinsey.com/mgi/overview/>

- in-the-news/by-2025-internet-of-things-applications-could-have-11-trillion-impact (accessed: 21.02.2021).
12. *O'kane C.* Twitter employees can work from home forever, CEO Jack Dorsey says // CBS News. – 2020. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/twitter-employees-work-from-home-forever-ceo-jack-dorsey-says/> (accessed: 12.02.2021).
 13. *Rooney K.* Square to allow employees to work from home permanently, following Twitter's lead // CBS News. – 2020. – URL: <https://www.cnbc.com/2020/05/18/square-lets-employees-work-from-home-permanently.html> (accessed: 29.01.2021).
 14. WIPO IP Statistics Data Center // WIPO IP Portal. – URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/index.htm?tab=patent> (accessed: 04.02.2021).
 15. *Zezulka F., Marconi P.* Industry 4.0 – An Introduction in phenomenon // IFAC – Papers OnLine. – 2018. – URL: 90 <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405896316326386> (accessed: 06.03.2021).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Белобров Юрий Яковлевич,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Yuriy Ya. Belobrov,

Ph.D. (Political Sciences),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: yuriy.belobrov@dipacademy.ru

О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЕС С ГОСУДАРСТВАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ON THE EU'S MILITARY-POLITICAL COOPERATION WITH THE CENTRAL ASIAN STATES

Аннотация: в статье на основе проведенного анализа политики Восточного партнерства (ВП) Европейского союза по отношению к постсоветским государствам автором сделан вывод о враждебном экспансионистском характере этого курса, как в отношении России, так и непосредственно в отношении стран — участниц ВП и Центральной Азии. Реальные цели указанного проекта ЕС — подчинение этих государств геополитическим интересам Запада и разрушение стратегического партнерства между Россией и упомянутыми странами.

Ключевые слова: Восточное партнерство, Европейский союз, интеграция, Общая политика безопасности и обороны ЕС, постсоветские государства, Россия.

Abstract: in his analysis of the EU Eastern partnership (EP) policy towards post-Soviet states the author comes to the conclusion of the adverse expansive character of this course vis-à-vis both Russia and the EP member-states and the Central Asian countries. In reality this EU project is aimed at the subordination of these states to the geopolitical interests of the West and the wrecking their strategic partnership with Russia.

Key words: Eastern partnership, European Union, integration, Common security and defense policy, post-Soviet states, Russia.

Постсоветское пространство — одно из приоритетных направлений геополитических устремлений Евросоюза. Его освоению в корыстных интересах ЕС служит реализация так называемой программы «Восточное партнерство» и отдельной стратегии в от-

ношении Центральной Азии. Оба проекта предусматривают налаживание тесного сотрудничества с государствами бывшего СССР в торгово-экономической и военно-политической областях, а также внедрение в них западных ценностей и прозападных настроений в гражданском обществе. Наряду с продвижением своих торгово-экономических и энергетических интересов на постсоветском пространстве присутствие Евросоюза здесь позволяет Брюсселю заявить о себе как о глобальном игроке и даже гаранте международного порядка и суверенитета сотрудничающих с ним стран, а также отчасти противостоять евразийским интеграционным процессам, во главе которых стоит Россия [3].

Руководство ЕС открыто заявляет, что Союз намерен активно проводить свой курс на глобальной арене с позиции силы и добиваться обеспечения безопасности в приоритетном для него соседнем регионе в своих политических интересах, используя в этих целях все имеющиеся в его распоряжении инструменты и политику, включая потенциал кризисного управления [11]. Этот курс проводится в тесной кооперации с НАТО и западными правительственными и неправительственными структурами на основе общих интересов и принципа разделения труда. В условиях нарастающей эскалации напряженности в отношениях между Западом и Россией главной целью Евросоюза стало жесткое противодействие российскому влиянию на постсоветском пространстве. Как отмечают российские политологи, ЕС вместе с США поощряют принятие в бывших советских республиках законов, направленных на усиление националистических сил, рост нетерпимости к России и ограничение использования русского языка [4, с. 104].

При этом Брюссель весьма эффективно использует в своих интересах политику балансирования постсоветских государств между геополитическими центрами силы — Россией, Китаем и США. Осуществляя различные экономические, социальные и военные проекты в этих странах, ЕС стремится воздействовать на их внешнеполитический курс, подталкивая к снижению ориентации на Москву и Китай. Этому способствуют также националистические перегибы политических элит большинства постсоветских государств наряду с корыстными интересами их государственных и местных чиновников.

Комплексная программа взаимодействия в рамках Восточного партнерства (ВП) с Азербайджаном, Арменией, Беларуссией, Грузией, Молдавией и Украиной была учреждена на саммите Евросоюза в мае 2009 года по инициативе Польши, Швеции и стран Балтии в целях втягивания бывших советских республик, не вошедших в ЕС, в сферу его влияния. Декларируемая цель этого проекта — стремление ЕС создать вокруг своих границ «кольцо дружественных стран», укрепить собственную безопасность, а также оказать содействие обеспечению стабильности, безопасности, демократических порядков и процветания всех постсоветских стран. Сила Евросоюза, указал Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррелль, зависит от прочности Восточного партнерства, обеспечение которого является ключевым элементом внешней политики ЕС [10].

При этом с самого начала было указано, что участие в программе ВП не является гарантией членства в ЕС. Оно лишь приближает партнеров к стандартам ЕС в разных сферах. По сути, речь шла о включении шести стран постсоветского пространства в интеграционный проект низкой интенсивности под руководством Евросоюза [5].

Упомянутым странам были предложены наряду с экономическими преференциями и помощью регулярные консультации в области внешней политики, обороны и безопасности. На самом деле расширение диалога между Евросоюзом и постсоветскими странами по вопросам Общей политики безопасности и обороны ЕС (ОПБО) сохраняет скорее декларативный характер, нежели то, на что надеялись страны — участники ВП. Страны ВП присоединились к внешней политике ЕС, однако они не допущены к процессу выработки этой политики [17] и, соответственно, не могут влиять на принимаемые решения в этой области. А в качестве платы за полученные торговые преференции и весьма ограниченные финансовые «подачки» эти страны обязаны участвовать в военных миссиях и операциях ЕС.

В документе об организации ВП как части более обширной «Европейской политики соседства» первоначально значилось также, что Восточное партнерство станет развиваться параллельно сотрудничеству с Россией. Однако уже вскоре стало ясно, что в действительности Брюссель и государства — инициа-

торы программы не заинтересованы в привлечении Российской Федерации к участию в ней, а предпочитают просто оторвать ее партнеров по СНГ от России и вовлечь их в собственную орбиту стратегического влияния. Соответственно, задуманный Западом проект создания вокруг России пояса из стран нейтральных — в лучшем случае — или враждебных, как уже получилось с Прибалтикой, скрывался под вывеской роста и развития интеграционных связей новых восточноевропейских государств с процветающим Евросоюзом [6].

К подобному выводу пришли и независимые западные аналитики этой программы, отметив, что ВП было нацелено на то, чтобы привязать восточных соседей к ЕС, не допустить к участию в нем России и держать упомянутые государства вне Евросоюза. Эти цели, по их мнению, достигнуты, хотя они вынуждены признать, что регион не стал от этого ни стабильнее, ни безопаснее [17].

Характерно, что в публичном пространстве ЕС не особо афиширует свой интерес к военно-политической составляющей ВП или Стратегии в Центральной Азии, однако навязываемые постсоветским странам соглашения об ассоциации и по взаимодействию обязывают их активно вовлекаться в сотрудничество с ЕС в сфере безопасности и обороны и участвовать в разных операциях, проводимых Евросоюзом по всему миру. Излагая в письме Европарламенту смысл проекта создания ВП в декабре 2008 года, Еврокомиссия прямо указала, что предлагаемое налаживание сотрудничества ЕС с постсоветскими странами не только должно служить продвижению внутривнутриполитических и социально-экономических реформ в этих странах в целях подгонки их систем к стандартам Евросоюза, но и продвигать политический диалог и взаимодействие в области общих интересов в сфере ОПБО, включая участие партнеров в военных миссиях и учениях, сфокусированных на конфликтные регионы [8]. В этих целях в рамках ЕС и ВП созданы различные механизмы взаимодействия, фонды и неправительственные организации.

С учетом достигнутого уровня политической и экономической интеграции государств — участников ВП с ЕС эти страны разделены Брюсселем на три группы, с которыми ЕС поддерживает дифференцированные отношения. В первую группу, достаточно тесно интегрированных в сотрудничество с ЕС, выделены Грузия,

Украина и Молдавия, подписавшие соглашения об ассоциации с ЕС и визовой либерализации. Эти документы предусматривают: углубление политической ассоциации, расширение политического диалога, а также расширение сотрудничества по вопросам безопасности.

Во вторую, менее интегрированную в Евросоюз группу отнесена Армения, которая подписала в 2017 году Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с ЕС, которое пока действует на временной основе, так как не было ратифицировано сторонами из-за сохранения тесных отношений Еревана с Россией и участия в ЕАЭС.

В третью группу вынесены Белоруссия и Азербайджан, которые поддерживают ограниченный диалог с ЕС в политической и экономической сферах, но рассматриваются Брюсселем в перспективе как более тесные партнеры. На данном этапе при сохранении режима санкций против белорусской политической элиты ЕС интенсифицировал диалог с организациями гражданского общества страны [23]. Направленность подобного диалога убедительно продемонстрирована развертыванием прозападными белорусскими неправительственными организациями при активной поддержке структур ЕС протестной вакханалии против властей страны после проведенных в Республике в августе 2020 года президентских выборов.

Что касается Азербайджана, то, несмотря на заинтересованность его властей ограничиться лишь развитием экономического сотрудничества с ЕС, Брюссель настойчиво продвигает планы вовлечения страны в свою орбиту, навязывая ей новое соглашение о партнерстве и сотрудничестве.

Событиями в Грузии в 2008 году и на Украине в 2014 году в ЕС воспользовались для ускорения не только политической и экономической интеграции государств — участников ВП, но и более тесного подключения их к сотрудничеству в рамках ОПБО. Особое внимание было уделено Грузии, Украине, а также Молдавии. Правительствам этих стран были срочно навязаны наряду с соглашениями об ассоциации с ЕС договоренности о сотрудничестве в сфере безопасности и обороны. Взамен Грузия и незаконный киевский режим потребовали от ЕС укрепления их военного потенциала и оказания помощи в установлении контроля ЕС на их

границах, а Украина вдобавок к этому безуспешно пыталась добиться размещения миротворческих сил ЕС в районе конфликта на Донбассе.

Наиболее тесные отношения в сфере безопасности и обороны, как отмечает Брюссель, установлены ЕС с Грузией [16]. В Тбилиси размещена наблюдательная миссия Евросоюза, которая круглосуточно патрулирует границы Грузии с Абхазией и Южной Осетией. В ее составе действуют 200 ЕСовских наблюдателей. За последнее десятилетие более 1700 военнослужащих стран Евросоюза прошли службу в этой миссии. По утверждению Брюсселя, якобы именно благодаря присутствию этой миссии в регионе поддерживается стабильность, снизилась напряженность и ослабли потенциальные риски эскалации конфликта [16]. С 2014 года между сторонами действует Рамочное соглашение об участии грузинских военнослужащих в операциях ОПБО ЕС. Грузия активно подключилась к участию в военных миссиях ЕС в Африке, на Ближнем Востоке и Балканах. В настоящее время взвод грузинских военнослужащих участвует в военной миссии ЕС в Центральноафриканской республике. Кроме того, Грузия направила своих представителей в Военную тренировочную миссию ЕС в Мали.

Тбилиси активно развивает и двустороннее сотрудничество со странами Евросоюза в военно-технической области. На основе заключенных двусторонних контрактов ряд государств ЕС (Болгария, Франция и Чехия), а также Турция и Украина осуществляют поставки вооружений и военной техники в Грузию. Так, например, с 2015 года Франция направляет в эту страну свои противовоздушные системы [1].

С 2005 года после взятого украинским руководством курса на интеграцию страны в ЕС и НАТО начался процесс постепенного военно-политического сближения ЕС и **Украины**, которое привело к налаживанию взаимодействия сторон в сфере безопасности и обороны в таких областях, как участие Украины в составе военных подразделений ЕС в его военных операциях, мероприятиях по военной подготовке, противодействию киберугрозам, терроризму, борьбе с незаконной торговлей оружием и пиратством.

Представители Вооруженных сил Украины участвовали в четырех боевых тактических группах ЕС, которые с 2018 года пре-

образованы в главный инструмент реагирования на внезапные кризисы, а также в операциях «Алтея» в Боснии и Герцеговине в 2004 году и «Аталанта» по борьбе с пиратством в Сомали, начатой в 2008 году. В октябре 2013 года украинские власти направили свой фрегат «Гетман Сагайдачный» для участия в этой операции ЕС. Правда, с 2014 года участие украинских Вооруженных сил в многонациональных операциях ЕС по урегулированию кризисов было приостановлено. Однако Минобороны Украины прорабатывает вопрос о возможном присоединении страны к ЕСовскому меморандуму о Постоянном структурированном сотрудничестве по вопросам безопасности и обороны в области обороны (ПЕСКО), которое позволит участникам теснее сотрудничать в проведении военных операций и разработках.

Обе стороны ведут также проработку совместных проектов в области военно-технического сотрудничества. После разрыва российско-украинского сотрудничества в этой сфере, которое препятствовало реализации проектов с участием ЕС, в марте 2014 года Киев активизировал переговоры с Брюсселем о налаживании практической кооперации в указанной области. В 2015 году было подписано соответствующее Рамочное соглашение между Минобороны Украины и Европейским оборонным агентством, предусматривающим возможность участия представителей Украины в программах и проектах Агентства. В начале 2019 года Киев и ЕС достигли договоренности не только о начале возможных поставок Украине легкого стрелкового оружия, но и о закупках базовых оружейных платформ [21]. Кроме того, как стало известно, недавно киевский режим договорился с Лондоном о пополнении украинского флота средствами ведения боевых действий по стандартам НАТО.

На проведенном 6 октября 2020 года саммите ЕС — Украина его участники отметили важность активного сотрудничества в сфере ОПБО и значимость участия Украины в миссии ЕС «Алтея». При этом руководство Евросоюза заверило украинскую сторону в поддержке ее борьбы с гибридными угрозами и дезинформацией, в том числе со стороны России. Они договорились также начать кибердиалог [20].

После подписания **Молдавией** Соглашения об ассоциации с ЕС Брюссель приступил к налаживанию взаимодействия с этой

страной в военно-политической области и сфере внутренней безопасности. Развернутая в Кишиневе в 2005 году миссия Евросоюза оказывает содействие Правительству страны в реформировании МВД Республики и во внедрении интегрированного управления границами на молдавско-украинской границе в управлении украинско-молдавской границы. ЕС вовлечена также в качестве наблюдателя в процесс урегулирования Приднестровского конфликта. Помимо этого Молдавию втянули в военное сотрудничество с Евросоюзом в рамках ОПБО. Кишинев направил своих военнослужащих в миссии ЕС в ЦАР и Мали.

Вслед за подписанием в ноябре 2017 года упомянутого ранее Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между ЕС и **Арменией**, которое с июня 2018 года действует на временной основе, стороны развивают взаимное сотрудничество наряду с реформированием социально-экономической системы страны и в сфере безопасности.

В контексте переговоров в рамках Минской группы по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе ЕС поддерживает усилия сопредседателей по выработке приемлемого сторонам соглашения о прекращении конфликта. Наряду с этим Брюссель продвигает также меры доверия и обсуждение вопросов нормализации отношений между Арменией и Турцией [14].

В Армении активно действует польский фонд «Окно на Восток», связанный со специальными структурами США и Польши. Фонд проводит в разных армянских городах тренинги, семинары, круглые столы и другие мероприятия, в ходе которых местную молодежь обучают выражать свою гражданскую позицию нестандартными способами.

На основе подписанного в феврале 2017 года Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между **Азербайджаном** и ЕС стороны приступили к переговорам о новых рамках политического диалога, торговли и взаимного сотрудничества. В 2018 году ими были согласованы приоритеты партнерства, определившие рамки диалога и сотрудничества. С этого времени стороны проводят ежегодно диалог на высоком уровне по вопросам безопасности в целях активизации обмена взаимной информацией и сотрудничества [15].

На протяжении последних нескольких лет ЕС вел переговоры с **Белоруссией** о приоритетах взаимного партнерства, которые должны были определить рамки сотрудничества на ближайшие годы. Среди требований ЕС на этих переговорах было принятие Беларуссией европейских стандартов в социально-экономической области и обеспечение ядерной безопасности в связи со строительством Россией в Беларуссии атомной электростанции. Тем не менее Беларуссия остается маргинальным членом ВП.

С 2014 по 2020 год ЕС предоставил Беларуссии помощь на общую сумму 170 млн евро, предназначенную, главным образом, на поддержку гражданского общества. Результатом этой помощи и стала нынешняя беспрецедентная политико-пропагандистская атака объединенных сил белорусской оппозиции и Евросоюза против законных властей страны. Эти действия координируются как руководящими структурами ЕС, так и специально подобранными для этого специалистами по ведению гибридных операций и мозговыми центрами. Так, на сайте Европейского совета по международным отношениям публикуются фактически инструкции для белорусской оппозиции и внешних участников этой кампании, подталкивающие их к всё более агрессивным и разрушительным действиям против собственной страны, а заодно и против ее главного союзника — России.

В 2019 году Восточное партнерство отметило свой десятилетний юбилей. В связи с этим событием ЕС подтвердил стратегическую важность ВП для Союза, озвучив положительную оценку ходу развития процесса укрепления своего взаимодействия со странами Восточного партнерства. Отметив большое значение налаженного диалога с государствами-партнерами в сфере безопасности и сотрудничества в рамках ОПБО, Брюссель признает их ценный вклад в проведение миссий и операций ЕС [12]. В дальнейшем Евросоюз намерен продолжать укреплять это взаимодействие и практическое сотрудничество с партнерами в области безопасности, пообещав оказать поддержку их участию в гражданских и военных миссиях, операциях Союза, а также рассмотреть возможность укрепления их потенциала для этого [18].

В то же время радикально настроенные польские и прибалтийские политологи считают, что спустя десятилетие запуска Восточного партнерства страны-партнеры так и не приблизи-

лись к поставленным в нем целям интеграции. В настоящее время ВП, отмечают они, слабо нацелено на предоставление помощи государствам-членам в сфере безопасности в предотвращении неконвенциональных угроз безопасности. Якобы большая часть этой помощи направляется на поддержку государственной безопасности, национальной полиции и лишь незначительная ее часть направлена на обеспечение кибербезопасности и поддержку деятельности неправительственных организаций против российской враждебной пропаганды. С их точки зрения, Грузия, Молдавия и Украина нуждаются, прежде всего, в укреплении военного потенциала и устойчивости к гибридным угрозам России. В целях придания ВП новой динамики они предлагают реализовать концепцию «совместного суверенитета», то есть установления контроля ЕС над процессами интеграции стран — участниц ВП с ЕС. «Эмбрионом» этой модели взаимодействия, по их мнению, могут послужить миссии ЕС, которые приглашают на свою территорию упомянутые выше страны для мониторинга хода реализации реформ и обеспечения их безопасности. Государства же члены ВП, отказывающиеся от проведения реформ под контролем ЕС, должны, по их мнению, подвергаться санкциям [22]. Именно так в данный момент действует Евросоюз в отношении Белоруссии.

Одновременно с программой «Восточное партнерство» в целях укрепления своих позиций в Центральной Азии ЕС реализует также с 2007 года собственную Центрально-азиатскую стратегию.

Эта стратегия направлена на налаживание взаимодействия с пятью государствами постсоветского пространства — Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном, прежде всего, в вопросах энергетического взаимодействия и безопасности. С четырьмя из этих стран (кроме Туркменистана) ЕС были подписаны соглашения о партнерстве и сотрудничестве, которые стали ключевым инструментом проникновения ЕС в регион. Брюссель также внедрил в этих странах программы по управлению границами, противодействию распространения наркотиков и борьбе с организованной преступностью и открыл в их столицах отделения Европейской службы внешних связей. А с Ашхабадом Евросоюз сотрудничает на основе «Промежуточного соглашения по вопросам торговли».

Важнейшим механизмом в укреплении внешнеполитического взаимодействия ЕС с указанными странами стали ежегодные встречи представителей руководства ЕС и правительств стран Центральной Азии, а также разнообразные программы с гуманитарным акцентом. По оценке Брюсселя, объем помощи, предоставленной ЕС странам Центральной Азии, на обеспечение верховенства права, управление границами, стимулирование торговли, защиту окружающей среды и водных ресурсов в период с 2014 по 2020 год должен был превысить 1 млрд евро.

Помимо этого действует диалог высокого уровня по вопросам безопасности. Например, с 2013 года чиновники ЕС проводят встречи с представителями стран Центральной Азии по вопросам контртеррористической деятельности.

17 июня 2019 года на встрече министров иностранных дел Совета ЕС была утверждена обновленная Стратегия Евросоюза «Европейский Союз и Центральная Азия: новые возможности для укрепления партнерства» [2]. По этому случаю на тот момент Верховный представитель Евросоюза Ф. Могерини сделала официальное заявление, указав, что принятие новой Стратегии ЕС для Центральной Азии всеми государствами — членами Евросоюза является свидетельством растущей важности региона и более тесного сотрудничества, которое Европейский союз стремится установить с его странами. Она заявила также, что обновленная Стратегия будет сосредоточена на двух основных столпах: устойчивость и процветание, — которые были определены совместно со всеми заинтересованными сторонами в регионе, включая гражданское общество, как первостепенные для развития и успеха региона [7]. Презентация новой Стратегии в регионе состоялась на проведенной 7 июля 2019 года в Бишкеке встрече министров иностранных дел пяти стран Центральной Азии и тогдашнего Верховного представителя ЕС Ф. Могерини.

С учетом новой Стратегии ЕС по Центральной Азии Брюссель разработал подробную программу практических действий по ее реализации. Они направлены, как заявлено, на достижение таких целей, как упрочение суверенитета государств региона, обеспечение их устойчивости, процветания и регионального сотрудничества и дальнейшее расширение многопланового партнерства и взаимодействия с Евросоюзом, а также на укреп-

пление связей с Восточным партнерством. При этом акцент сделан на решении общих проблем, таких как борьба с терроризмом, активизация взаимодействия в целях содействия миру в Афганистане. Брюссель отмечает, что инициативы стран Центральной Азии по упрочению сотрудничества с Афганистаном отвечают интересам ЕС по укреплению региональной безопасности, создавая новые условия для усилий ЕС по содействию миру в этой стране [9].

Европейский совет утвердил также конкретные предложения Верховного представителя по укреплению архитектуры политического диалога ЕС с правительствами государств Центральной Азии. Они предусматривают проведение ежегодных встреч министров иностранных дел стран Центральной Азии с Верховным представителем ЕС, а также при необходимости неформальных консультаций с их участием на полях сессий Генеральной Ассамблеи ООН и министерских совещаний ОБСЕ в интересах упрочения международного порядка, основанного на правилах, и расширения партнерства по глобальной и региональной повесткам дня. Странам Центральной Азии предложен также диалог высокого уровня по политическим проблемам и вопросам безопасности на уровне заместителей министров и их старших представителей. В дополнение к этому ЕС в целях улучшения взаимопонимания и дальнейшего сближения интересов сторон решил учредить Форум ЕС — Центральная Азия с участием представителей гражданского общества сторон, их исследовательских центров и официальных лиц [19].

На данном этапе ключевым инструментом политики Евросоюза в регионе является навязывание государствам Центральной Азии соглашений о расширенном партнерстве и сотрудничестве. Такой документ был подписан ЕС с Казахстаном еще в 2015 году. И лишь 1 марта 2020 года он, наконец, вступил в силу после ратификации обеими сторонами. Соглашением предусмотрено развитие двустороннего диалога по международным вопросам во всех сферах, включая укрепление международной безопасности и региональной стабильности и безопасности, урегулирование кризисных ситуаций, противодействие распространению оружия массового уничтожения, борьбе с незаконной торговлей стрелковым оружием и международным терроризмом [13].

Процесс переговоров о заключении аналогичных соглашений запущен также с Узбекистаном и Киргизией. Таджикистан также выразил интерес к переговорам по такому договору. В качестве стимула к подписанию подобного соглашения государствам обещают увеличить объем помощи.

В ЕС рассчитывают, что эти соглашения приведут в будущем к участию стран региона в других инициативах, включая сотрудничество в оборонной сфере.

* * *

Развивающееся на протяжении уже десятилетия сотрудничество ЕС с «фокусными» государствами Восточного партнерства и странами Центральной Азии и активное вмешательство структур Евросоюза и его неправительственных организаций во внутрисполитические процессы этих государств не привели ни к заметным позитивным сдвигам в экономическом развитии постсоветских государств, ни к укреплению внутренней стабильности и внешней безопасности. Как раз наоборот — в тех странах, в которых ЕС получил по существу неограниченную возможность активно продвигать неолиберальные порядки (Грузия, Украина, Молдавия и Киргизия), внутренняя нестабильность продолжает нарастать и приводит к постоянным кризисам и углублению экономических трудностей.

При этом взаимодействие в рамках ВП и соглашений о партнерстве и сотрудничестве с Центральной Азией всё в большей мере апеллирует не к экономическим, а к политическим и военным задачам, находясь под влиянием «активно европеизируемых государств», таких как Украина и Грузия.

Реальные же цели программы «Восточное партнерство» и сотрудничества со странами Центральной Азии — политическая и экономическая изоляция России, создание вокруг нее пресловутого «санитарного кордона», получение доступа к ресурсам Центральной Азии. Это включает в себя также разрушение ЕАЭС, Организации Договора о коллективной безопасности и окончательную деградацию СНГ [25].

Со своей стороны национальные политические элиты постсоветских государств, исходя из интересов удержания власти, не торопятся реализовывать социально-экономические преоб-

разования, диктуемые Евросоюзом. Придерживаясь концепции многовекторности в интересах решения внутривнутриполитических и социально-экономических проблем, они пытаются таким образом лавировать между тремя ведущими центрами силы — США, Китаем и Россией. Правда, такая линия поведения приносит им весьма ограниченные дивиденды.

На данном этапе центральной проблемой постсоветских стран остается поддержание внутривнутриполитической стабильности и безопасности. В реальности только Россия способна помочь им в решении этих задач, поскольку в значительной мере это отвечает и ее собственным интересам безопасности.

Брошенный Евросоюзом и НАТО вызов России на постсоветском пространстве, нацеленный на ее вытеснение из этого исторически традиционного для нее пространства и создающий прямую угрозу национальной безопасности нашей страны, требует с ее стороны более решительных, тщательно продуманных военно-политических, экономических и информационно-культурных действий долгосрочного характера по его противодействию.

Литература

1. В Грузии разместили французскую систему ПВО // Sputnik Georgia. – URL: <https://sputnik-georgia.ru/politics/20171220/238631536/V-Gruzii-uzhe-razmestili-francuzskuju-sistemu-PVO.html> (дата обращения: 12.03.2021).
2. Европейский Союз и Центральная Азия: новые возможности для укрепления партнерства / European Union External Action Service. – URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/62523/ (дата обращения: 12.03.2021).
3. *Еремينا Н.* Внешняя политика ЕС: сложности и перспективы. – 05.09.2019 / РСМД. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vneshnyaya-politika-es-slozhnosti-i-perspektivy/> (дата обращения: 12.03.2021).
4. *Жильцов С.С.* Стратегия Запада на постсоветском пространстве // *Мировая политика в фокусе современности*. – М., 2018. – 515 с.
5. *Суздальцев А.* «Восточное партнерство» ЕС и риски для России // Доклад на заседании Научно-экспертного совета ОДКБ по теме «Геополитическая обстановка в зоне ответственности Организации Договора о коллективной безопасности и прилегающих районах» (Москва, 22 мая 2009 г.) // *Политическое обозрение*. – URL: <https://politoboz.com/en/node/512> (дата обращения: 10.03.2021).
6. *Филатов С.* Schwach «восточного партнерства» // *Международная жизнь*. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26230> (дата обращения: 12.03.2021).
7. Цитата Верховного представителя ЕС о новой Стратегии ЕС по Центральной Азии / Делегация Европейского Союза в Республике Узбекистан. – URL: https://eeas.europa.eu/delegations/uzbekistan/64579/цитата-верховного-представителя-ес-о-новой-стратегии-ес-по-центральной-азии_ru (дата обращения: 11.03.2021).
8. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. – 03.12.2008 / МИД России. – URL: <https://www.russie.mfa.gov.se/working/Directors/Root/EU-NATO/integration/eastern-partnership/EaP-commission.pdf> (accessed: 12.03.2021).

9. Council conclusions on the New Strategy on Central Asia as adopted by the Council on 17 June 2019 / Council of the European Union. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39778/st10221-en10.pdf> (accessed: 12.03.2021).
10. Eastern Partnership: Commission proposes new policy objectives for beyond 2020 / European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_452 (accessed: 11.03.2021).
11. EU Ambassadors' Conference 2020: "The EU needs to practice the language of power, not just speak it" // EU Press release. – 13.11.2020 / European Union External Action Service. – URL: <https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/88702/eu-ambassadors%E%80%99-conference-2020-%E2%80%9c-eu-needs-practice> (accessed: 10.03.2021).
12. EU Council conclusions on Eastern Partnership policies beyond 2020 approved on 11 May 2020 / Council of the European Union. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/43805/st07510-re-en20.pdf> (accessed: 12.03.2021).
13. Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the European Union and its member states, of one part, and the Republic of Kazakhstan of the other part // Official Journal of the European Union. – Legislation L. 29, Vol. 59 / European Union External Action Service. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/enhanced_partnership....pdf (accessed: 11.03.2021).
14. Facts and Figures about EU – Armenia Relations / European Union External Action Service. – URL: <https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eap-factsheet-armenia-en.pdf> (accessed: 11.03.2021).
15. Facts and Figures about EU – Azerbaijan Relations / European Union External Action Service. – URL: <https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eap-factsheet-azerbaijan-en.pdf> (accessed: 10.03.2021).
16. Facts and Figures about EU – Georgia Relations / European Union External Action Service. – URL: <https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eap-factsheet-georgia-eu-web.pdf> (accessed: 12.03.2021).
17. *Jarábik B.* Eastern Partnership at Ten: Rhetoric, Resources, and Russia. // Carnegie Endowment for International Peace. – URL: <https://carnegieendowment.org/2019/05/02/eastern-partnership> (accessed: 11.03.2021).
18. Joint Communication of High Representative of the Union for Foreign and Security Policy to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Region. Eastern Partnership Policy // European Union Law. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52013JC0001&from=EN> (accessed: 13.03.2021).
19. Joint Communication to the European Parliament and the Council. The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership / European Union External Action Service. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (accessed: 13.03.2021).
20. Joint Statement following 22nd EU–Ukraine Summit, 6 October 2020 / European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_1849 (accessed: 11.03.2021).
21. Military Eurointegration: How Ukraine fulfills its security obligations under an agreement with the EU. The Center for Army Conversion and Disarmament. – 13.03.2019 / Единый Центр. – URL: <https://caedc.org.ua/en/?p=6277> (accessed: 12.03.2021).
22. *Minzarari D., Pistriniciu V.* A problem Shared: Russia and the Transformation of Europe's Eastern Neighbourhood, 23 April 2020 / European Council on Foreign Relations. – URL: https://ecfr.eu/publication/a_problem_shared (accessed: 13.03.2021).
23. *Sasse G.* Lessons Learnt From the Eastern Partnership // Carnegx-ie Europe. – URL: <https://carnegieeurope.eu/2019/05/02/lessons-learn> (accessed: 12.03.2021).
24. Цитата Верховного представителя ЕС о новой Стратегии ЕС по Центральной Азии / Делегация Европейского Союза в Республике Узбекистан. – URL: https://eeas.europa.eu/delegations/uzbekistan/64579/цитата-верховного-представителя-ес-о-новой-стратегии-ес-по-центральной-азии_ru (accessed: 11.03.2021).

Карпович Олег Геннадьевич,

доктор юридических наук, доктор политических наук,
профессор, директор Института актуальных международных проблем
Дипломатической академии МИД России, Москва.

Oleg G. Karpovich,

Doctor of Law, Doctor of Political Science,
Professor, Director of the Institute for Contemporary International Studies
of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: iamp@dipacademy.ru

Карипов Балташ Нурмухамбетович

Кокшетауский государственный университет имени Ш.Ш. Уалиханова,
Кокшетау, Казахстан

Baltash N. Karipov

Sh.Ualikhanov Kokshetau State University, Kokshetau, Republic of Kazakhstan,

Email: jants@yandex.ru

Литвинов Валерий Олегович,

аспирант,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Valery O. Litvinov,

Post graduate student,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: valeriy.litvinov2015@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ В ГОНКОНГЕ: ОСНОВНЫЕ УРОКИ

THE EVOLUTION OF PROTEST SENTIMENT IN HONG KONG: BASIC LESSONS

Аннотация: в статье рассматривается развитие протестных настроений в Гонконге с момента их зарождения и до настоящего времени. Анализу подвергаются основные идеи и направления деятельности оппозиции. Отдельно описаны: момент формирования противоречий между сторонниками протестной активности и Правительством КНР; противостояние, вызванное попытками пропекинского лагеря внести изменения в конституцию Специального административного района Гонконг в 2003, 2014 и 2019 годах; последствия принятия Закона Китайской Народной Республики о защите национальной безопасности в Специальном административном районе Гонконг. Исследование фиксирует также изменения в структуре оппозиции и произошедший в ней раскол в 2016 году. Заключение констатирует крах оппозиционного лагеря и его идей вследствие эффектив-

ной деятельности Правительства КНР и отсутствия поддержки протестующих со стороны внешних сил.

Ключевые слова: Специальный административный район Гонконг, КНР, оппозиция, протесты, Civil Human Rights Front, Закон о национальной безопасности Гонконга.

Abstract: the article examines the development of the opposition in Hong Kong from its inception to the present. The main ideas and activities of the opposition camp are analyzed. Separately described: the moment of the formation of contradictions between the supporters of protest activity and the Government of the People's Republic of China; the confrontation caused by the attempts of the pro-Beijing camp to make changes the Constitution of the Hong Kong Special Administrative Region in 2003, 2014 and 2019; the consequences of the adoption of the Law of the People's Republic of China on the Protection of National Security in the Hong Kong Special Administrative Region. The study also records changes in the structure of the opposition and the split that occurred in it in 2016. The conclusion states the collapse of the opposition camp and its ideas due to the effectiveness of the Chinese Government and the lack of support for the protesters from the United States and its allies.

Key words: Hong Kong Special Administrative Region, PRC, opposition, protests, Civil Human Rights Front, Hong Kong National Security Law.

Протестные настроения в Гонконге прошли долгий путь развития. Они начали формироваться еще в 1970-х годах. После возвращения Гонконга в Китай в 1997 году оппозиция при помощи протестных акций блокировала невыгодные для себя решения, принимаемые администрацией Гонконга. Этот процесс стал основой для противостояния протестного и проправительственного лагерей на территории Специального административного района (САР), продлившегося два десятилетия и определившего в конечном итоге будущее Гонконга.

В ходе исследования были выделены четыре основных этапа развития протестных настроений в Гонконге.

1. Зарождение протестного движения на территории Гонконга (1970-е гг. — 2002 г.).
2. Формирование основных идей гонконгской оппозиции (2002—2014 гг.).
3. Раскол оппозиции (2014—2020 гг.).
4. Ослабление оппозиции (2020 г. — настоящее время).

Зарождение протестного движения на территории Гонконга (1970-е гг. — 2002 г.)

Благоприятной средой формирования гонконгской оппозиции всегда было студенчество. В 1958 году была основана Федерация студентов Гонконга. В отличие от Студенческого союза Гонконгского университета, созданного значительно ранее (1912 г.), изначально ее деятельность была тесно связана с по-

литикой. Примером этому может послужить участие гонконгских студентов в протестах против передачи Японии островов Сенкаку в рамках движения Баодиао, которое обрело большую популярность на территории материкового Китая, Гонконга и Тайваня в 1970-х годах XX века [50]. Совпадение интересов студенческих организаций и Правительства КНР подготовило почву для их взаимодействия.

Позднее, вслед за растущим движением за демократизацию на территории материкового Китая, основной вектор деятельности Федерации студентов Гонконга был направлен на поддержку этого движения. В 1984 году представители студенческих организаций написали письмо Генеральному секретарю ЦК КПК Чжао Цзыяну, в котором выразили поддержку решения о передаче Гонконга КНР в 1997 году и возможности сохранить демократию на территории Специального административного района [11]. Надежда на будущую демократизацию материкового Китая вслед за экономическими реформами, начатыми Дэн Сяопином, была основным двигателем взаимодействия студенческих организаций Гонконга и властей КНР в 1970-х и 1980-х годах.

Ситуация резко изменилась после 1989 года. События на площади Тяньаньмэнь внесли раскол в отношения Правительства КНР и политических объединений Гонконга. Последствием этого стало формирование 21 мая 1989 года Гонконгского альянса в поддержку патриотических демократических движений Китая. Деятельность данной организации направлена на формирование и поддержание протестных настроений. Альянс является носителем и продолжателем идей, провозглашенных на площади Тяньаньмэнь. Его основными целями являются:

- формирование многопартийной системы в Китае;
- освобождение диссидентов;
- реабилитация протестного движения 1989 года;
- наказание виновных за события на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989 года [6].

Основной акцией Гонконгского альянса в поддержку патриотических демократических движений Китая, призванной привлечь внимание к проблеме коррупции и нарушению демократических свобод на территории материкового Китая, является ежегодное факельное шествие, проводимое в парке Виктория 4 июня. По-

мимо этого лидерами движения регулярно организовывались небольшие манифестации в поддержку отдельных диссидентов, например шествие 12 августа 2009 года в поддержку Лю Сяобо, известного своим участием в событиях на Тяньаньмэнь и последующей критикой политики КНР [67]. Кроме этого подготавливались отдельные акции, такие как «Любовь матерей Тяньаньмэнь» 12 декабря 2009 года [67].

Включение Гонконга в состав Китая спровоцировало проведение новой ежегодной акции — марша 1 июля. Его подготовкой с года передачи (1997 г.) по 2002 год занимался Гонконгский альянс в поддержку патриотических демократических движений Китая, являвшийся главной организацией, противостоявшей деятельности центральной власти Китая в данный период развития оппозиции в Гонконге. Целью марша 1 июля было привлечение внимания общественности к актуальным вопросам демократизации КНР и соблюдению принципов демократии в Гонконге. Эта акция являлась средством вовлечения политически пассивных людей в ряды протестующих в целях увеличения числа сторонников оппозиции в критические моменты. Описанный выше механизм сработал в 2003 году, когда пропекинская партия предприняла первую попытку изменить конституцию Специального административного района. До этого момента сторонникам протестного лагеря казалось, что принцип «одна страна, две системы» гарантирует демократическое развитие на территории Специального административного района и потому основной их политической силой оставался Гонконгский альянс в поддержку патриотических демократических движений Китая, поддерживающий диссидентов, имеющих неприкосновенность в САР.

Формирование основных идей гонконгской оппозиции (2002—2014 гг.)

2003 год стал поворотным моментом во взаимоотношениях протестного лагеря в Гонконге и центральной власти КНР. В феврале 2003 года на рассмотрение в Законодательный совет (парламент Гонконга) был внесен законопроект об изменениях в конституции Специального административного района [46], известный также как первый проект закона о национальной безопасности Гонконга. Законопроект включал в себя ряд положений касатель-

но преступлений, целями которых являются государственная измена, сепаратизм и подстрекательская деятельность, а также налагал запрет на разглашение официальной информации и деятельность отдельных организаций, преследуемых Правительством КНР. Помимо этого он предоставлял правоохранительным органам право на арест и обыск подозреваемых в вышеуказанных преступлениях без ордера и отменял наличие срока преследования подозреваемых по этим делам.

Этот законопроект был поддержан проправительственной консервативной партией «Новая народная партия» во главе с Региной Ип [47]. Его положения были в интересах властей КНР, поскольку позволяли нейтрализовать влияние оппозиционного лагеря как на жителей КНР в целом, так и на граждан Специального административного района в частности. Законопроект мог предоставить также возможность повлиять на диссидентов, скрывающихся на территории Гонконга.

Ответной реакцией оппозиционного лагеря стали протестные акции. Наиболее крупная из них — ежегодный марш 1 июля. По словам официального представителя полиции Гонконга, на улицы вышли 350 тыс. демонстрантов [7; 33]. Активное участие в данной акции принял сформированный в сентябре 2002 года Гражданский фронт по правам человека (The Civil Human Rights Front, CHRHF) — объединение 48 неправительственных организаций и политических групп, ставшее центром протестного лагеря и включившее в свой состав Гонконгский альянс в поддержку патриотических демократических движений Китая. Впоследствии именно эта организация будет заниматься проведением марша 1 июля. Одной из целей формирования организации изначально было противодействие инициативам центрального правительства и пропекинских партий, в том числе обсуждаемым летом 2002 года поправкам в конституцию Гонконга.

За протестами 1 июля 2003 года последовала отставка главы Либеральной партии Джеймса Тьена из правительства Гонконга [10], вследствие чего стала очевидной невозможность проправительственной партии собрать достаточное количество голосов в парламенте для одобрения законопроекта, и он был снят с рассмотрения.

С этого момента начался процесс смещения приоритета протестного лагеря с «демократизации» всего Китая на «защиту» конституции Гонконга. На территории САР продолжилось проведение ежегодных факельных шествий в память о событиях на Тяньаньмэнь, организатором которых оставался Гонконгский альянс в поддержку патриотических демократических движений Китая [53]. В то же время CHRF, ставший основной организацией, занимающейся поддержкой неизменности политической структуры, взял на себя проведение маршей 1 июля, которые ранее подготавливались Альянсом. Стоит отметить, что данные процессы подстегивали друг друга, поскольку люди с активной политической позицией — сторонники оппозиционного лагеря — посещали оба мероприятия. Это можно понять по взаимному росту на них числа протестующих в период с 2011 по 2012 год.

Согласно данным Гонконгского университета по изучению публичного мнения, в 2011 году марш 1 июля в Гонконге собрал 63 тыс. человек, в 2012 году — 95 тыс. [70]. В те же годы факельное шествие в память о событиях на Тяньаньмэнь собрало 77 тыс. [55] и 85 тыс. [58] человек, согласно данным полиции. Причинами роста числа протестующих стали: победа Лян Чжэньина (пропекинского кандидата) на выборах главы администрации Гонконга весной 2012 года, предстоящие выборы в парламент САР, состоявшиеся 9 сентября 2012 года, а также предлагаемая проправительственной партией реформа образования [24]. Исходя из взаимного роста числа протестующих на этих мероприятиях, можно сделать вывод о том, что движения за «демократизацию» КНР и за «защиту» автономии и демократии на территории Гонконга развивались параллельно.

Раскол оппозиции (2014—2020 гг.)

В 2014 году начались протесты, вызванные решением Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) о внесении изменений в процесс выбора главы администрации Гонконга [45]. Помимо электоральных изменений данное решение делало обязательным утверждение кандидатуры главы исполнительной власти Специального административного района Правительством КНР. В ответ на это начались протесты «революции зонтиков». Их основными инициаторами

стали Джошуа Вонг, известный также как «первый зонтик революции», и Бенни Тай, основавший организацию «Occupy Central with Love and Peace». Когда 26 сентября 2014 года Вонг и его сторонники вышли за пределы правового поля и совершили попытку незаконного захвата правительственных зданий, было положено начало «революции зонтиков» [54]. Они использовали тактики «цветных революций» и пытались привлечь на свою сторону как можно больше сторонников. В то же время Бенни Тай 28 сентября 2014 года инициировал оккупацию территорий возле правительственных зданий с целью парализовать их работу [61]. Протестные акции продлились до 3 декабря, Бенни Тай и его ближайшие соратники сдались полиции, признав свою вину, и призвали членов «Occupy Central with Love and Peace» расходиться [30]. Студенческие организации продолжали протестные акции, но уже 14 декабря полиция устранила последние баррикады [48]. Итогом «революции зонтиков» стал некоторый успех протестного лагеря, поскольку 18 июня 2015 года Законодательный совет Гонконга отклонил реформу, предлагаемую постоянным комитетом ВСНП [21].

Изменение характера протестных движений, выразившееся в использовании тактики «цветных революций» (попытка захвата правительственных зданий [54], использование тактики мобильных протестов, намерение притянуть больше внимания к проблеме путем связи с высшим руководством страны [31] при параллельном использовании мирного протеста [57], наличие заранее подготовленной теоретической базы для противодействия полиции и властям [56]), говорит о радикализации оппозиционного лагеря. После 2014 года создаются такие партии, как «Демосисто» [35], организованная Джошуа Вонгом и состоящая из молодежи и студентов. Хотя в эти годы всё еще наблюдается взаимный рост числа пришедших на факельное шествие 4 июня и марш 1 июля (факельное шествие, по данным полиции: 2013 г. — 54 тыс. [49] и 2014 г. — 100 тыс. человек [63]; марш 1 июля, по данным полиции: 2013 г. — 33 500 [8] и 2014 г. — 98 600 человек [25]), в сознании жителей Гонконга, особенно молодого поколения, родившегося в КНР и не помнящего событий на Тяньаньмэнь, зато видевшего своими глазами выступления 2003 года, начинает преобладать идея защиты автономии Гон-

конга, тогда как демократизация КНР отходит на второй план. Примером наметившегося раскола может послужить отказ Федерации студентов Гонконга присутствовать на ежегодном факельном шествии 4 июня [41]. Федерация не отказалась от памяти событий на Тяньаньмэнь и стала проводить свои форумы по данной тематике. Они состоялись в 2016-м, 2017-м и 2019-м годах [9]. Студенты устраивали также акции, такие как помывка Столба стыда и перекраска моста Swire [9] (эти памятники посвящены событиям 1989 г.). Однако приоритетной задачей для них стала именно защита автономии Гонконга и демократии на его территории. Последствия раскола оппозиции сразу отразились на количестве участников факельного шествия 4 июня [43]: согласно данным полиции, мероприятие собрало 100 тыс. человек в 2014 году [63], а в 2016 году это число сократилось до 21 800 человек [62].

Позже описанный выше раскол обрел форму путем выхода из двух основных организаций протестного лагеря (Civil Human Rights Front и Гонконгского альянса в поддержку патриотических демократических движений Китая) Федерации студентов Гонконга в 2016 году. Таким образом, к оппозиционному лагерю с 2016 года относятся уже три основные организации:

- CHRFB, ставящий своими целями как развитие демократии на территории Гонконга, так и демократизацию КНР;
- Гонконгский альянс в поддержку патриотических демократических движений Китая, являющийся частью CHRFB и специализирующийся на демократизации КНР;
- Федерация студентов Гонконга — наиболее радикальная часть оппозиционного лагеря, члены которой организовывали и принимали участие в «революции зонтиков» 2014 года [62]. Основной целью этой организации является поддержание автономии Гонконга и развитие демократии на его территории. Студенты, склонные к использованию тактики «цветных революций», — наиболее организованная часть протестующих. Именно они стали инициаторами захвата правительственных зданий как в 2014 году [54], так и в 2019 году [18]. Помимо этого студенты организовали наиболее радикальные акции протеста, такие как обо-

рона Политехнического университета Гонконга в ноябре 2019 года [26].

В 2019 году новая волна протестов захлестнула Гонконг. Они стали ответом на попытку администрации САР принять закон об экстрадиции, который сделал бы возможным выдачу осужденных в Гонконге на материковую часть КНР [17]. Организацией протестов на этот раз занялись не только студенческие организации и «Демосисто», но также CHRIF [38]. Первая масштабная протестная акция [27] прошла 9 июня 2019 года, 15 июня последовали первые изменения в позиции администрации Гонконга: рассмотрение законопроекта было отложено на неопределенный срок [16]. Ответом протестующих была еще более крупная акция, которая прошла 16 июня. Участие в ней, согласно подсчетам полиции, приняли 300 тыс. человек [52]. CHRIF оценило количество протестующих в 2 млн человек [52]. Ночью 1 июля 2019 года протестующие захватили здание парламента Гонконга. Из-за отсутствия четкой организации они не смогли удержать его и были выбиты полицией [68]. В августе протестующие перешли к использованию так называемой тактики мобильных протестов. Они блокировали объекты городской инфраструктуры, а затем перемещались на новое место до приезда полиции. Протестные акции вынудили правительство САР 4 сентября 2019 года заявить, что проект закона о национальной безопасности будет отозван [22]. 23 октября 2019 года этот законопроект был отозван [20].

Протестные акции 2019 года привели к увеличению количества сторонников оппозиции, поскольку принятие закона о национальной безопасности сделало бы возможным экстрадицию жителей САР в материковую часть КНР. Усиление оппозиции способствовало частичной победе оппозиционеров на выборах в окружные советы Гонконга 24 ноября 2019 года [15].

Стоит отметить последствия раскола оппозиции в рамках протестов 2019 года. CHRIF — большое формирование, состоящее из множества организаций. Именно его усилия позволили собрать на улицах рекордное количество выражающих свое несогласие [52]. Однако студенческие организации сформировали наиболее радикальную часть протестующих. Именно их члены стремились к продолжению и эскалации конфликта уже после

приостановления рассмотрения закона об экстрадиции [12], организовывали мобильные протесты, захват правительственных зданий [42] и оборону внутри Политехнического университета Гонконга [26]. Раскол не позволил радикальной и умеренной части протестующих взаимодействовать сообща, вследствие чего, хотя и была достигнута основная цель (снятие с рассмотрения закона об экстрадиции), другие требования оппозиционеров, такие как отставка главы администрации Гонконга Кэрри Лэм и полное признание законности протестов, не были удовлетворены. Это дало руководству КНР пространство для маневра: позволило добиться ареста некоторых лидеров протестов [71] и вынудило оппозиционный лагерь сосредоточить свои ожидания на участии в выборах в парламент Гонконга в 2020 году, чтобы продвигать там собственные законодательные инициативы. Кроме того, на руку Пекину сыграла начавшаяся в 2020 году пандемия COVID-19, которая лишила оппозиционный лагерь основного инструмента давления на Гонконгскую администрацию — протестов.

Ослабление оппозиции (2020 г. — настоящее время)

Реализовать свои преимущества руководство КНР смогло путем принятия 28 мая 2020 года Решения Всекитайского собрания народных представителей о создании и совершенствовании правовой системы и внедрении механизмов для защиты национальной безопасности в Специальном административном районе Гонконг. В Решении организация протестов была приписана неким «внешним силам» [59]. Китай использовал лазейку в конституции САР, согласно которой центральное правительство имеет право принимать законы относительно национальной безопасности Гонконга. На основе Решения ВСНП от 28 мая вскоре, 30 июня 2020 года, был принят Закон Китайской Народной Республики о защите национальной безопасности в Специальном административном районе Гонконг (Закон о национальной безопасности Гонконга) [64]. Он привел в действие основные положения, указанные в предшествовавшем ему решению ВСНП [37]. Итогом стало введение законов по противодействию протестам, предоставление материковым спецслужбам возможности осуществлять работу на территории САР, возможность высылки осужденных в пределах территории Гонконга на материковую часть

КНР и т. д. [37]. Всё это сделало невозможным организацию протестной деятельности, что сразу отразилось на деятельности оппозиции: потеряв возможность проводить незаконные протестные акции, партия «Демосисто», созданная Джошуа Вонгом, заявила о самороспуске 30 июня [23]; лидер CHRF Джимми Шем призвал людей воздержаться от посещения ежегодного марша 1 июля, запрещенного в 2020 году по причине карантинных мер, хотя некоторые члены CHRF всё же предприняли попытку вывести протестующих на улицы [44]. Несанкционированный и опасный для здоровья граждан митинг был локализован, 370 человек были задержаны [51].

Вследствие потери основного рычага влияния на администрацию Гонконга в виде протестных акций единственными вариантами оппозиционного лагеря продвигать свои интересы в САР стали: победа на выборах в парламент Гонконга в 2020 году и поддержка оппозиции со стороны США и их союзников.

Администрация Гонконга во главе с Кэрри Лэм 31 июля в связи с пандемией COVID-19 ввела чрезвычайное положение на территории САР, позволившее перенести выборы в парламент Гонконга с 6 сентября 2020 года на 5 сентября 2021 г [39]. За день до этого 12 кандидатов от оппозиционного лагеря, в том числе и Джошуа Вонг, были отстранены от участия в выборах [19]. Всё это вкупе с последовавшими арестами лидеров оппозиции [66; 69], и, согласно данным South China Morning Post, возможным изменением процесса выбора главы администрации Гонконга в целях победы пропекинского кандидата [36], лишает протестный лагерь возможности одержать победу на выборах 2021 года.

Поддержку оппозиционному лагерю могли оказать оппоненты КНР по торговой войне — США, а также их союзники. Однако после подписания договора по «первой фазе торговой сделки» и вследствие экономических проблем, вызванных пандемией COVID-19, эти страны не стремятся продолжать противостояние. Президент Трамп ответил на Решение Всекитайского собрания народных представителей о создании и совершенствовании правовой системы и внедрении механизмов для защиты национальной безопасности в Специальном административном районе Гонконг Указом № 13936, подписанным им 14 июля 2020 года [60]. Целью этого документа являлась ликвидация особого

статуса Гонконга в рамках экономики и политики США [60]. Он предусматривает также введение санкций против лиц, связанных с принятием Закона о национальной безопасности Гонконга [60]. Описанные выше последствия станут экономическим ударом по САР, но они не направлены против экономики Китая в целом — лидер США решил не рисковать эскалацией торговой войны с КНР. Британский премьер-министр Борис Джонсон 1 июля 2020 года заявил о создании новой системы иммиграции и получении гражданства для жителей САР [28]. Чжао Лицзянь, спикер Министерства иностранных дел КНР, заявил, что с 31 января Китай перестанет признавать заграничные паспорта Великобритании [13]. В остальном Америка и ее союзники ограничились лишь осуждением действий КНР [14; 65].

Давление со стороны США и их союзников оказалось недостаточным. КНР выгодно перенесение экономического центра юга страны из проблемного и недостаточного автономного в политическом отношении Гонконга. С этой целью руководство Китая уже строит перспективные планы по развитию таких городов, как Шэньчжэнь [29; 34; 40] и Макао [32].

Исходя из вышесказанного, стоит отметить как невозможность победы сторонников оппозиционного лагеря на выборах 2021 года, так и крах их надежд на поддержку со стороны внешних оппонентов Китая. Благодаря Закону о национальной безопасности руководство КНР имеет эффективные рычаги контроля оппозиционной деятельности в Гонконге, что предотвратит повторение новых масштабных протестов. Всё это позволяет сделать вывод о крахе многих оппозиционных идей. Таким образом, можно предположить невозможность дальнейшего развития протестного лагеря, а также его неспособность влиять на процесс принятия решений на территории Специального административного района Гонконг.

Литература

1. Данюк Н.С. «Цветные революции». От теории к практике. – М.: «ЮНИТИ-ДАНА», 2018. – 527 с.
2. Данюк Н.С. Никита Данюк о этапах и методах реализации «цветных революций» // Сайт Института стратегических исследований и прогнозов РУДН. – URL: <http://isip.su/ru/articles/197> (дата обращения: 07.02.2021).
3. Карпович О.Г. Цветная «революция зонтиков» в Гонконге: начало «Китайской весны» // Национальная безопасность. – 2014. – № 6. – С. 990–996.

4. Конец войны: Китай и США пошли на сделку [Электронный ресурс] // Газета.ru. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/01/15/12912254.shtml> (дата обращения: 11.02.2021).
5. *Супян В.Б.* Американско-китайские торгово-экономические отношения: причины кризиса и его перспективы // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 9. – С. 23–32.
6. About Hong Kong Alliance // Hong Kong Alliance in Support of Patriotic Democratic Movements of China official website [Electronic resource]. – URL: https://hka8964.wordpress.com/hkaeng/#eng_who (accessed: 13.02.2021).
7. *Bradsher K.* Hundreds of Thousands in Hong Kong Protest Security Laws [Electronic resource] // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2003/07/01/international/asia/hundreds-of-thousands-in-hong-kong-protest-security-laws.html> (accessed: 01.02.2021).
8. *Branigan T.* Thousands march in Hong Kong to demand democratic reforms [Electronic resource] // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/jul/01/thousands-march-hong-kong-democratic-reforms> (accessed: 07.02.2021).
9. *Chan H.* Hong Kong student unions to host Tiananmen Massacre forum, amid lingering rift with vigil organisers [Electronic resource] // Hong Kong Free Press. URL: <https://hongkongfp.com/2019/05/29/hong-kong-student-unions-host-tiananmen-massacre-forum-amid-lingering-rift-vigil-organisers/> (accessed: 04.02.2021).
10. *Cheung G.* 'Young Master Tien' earns respect from the people after 22 years in Hong Kong's Legislative Council [Electronic resource] // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/1991013/young-master-tien-earns-respect-people-after-22-years-hong> (accessed: 13.02.2021).
11. *Cheung G.* Why Tiananmen Square protests still cast shadow over Hong Kong politics after 30 years [Electronic resource] // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/3011330/why-tiananmen-square-protests-still-cast-shadow-over-hong> (accessed: 02.02.2021).
12. *Cheung K.* Anti-extradition row: Hong Kong gov't must respond to demands or protests will escalate on Fri, student groups say [Electronic resource] // Hong Kong Free Press. – URL: <https://hongkongfp.com/tag/hkfs/> (accessed: 08.02.2021).
13. China Won't Recognize British Overseas Passports Issued to Hong Kong Residents [Electronic resource] // Time. – URL: <https://time.com/5934375/british-national-overseas-passport-china-hong-kong/> (accessed: 12.02.2021).
14. *Finbarr B., Stuart L.* Hong Kong national security law: US gets little backing with hard line on China, as other countries steer clear of threats [Electronic resource] // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/economy/global-economy/article/3086558/hong-kong-national-security-law-us-set-go-it-alone-hard-line> (accessed: 08.02.2021).
15. *Graham-Harrison E., Yu V.* Hong Kong voters deliver landslide victory for pro-democracy campaigners [Electronic resource] // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/nov/24/hong-kong-residents-turn-up-for-local-elections-in-record-numbers> (accessed: 10.02.2021).
16. *Gunia A., Leung H., Barron L.* Hong Kong Suspends Controversial China Extradition Bill After Massive Protests [Electronic resource] // Time. – URL: <https://time.com/5607678/hong-kong-extradition-bill-suspended/> (accessed: 02.02.2021).
17. Hong Kong Protests [Electronic resource] // CNN. – URL: <https://edition.cnn.com/specials/asia/hong-kong-protests-intl-hnk> (accessed: 10.02.2021).
18. *Hollingsworth J., Griffiths J.* Hong Kong government building a 'big crime scene' after night of violent protests [Electronic resource] // CNN. – URL: <https://edition.cnn.com/2019/07/02/asia/hong-kong-protests-legco-intl-hnk/index.html> (accessed: 15.02.2021).
19. Hong Kong bars 12 opposition candidates from election [Electronic resource] // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-53593187> (accessed: 03.02.2021).
20. Hong Kong formally scraps extradition bill that sparked protests [Electronic resource] // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-50150853> (accessed: 13.02.2021).

21. Hong Kong lawmakers reject Beijing poll plan [Electronic resource] // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-33179247> (accessed: 11.02.2021).
22. Hong Kong leader Carrie Lam to withdraw extradition bill // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-49575381> (accessed: 01.02.2021).
23. Hong Kong pro-democracy groups disband after security law passed [Electronic resource] // Financial Times. – URL: <https://www.ft.com/content/28aa95f9-e3b1-4b00-b25f-8de3d349f660> (accessed: 07.02.2021).
24. Hong Kong sizes up next leader CY Leung's loyalties [Electronic resource] // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-17594452> (accessed: 03.02.2021).
25. Hong Kong: Democracy rally 'draws 510,000 protesters' [Electronic resource] // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-28102644> (accessed: 02.02.2021).
26. Hong Kong: Protesters and police in fiery stand-off at university // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-50452277> (accessed: 05.02.2021).
27. Hong Kong: Timeline of extradition protests [Electronic resource] // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-49340717> (accessed: 11.02.2021).
28. Hong Kong: UK makes citizenship offer to residents [Electronic resource] // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-53246899> (accessed: 04.02.2021).
29. Hong Kong's not so special status as China's financial centre [Electronic resource] // Financial Times. – URL: <https://www.ft.com/content/2c4c56bd-1c40-3261-8ba8-f3ce8c83e8d2> (accessed: 11.02.2021).
30. Hong Kong's Occupy Central founders surrender to police [Electronic resource] // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-30305473> (accessed: 07.02.2021).
31. *Huang K.* Students' letter to Xi Jinping shows lack of understanding of mainland politics, scholars say [Electronic resource] // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/article/1620906/students-letter-xi-jinping-shows-lack-understanding-mainland-politics> (accessed: 06.02.2021).
32. *Huang T.* China thinks Macau can replace Hong Kong as an international financial hub [Electronic resource] / Peterson Institute for International Economics. – URL: <https://www.piie.com/blogs/china-economic-watch/china-thinks-macau-can-replace-hong-kong-international-financial-hub> (accessed: 04.02.2021).
33. Huge protest fills HK streets [Electronic resource] // CNN. – URL: <https://edition.cnn.com/2003/WORLD/asiapcf/east/07/01/hk.protest/> (accessed: 10.02.2021).
34. *Hung J.* How Can Shenzhen Replace Hong Kong? [Electronic resource] // The Diplomat. – URL: <https://thediplomat.com/2020/12/how-can-shenzhen-replace-hong-kong/> (accessed: 12.02.2021).
35. Joshua Wong's party named 'Demosisto' [Electronic resource] // rthk.hk. URL: <https://web.archive.org/web/20160419224208/http://news.rthk.hk/rthk/en/component/k2/1252849-20160406.htm> (accessed: 14.02.2021).
36. *Lam J., Cheng L., Zheng W., Cheung T.* Beijing mulling drastic overhaul of Election Committee deciding Hong Kong's chief executive and Legislative Council to curb opposition's influence: sources [Electronic resource] // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/3114983/beijing-mulling-drastic-overhaul-election-committee> (accessed: 13.02.2021).
37. Law of the People's Republic of China on Safeguarding National Security in the Hong Kong Special Administrative Region [Electronic resource] // Official website of Government of People's Republic of China. – URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202007/3ae94fae8aec4468868b32f8cf8e02ad.shtml> (accessed 09.02.2021).
38. Law V. Hong Kong arrests activists before major protest [Electronic resource] // Aljazeera. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/8/30/hong-kong-arrests-activists-before-major-protest> (accessed: 14.02.2021).
39. LegCo General Election postponed for a year [Electronic resource] // Hong Kong government official website. – URL: <https://www.info.gov.hk/gia/general/202007/31/P2020073100898p.htm> (accessed: 09.02.2021).
40. *Lin Z.* Is China trying to replace Hong Kong with Shenzhen? [Electronic resource] // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/economy/article/3026227/china-trying-replace-hong-kong-shenzhen> (accessed: 11.02.2021).

41. *Liu J.* Why Hong Kong students are boycotting Tiananmen vigil [Electronic resource] // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/news/av/world-asia-china-32993911> (accessed: 01.02.2021).
42. *Lok-kei S.* Hong Kong protests: three arrested over July 1 storming of Legislative Council, according to reports, in police swoop of high-profile activists ahead of National Day [Electronic resource] // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/3030889/hong-kong-protests-three-arrested-over-july-1-storming> (accessed: 05.02.2021).
43. *Lok-kei S.* Hong Kong's annual Tiananmen vigil, banned for the first time in 30 years: what you need to know about June 4 event in the city [Electronic resource] // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/3087431/banned-first-time-30-years-heres-what-you-need-know-about> (accessed: 03.02.2021).
44. *Lung N.* Hong Kong Bans Biggest Protest After China Passes Security Law [Electronic resource] // Bloomberg. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-06-30/hong-kong-bans-biggest-protest-after-china-passes-security-law> (accessed: 09.02.2021).
45. Methods for Selecting the Chief Executive in 2017 and for Forming the Legislative Council in 2016 / The Hong Kong Special Administrative Region Government. – 2013. – December.
46. National Security (Legislative Provisions) Bill to be introduced into LegCo [Electronic resource] // Hong Kong government official website. – URL: <https://www.info.gov.hk/gia/general/200302/24/0224159.htm> (accessed: 10.02.2021).
47. National security bill details published [Electronic resource] // Hong Kong government official website. – URL: <https://www.news.gov.hk/isd/ebulletin/en/category/issues/021220/html/021220e07001.htm> (accessed: 03.02.2021).
48. Police clear final Hong Kong protest site at Causeway Bay [Electronic resource] // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-30474687> (accessed: 07.02.2021).
49. *Pomfret J., Jones T.Y.* Thousands remember Tiananmen as China tightens security [Electronic resource] // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-tiananmen-idUSBRE9530ND20130604> (accessed: 13.02.2021).
50. *Qing S.* Looking back on Baodiao movement // Caduceus. – Vol. 10. – 1978. – № 4. – P. 354–357.
51. *Sandford A.* Hong Kong: 'Hundreds' arrested amid protests and clashes on first day under new security law [Electronic resource] // Euronews. – URL: <https://www.euronews.com/2020/07/01/hong-kong-police-make-first-arrest-under-new-security-law> (accessed: 01.02.2021).
52. *Scarr S., Sharma M., Hernandez M., Tong V.* Measuring the masses [Electronic resource] // Reuters. – URL: <https://graphics.reuters.com/HONGKONG-EXTRADITION-PROTESTS/0100B01001H/index.html> (accessed: 03.02.2021).
53. *Siu B.* Goddesses freed [Electronic resource] // The Standart. – URL: https://web.archive.org/web/20110629172234/http://www.thestandart.com.hk/news_detail.asp?pp_cat=30&art_id=98929&sid=28445581&con_type=3&d_str=20100602&sear_year=2010 (accessed: 12.02.2021).
54. *Solomon F.* Facing Jail, Democracy Activist Joshua Wong Says 'Hong Kong Is Under Threat' [Electronic resource] // Time. – URL: <https://time.com/4902751/hong-kong-joshua-wong-interview-sentencing-democracy> (accessed: 13.02.2021).
55. *Steger I., Mozur P.* Thousands Rally in Hong Kong for Human Rights [Electronic resource] // The Wall Street Journal. – URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303745304576365371935162988> (accessed: 04.02.2021).
56. *Tai B.* 30 Years After Tiananmen: Hong Kong Remembers [Electronic resource] // The Diplomat. – URL: <https://thediplomat.com/2019/05/30-years-after-tiananmen-hong-kong-remembers/> (accessed: 11.02.2021).
57. *Tai Yiu-Ting B.* What Next for Hong Kong? [Electronic resource] // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2014/12/05/opinion/benny-tai-on-why-occupy-central-should-end.html> (accessed: 05.02.2021).

58. Tens of Thousands Turn up for Tiananmen Vigil in Hong Kong [Electronic resource] // The Wall Street Journal. – URL: <https://www.wsj.com/articles/BL-CJB-15902> (accessed: 03.02.2021).
59. The decision of the People's National Congress on Establishing and Improving the Legal System and Enforcement Mechanisms for the Hong Kong Special Administrative Region to Safeguard National Security [Electronic resource] // Xinhua. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-05/28/c_1126046490.htm (accessed: 07.02.2021).
60. The President's Executive Order on Hong Kong Normalization [Electronic resource] // US Federal register. – URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2020/07/17/2020-15646/the-presidents-executive-order-on-hong-kong-normalization> (accessed: 14.02.2021).
61. Thousands at Hong Kong protest as Occupy Central is launched [Electronic resource] // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-29397738> (accessed: 08.02.2021).
62. Thousands Rally in Hong Kong to Mark Tiananmen Anniversary [Electronic resource] // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2016/06/05/world/asia/hong-kong-mark-tiananmen-square-anniversary.html> (accessed: 09.02.2021).
63. Tiananmen anniversary marked at huge Hong Kong vigil [Electronic resource] // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-27702206> (accessed: 03.02.2021).
64. Timeline: The impact of the national security law on Hong Kong [Electronic resource] // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-hongkong-security-timeline-idUSKBN27S0FL> (accessed: 11.02.2021).
65. U.S., allies deplore China's new Hong Kong security law [Electronic resource] // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-hongkong-security-reaction-idUSKBN2410T8> (accessed: 03.02.2021).
66. *Wong N., Lee D., Lau C., Siu P.* Hong Kong national security law: 53 former opposition lawmakers, activists arrested; authorities accuse them of plot to 'overthrow' government [Electronic resource] // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/law-and-crime/article/3116573/dozens-hong-kong-opposition-lawmakers-activists> (accessed: 14.02.2021).
67. Work log 11/2009 – 11/2010 [Electronic resource] // Hong Kong Alliance in Support of Patriotic Democratic Movements of China official website (old website). – URL: <https://web.archive.org/web/20120503215712/http://www.alliance.org.hk/about/report/report21.html#11> (accessed: 16.02.2021).
68. *Yau C., Lo C.* Hong Kong's legislature stormed but police take little action in what analysts say is attempt to win back public support after outcry over crackdown on extradition bill protesters [Electronic resource] // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/3016841/hong-kongs-legislature-stormed-police-take-little-action> (accessed: 06.02.2021).
69. *Yeung J., Yeung E.* Hong Kong pro-democracy activist Joshua Wong arrested under national security law [Electronic resource] // CNN. – URL: <https://edition.cnn.com/2021/01/07/asia/hong-kong-joshua-wong-nsi-arrest-intl-hnk/index.html> (accessed: 10.02.2021).
70. *Yuen C.* HKFP History: How the July 1 democracy rally provides an annual reading of the political temperature [Electronic resource] // Hong Kong Free Press. – URL: <https://hongkongfp.com/2016/07/01/hong-kong-hkfp-history-how-the-july-1-democracy-rally-provides-an-annual-reading-of-the-political-temperature/> (accessed: 07.02.2021).
71. *Zhang K., Lum A.* Hong Kong protests: Apple Daily owner Jimmy Lai charged over August 31 march and alleged intimidation of reporter at 2017 vigil [Electronic resource] // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/3052789/hong-kong-protests-apple-daily-owner-jimmy-lai-arrested> (accessed: 04.02.2021).

Скворцова Екатерина Михайловна,

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

Ekaterina M. Skvortsova,

Ph.D. student,

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.

E-mail: ek.m.skvortsova@gmail.com

КОНГРЕСС АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛОНИИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ПОЛЬШИ В США

THE POLISH AMERICAN CONGRESS AND POLAND'S GEOPOLITICAL INTERESTS IN THE USA

Аннотация: в статье рассматриваются отношения Польши и Конгресса Американской Полонии по продвижению геополитического проекта «Инициатива трех морей» в США. Перспективы продвижения исследуются через призму затяжного политического конфликта между Польшей и Полонией. Выделяют три уровня конфликта: противоречия Польши и Конгресса Американской Полонии, противоречия внутри американской Полонии и конкуренция ведущих польских партий за электоральный ресурс Полонии. Автор приходит к выводу, что Конгресс Американской Полонии сохраняет значительное влияние в США и проводит независимую от Польши политику. Он обладает необходимыми ресурсами для продвижения проекта, которых нет у оппозиции и польской дипломатии. Польские власти резко критикуют организацию, однако вынуждены взаимодействовать с ней.

Ключевые слова: Польша, США, Конгресс Американской Полонии, политический конфликт, военные интересы, Инициатива трех морей.

Abstract: the article considers the relations between Poland and the Polish American Congress to promote the geopolitical project "Three Seas Initiative" in the United States. Prospects for advancement are studied through the prism of the protracted political conflict between Poland and Polonia. Three levels of conflict are emphasized: the contradictions between Poland and the Polish American Congress, the contradictions within American Polonia, and the competition between the leading Polish parties for the electoral resource of Polonia. It is concluded that the Polish American Congress retains significant influence in the United States and conducts the independent policy. It has the necessary resources to promote the project, which the opposition and Polish diplomacy do not have. Polish authorities strongly criticized the organization but have to interact with it.

Key words: Poland, USA, Polish American Congress, political conflict, military interests, Three Seas Initiative.

Введение

В области военной безопасности и обороны Польша нацелена на приоритетное сотрудничество с США [58]. Ориентацию

на США Польша объясняет недостаточностью гарантий НАТО [9]. Ключевой интерес для польских властей на сегодняшний день представляет проект «Инициатива трех морей» (ИТМ), запущенный в 2016 году. Для Польши он является инструментом изменения европейского баланса сил в свою пользу путем усиления экономики и военного потенциала страны [5]. ИТМ для Польши — в большей мере военный проект, нежели экономический. В Стратегии национальной безопасности Республики Польша 2020 года страна признает, что по мере роста национальной экономики увеличивается ее оборонный потенциал [55]. На данный момент Польша не обладает достаточными финансовыми ресурсами для занятия лидерских позиций в ИТМ и ее эффективной реализации. Кроме того, государство не имеет возможности для обеспечения оборонной самостоятельности. В Стратегии польской внешней политики на 2017—2021 годы утверждается, что «самостоятельность в области обороны является привилегией лишь нескольких государств» [49]. В этих условиях амбиции Польши по позиционированию себя в качестве поставщика региональной безопасности выглядят завышенными. По этим причинам Польше важно привлечение США к финансированию ИТМ [51].

Большая роль в повышении заинтересованности США к ИТМ отводится американской Полонии [22]. Полония является латинизированным названием Польши [8] и применяется для обозначения польской диаспоры, превышающей население страны происхождения [1; 63]. Польша рассматривает отношения с американской Полонией в контексте содействия укреплению экономического, политического и оборонного сотрудничества с США [49]. Однако еще на этапе консолидации американской Полонии между ней и Польшей возникли серьезные разногласия, вылившиеся в форму «тлеющего» политического конфликта. Лоббирование Конгрессом Американской Полонии (КАП) вопроса о расширении НАТО было ярким, но всё же отдельным проявлением сотрудничества, не изменившим основной динамики отношений. После завершения лоббистской кампании в поддержку НАТО и вплоть до 2015 года отношения КАП и Польши были особенно напряженными. На протяжении этого периода Польша уделяла большее внимание полякам на Востоке. Запуск ИТМ скорректировал фокус на американскую Полонию [38]. Однако

намерение Польши заручиться ее поддержкой проекта не подразумевало решение противоречий с КАП. Обе стороны пошли на сотрудничество в продвижении ИТМ при сохранении «старых обид» и претензий.

Обращение Польши к ресурсу американской Полонии вызвано ее большим, но слабо используемым потенциалом. Полония в США является пятой по численности этнической группой среди населения Соединенных Штатов [6] и насчитывает около 10 млн человек [3], при этом, по некоторым оценкам, ее численность может достигать 20 млн [46]. Деятельность полонийных организаций в США координирует Конгресс Американской Полонии. КАП имеет 25 отделений в 19 штатах США. Центральный офис КАП в Вашингтоне проводит на регулярной основе разные мероприятия с участием представителей экспертного сообщества, законодательной и исполнительной власти США. КАП позволяет управлять электоральным и финансовым потенциалом Полонии, обеспечивать единство польской диаспоры и ее политическую мобилизацию, создавать альянсы с другими общественными силами, представлять политические позиции и проводить мониторинг деятельности лиц, принимающих решения по ключевым для Полонии вопросам [12].

Целью статьи является исследование вовлеченности КАП в продвижении военных интересов Польши. Возможности по их продвижению в США рассматриваются через призму трех уровней «тлеющего» политического конфликта: противоречий польских властей и КАП, подогреваемой Польшей конкуренции полонийных организаций в США и борьбы польских партий «Право и Справедливость» (ПиС) и «Гражданская платформа» (ГП) за голоса американцев польского происхождения. Принятие во внимание этих политических разногласий позволяет более точно оценить вовлеченность КАП в дела Польши и перспективы продвижения ИТМ в США.

Консолидация американской Полонии: становление политического конфликта

Несмотря на достаточную степень самостоятельности КАП, движущей силой консолидации американской Полонии в США была Польша [17]. Все попытки консолидации вплоть до нача-

ла Второй мировой войны сталкивались с разногласиями внутри американской Полонии и между Полонией и Польшей. После консолидации конфликты сохранились и определяли всю последующую динамику отношений КАП и Польши.

Разгоревшийся в период консолидации конфликт стал результатом разных взглядов представителей американской Полонии на политическую активность [21]. Конфликт между Польшей и американской Полонией состоял в различии взглядов на характер взаимодействия и взаимных ожиданий. Американцы польского происхождения не разделяли позицию Варшавы об американской Полонии как части польской нации [67]. Они считали своим долгом быть лояльными США, а не находиться под влиянием иностранного государства.

В преддверии Второй мировой войны Польша включилась в ожесточенные политические игры полонийных организаций в целях смещения с руководящих должностей лиц, выступающих против подчинения Полонии интересам Польши [17]. Она пыталась усилить свои позиции путем ставки на более лояльную полонийную организацию. Изначально Польша ориентировалась на Польско-Американский Совет (ПАС), однако вскоре он заявил о своей аполитичности. В результате в поле зрения Польши попал непростой, но политически активный Польский национальный альянс (ПНА). После серьезной политической борьбы в его рядах руководство ПНА перешло к так называемым американизаторам. Они заявляли, что американская Полония не является польской колонией, а считает себя частью американской нации [43]. Начало Второй мировой войны в значительной мере изменило динамику отношений ПНА и Польши. В ПНА началась работа по строительству мощной политической машины, результатом которой в 1944 году стало создание КАП.

В дальнейшем объединению усилий КАП и Польши способствовали призывы к сплочению в свете «советской угрозы» [17]. Готовность КАП поддержать Польшу способствовала минимизации разногласий между сторонами. Однако Польша оставалась не заинтересованной в политической самостоятельности КАП и ожидала подчинения его деятельности польским интересам на основании «польскости» и моральных обязательств.

Во время холодной войны американская Полония с недоверием относилась к коммунистической Польше и продолжала ссылаться на Вторую Польскую Республику и польское правительство в изгнании [62; 68]. В период коммунизма в Польше КАП считал себя представителем всего польского народа [66]. Однако вплоть до 1980-х годов и официальная Варшава, и правительство в изгнании негативно оценивали КАП, который не удовлетворял многие их политические ожидания [21].

Лоббирование расширения НАТО: смягчение старых противоречий и появление новых

После 1989 году в отношениях Польши и КАП произошло потепление. Польским властям была необходима поддержка американской Полонии для получения одобрения Конгрессом США расширения НАТО [7; 10]. Дипломатических ресурсов Польши было недостаточно: польские планы по вступлению в НАТО не нашли поддержки у Альянса из-за его нацеленности на улучшение отношений с Россией [28]. Кроме того, непреодолимым препятствием для польской дипломатии стал запуск НАТО программы «Партнерство ради мира» (ПРМ). Она позволяла подключиться другим государствам к деятельности Альянса только в качестве участника без возможности в перспективе стать его членом [52]. При помощи КАП Польша была намерена увеличить количество сторонников позиции, согласно которой ПРМ является не альтернативой расширению НАТО, а шагом к дальнейшему получению членства [29].

С 1993 по 1997 год КАП интенсивно работал по трем направлениям: лоббирование вопроса о вступлении Польши в НАТО в органах законодательной и исполнительной власти США, мобилизация американской Полонии и консолидация ресурсов этнических групп США из стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). КАП проводил встречи и переговоры, кампании по рассылке писем и электронной почты, телефонные кампании, разрабатывал проекты резолюций, меморандумов, проводил петиции, запускал обсуждения в прессе [31; 52]. В результате в 1998 году Конгресс США одобрил вступление Польши в НАТО [45]. Факторами успеха стали избирательная сила американской Поло-

нии, привлечение избирательной силы этнических диаспор ЦВЕ и ставка на обе партии США.

По мере продвижения к цели между КАП и Польшей обострялся «тлеющий» политический конфликт. Деятельность КАП в лоббистской кампании была столь активной, что зачастую отодвигала роль Польши на второй план [65; 67]. В ответ на это польские власти обесценивали работу КАП. Они расценивали ее как моральное обязательство американской Полонии перед страной происхождения и сводили к должному. Более того, в польской среде появилась точка зрения, что в период лоббирования вопроса о расширении НАТО Польша заставила поверить американскую Полонию в исключительную роль КАП в этом вопросе, но в действительности это было уловкой, чтобы убедить ее в поддержке польского правительства без чинения препятствий [66]. После 1996 года в польской прессе негативная риторика в отношении КАП усилилась. Если крупнейшая консервативная ежедневная газета «Речь Посполита» (Rzeczpospolita) продолжала писать об эффективности польского лобби в США и деятельности КАП на пользу политических интересов Польши, то другая крупнейшая газета, уже либерального толка, «Газета Выборча» (Gazeta Wyborcza) обвиняла президента КАП Э. Москаля в деполитизации организации и сосредоточении на финансовых вопросах [66].

В преддверии «перезагрузки» отношений: появление новых спорных вопросов

Конкуренция за успех в деле расширения НАТО привела, с одной стороны, к снижению внимания друг к другу, а с другой — к противостоянию взглядов по более широкому спектру вопросов. КАП нуждался в выработке новой миссии и механизме решения накопленных проблем [24]. Отсутствие внимания Польши к этим вопросам в 1999—2005 годах было вызвано ее сосредоточением на вступлении в ЕС, что не требовало того же масштаба поддержки со стороны американской Полонии, как в случае с НАТО [44].

Со стороны КАП сложности во взаимодействии с Польшей в переходный период были вызваны президентством Э. Москаля, занимавшего пост до 2005 года. Он открыто поддерживал польскую политическую оппозицию. Недовольство польских властей вылилось в критику Москаля и КАП. Польша обвиняла Москаля

в подрыве авторитета Польши, снижении влияния КАП и создании сложностей для лоббирования интересов страны в США [67].

Противостояние Москаля и польских властей привело к новому витку обострения дискуссий о том, кто внес больший вклад в расширение НАТО. Критики Москаля принижали его роль в лоббистской кампании [67]. Сторонники Москаля объясняли это попыткой оппонентов в США при поддержке Польши получить власть в КАП, а также стремлением польских властей ослабить влияние Москаля и минимизировать роль КАП путем ставки на другие полонийные организации [66].

Плодотворную почву для укрепления оппозиции давало и ослабление КАП изнутри. В нем нарастало недовольство автократическим стилем управления Москаля: некоторые разочаровавшиеся уходили из КАП и формировали оппозиционные организации, другие формировали оппозицию изнутри [56]. Президентство неконфликтного в отличие от своего предшественника Ф. Спулы омрачила борьба польских партий за голоса американской Полонии и влияние на КАП. В организации активизировалась группа участников, разделяющих взгляды ПиС и стремящихся к искоренению наследия коммунизма в соответствии с польским Законом о люстрации 2005 года [52].

С 2005 по 2011 год Польша и КАП в большей мере были погружены в политическое противостояние, а не в определение нового вектора взаимодействия. Мнение о необходимости определить новые задачи было впервые высказано в 2008 году, а реализовано оно было только в 2011 году. То, что ключевые для КАП переходного периода годы совпали с концентрацией власти в Польше у ГП, дает основания ПиС считать организацию подверженной влиянию своего политического конкурента.

Вследствие взглядов и приоритетов ГП определенные КАП задачи не касались вопросов военной политики [45]. Активное в этот период взаимодействие Польши и США по вопросам военно-технического сотрудничества было доверено профессиональным лоббистским компаниям [4]. Вопросы военной безопасности вернулись в поле зрения КАП только в 2014 году. Получившая в Польше в 2015 году абсолютную власть ПиС сделала ставку на приоритетное укрепление военного сотрудничества с США, что обозначило для КАП новые перспективы.

Продвижение ИТМ: стратегические преимущества и потенциальные претензии

Запуск ИТМ привел к пересмотру Польшей политики в отношении Полонии и принятию «Государственной программы сотрудничества с польской диаспорой и поляками за рубежом на 2015—2020 годы» [53]. Этот документ открыл новую веху в отношениях Польши и американской Полонии. Его главной особенностью стала переориентация на совмещение моральных обязательств и экономического партнерства.

Новый подход имеет несколько приложений в отношении американской Полонии. Во-первых, экономическое сотрудничество будет способствовать повышению ее внимания к Польше, интенсификации польско-американских отношений, большей взаимосвязанности интересов стран, в том числе в оборонной сфере, усилению чувствительности американской Полонии к общим интересам США и Польши и, как следствие, их поддержке.

Во-вторых, новый подход является инструментом политической мобилизации американской Полонии. Как правило, большей политической активностью в США отличаются поляки, имеющие меньшие финансовые доходы. В то же время поляки, имеющие большие финансовые доходы, проявляют наименьшую активность в делах американской Полонии, особенно в вопросах политического характера. Самая низкая политическая активность приходится на мигрантов, покинувших Польшу с 1990 года. Конечно, можно выделить отдельную группу людей, которые готовы принимать участие в деятельности полонийных организаций в случае реальных угроз национальным интересам Польши [25]. Однако этой категории недостаточно для формирования сильного польского лобби.

В-третьих, новый подход направлен на усиление финансовой силы американской Полонии за счет привлечения ее неорганизованной части, то есть тех, кто не участвует в деятельности полонийных организаций, но обладает высокими финансовыми доходами [46]. Это важно, так как избирательная сила американской Полонии снижается. Помимо этого усиление финансовой силы перспективно в свете того, что этническое лобби не попадает под ограничения по финансированию избирательных кампаний.

Необходимо заметить, что новая политика направлена на формирование сильного польского лобби для продвижения ИТМ, но Польша не нацелена на экономическую поддержку КАП для решения ее проблем. В то же время изменение политики повлекло за собой включение в перечень задач КАП таких, как поддержка торговых отношений между США и Польшей и содействие развитию бизнеса, выгодного для обеих стран, в том числе путем поддержки контактов между лидерами и разными институтами США и Польши [36].

По словам Я. Дзедзичака, полномочного представителя правительства по вопросам польской диаспоры и поляков за рубежом, Полония является партнером, а не проблемой [27]. Однако это несправедливо в отношении политического соперничества: конфликт между КАП и Польшей продолжается. С одной стороны, КАП и ПиС единыдушны в критическом отношении к ЕС [40]. Это способствует объединению их усилий в развитии экономического партнерства. С другой стороны, ПиС не приемлет политической самостоятельности КАП и воспринимает его как организацию, подверженную политическому влиянию ГП. Парламентские выборы 2019 года показали, что поддержка американской Полонии ПиС снижается. Если в 2015 году за партию проголосовало 72,7%, то в 2019 году — 52,75%, при этом в 2019 году на выборы пришли 29,5 тыс. человек — на 5 тыс. больше, чем на предыдущие выборы. Сильную поддержку ПиС получили только в традиционно симпатизирующем ей Чикаго (69%) и Нью-Йорке (49,5%) [50]. По сравнению с 2015 годом сильно возросла поддержка ГП [18]. Во многом такая ситуация объясняется изменением ландшафта американской Полонии, а именно снижением количества польских мигрантов старой волны и потерей консервативными полонийскими организациями, СМИ, польскими священниками и телеканалом TVP Polonia информационной монополии [34].

По этой причине в Сейме звучат критические оценки в адрес КАП. По словам заместителя госсекретаря МИД Польши П. Вавжика, влияние КАП уменьшается, а наиболее активные организации американской Полонии остаются за его пределами. Вавжик отмечает непоследовательность политики КАП. Ее причину он видит в расхождении целей, сформулированных руководством КАП, его отделениями, а также советами членских организаций.

По его мнению, американская Полония отличается низкой политической активностью. Присутствие крайне малого количества американцев польского происхождения в органах власти США приводит к слабой эффективности лоббирования польских интересов. Кроме этого Вавжик отмечает снижение интереса американцев польского происхождения к делам Польши и участию в полонийных организациях в США. По его оценкам, только 5% американцев польского происхождения участвуют в их деятельности. Ситуация осложняется отсутствием активных действий по омоложению организаций. Причины всех этих проблем Вавжик видит в работе КАП [70].

В то же время депутат ГП Д. Фабисьяк считает, что виновником низкой заинтересованности американской Полонии в польских делах является не КАП, а сама Польша. Она дала полякам за рубежом право голосовать на парламентских и президентских выборах [30], однако в связи с изменениями Закона Польши о выборах поляки в США больше не могут голосовать по почте. Из-за невозможности электронного голосования они вынуждены преодолевать 500 км, чтобы принять участие в выборах. Это не способствует повышению политической активности американской Полонии [69].

Интересен взгляд на проблему и самой американской Полонии. Так, американец польского происхождения П. Ханьчик в своей публикации для польского «мозгового центра» Института Собеского выделяет в качестве причин политической пассивности неразработанность Польшей стратегии вовлечения польской диаспоры в дела Польши и недостаточную открытость Польши для американской Полонии [26].

Позицию МИДа Польши по поводу КАП разделяет депутат Пис А. Мелак. По его мнению, КАП оказал негативное влияние на развитие чувства патриотизма американцев польского происхождения. К политической фигуре Ф. Спулы он относится скептически и ставит его авторитет под сомнение. Его деятельность Мелак оценивает как антипольскую и заявляет, что среди руководства полонийных организаций в США должна быть проведена люстрация [70].

В ответ на критические оценки Пис Ф. Спулы и КАП Фабисьяк отмечает, что переизбрание Спулы на новый срок является луч-

шей рекомендацией его работы в КАП. Ее обесценивание она считает крайне вредным [70]. Однако для депутата ПиС М. Выпих работа Спулы на протяжении нескольких президентских сроков не является убедительным показателем его деятельности на благо Польши [70].

Политический конфликт КАП и Польши осложняется тем, что в США появляются новые полонийные организации, четко идентифицирующие себя с ПиС. По замечанию М. Выпих, происходящие в американской Полонии изменения являются результатом несогласия с политикой Спулы и недовольством деятельностью КАП. По ее мнению, «восходящая Полония» ориентирована на более тесное сотрудничество с Польшей [70]. На роль ее лидера претендует Коалиция польских американцев (КПА) [59], созданная в 2017 году группой членов КАП.

КПА позиционирует себя как беспартийную общественную организацию [42], однако ее тесное взаимодействие с ПиС не вызывает сомнений [70]. Так, КПА призывала к активному участию в парламентских выборах в Польше осенью 2019 года на стороне ПиС [14]. Помимо этого КПА четко выразила свою позицию по поддержке кандидатуры А. Дуды в президентских выборах летом 2020 года [15].

КПА занимается определением и продвижением интересов американской Полонии и решением широкого спектра политических вопросов. В своей миссии КПА претендует на создание сильного голоса американской Полонии [42]. Особый фокус КПА делает на формирование механизмов большего вовлечения американцев польского происхождения в дела Польши и эффективного представительства польских интересов в США, а также на работу с молодежью [60].

Несмотря на это, КАП уверен, что власти США будут продолжать относиться к нему как к главному представителю американской Полонии. По этой причине он рассматривает КПА как организацию, дополняющую его деятельность, а не как конкурента [70]. Однако, по мнению А. Мелака, оценка КАП ситуации абсолютно неверна: КПА выступает против деятельности КАП под руководством Ф. Спулы.

То, какое место в действительности КПА займет в американской Полонии и внешней политике Польши, зависит от ее вну-

тренного потенциала и от видения Польшей целесообразности поддержать ее в политической борьбе. С одной стороны, Пис рассматривает КПА как подлинное массовое движение, которое заслуживает поддержки. Так, А. Мелак считает ее представителем широко понимаемой польской диаспоры, которая была вытеснена влиятельными и богатыми организациями во главе с КАП. С другой стороны, на данный момент Польше нелегко оценить потенциал КПА: организация еще достаточно молодая, чтобы иметь реальные представления о ее финансовых и организационных возможностях [70].

В случае КАП организационные и финансовые возможности для Польши ясны. Финансовой базой КАП является ПНА, насчитывающий около 180 тыс. членов и состояние порядка 500 млн долл. ПНА является одной из крупнейших страховых организаций, что значительно усиливает позиции КАП. Усилению позиций способствует и то, что президентом КАП и ПНА является один человек [70]. Что касается организационных возможностей, то КАП является зонтичной организацией, включающей в свой состав 3 тыс. польско-американских организаций, клубов и комитетов [13].

Еще одной заметной организацией «восходящей Полонии» является Институт Полонии (ИП), созданный в 2016 году. Миссия ИП заключается в активном продвижении и защите интересов Польши и Полонии в США и мире [35]. Его работа направлена на повышение осведомленности американских органов власти и общества о том, что геополитические интересы США на Европейском континенте зависят от поддержки Польши как надежного союзника США. Кроме этого среди целей ИП обозначено стремление к укреплению сотрудничества между США и Польшей, главным образом в области безопасности. Он нацелен также на продвижение американцев польского происхождения в органы власти США. Важное место в его работе занимают сотрудничество с различными этническими группами стран ИТМ и поддержка полонийных организаций [37].

ИП разделяет взгляды КПА, что объясняется тем, что в их руководство входят одни и те же люди [13]. Однако при этом не наблюдается острого размежевания между ИП и КАП. Так, в качестве механизма укрепления отношений с Польшей ИП предложил

создать специальную контактную группу при канцелярии президента, премьер-министре или парламенте Польши, а ее руководство с американской стороны возложить на вице-президента по польским делам КАП [71].

Деятельность КПА и ИП отличается не только ярко выраженной политической ориентацией на Пис [61], но и направленностью на решение тех проблем, которые Польша видит в работе КАП. В перспективе это может усилить негативную риторику Пис в его отношении. Интересно, что, несмотря на критику КАП и положительные оценки правящей партией его конкурентов, в области продвижения военных интересов в США разногласий между КАП и Польшей и внутри американской Полонии не наблюдается. В то же время можно выделить некоторые особенности освещения военной проблематики полонийными организациями.

Например, внимание КПА к вопросам военной безопасности Польши и сотрудничества Польши и США в оборонной сфере просматривается только в контексте выборов и поддержки Пис. Так, в преддверии парламентских выборов 2019 года в Польше КПА среди успешных результатов правления Пис особо выделяла укрепление обороны Польши в рамках НАТО [14]. На президентских выборах в США КПА поддерживала Д. Трампа, обосновывая это его ролью в интенсификации сотрудничества Польши и США в оборонной сфере. По мнению КПА, «только сильная в экономическом и военном отношении Польша может быть лидером в обеспечении безопасности государств бывшего коммунистического блока» [23]. Необходимость усиления Польши КПА объясняет ее геополитическим положением и ощущением угрозы со стороны России. Практическим выражением усилий по достижению «сильной» Польши является ИТМ и укрепление военного сотрудничества с США. КПА отмечает, что США заинтересованы в сильной Польше для обеспечения безопасности и стабильности в регионе, поддержки присутствия и влияния США в Европе, а также для нейтрализации потенциальных военных угроз со стороны России [23].

Для ИП военная безопасность является центральной темой, так как он считает ее самой важной проблемой, стоящей перед Польшей [64]. Активность ИП по освещению военных аспектов примечательна на фоне источников финансирования, а именно пожертвований частных лиц, организаций и фондов. ИП считает,

что Польша находится под угрозой со стороны России. Отношение ИП к Российской Федерации красноречиво выражает следующая цитата: «... достаточно пройти через восточную границу Польши в Крулевец¹, чтобы увидеть многочисленные российские дивизии, готовящие нападение на нашу страну. Десятки секретных ракетных комплексов, оснащенных ядерными боеголовками, нацелены на различные точки в Польше. Полномасштабная атака России на Польшу может закончиться еще большим кровопролитием, чем Вторая мировая война» [64]. В связи с этим ИП рекомендует выстраивать грамотную систему военных блоков, чтобы не допустить «военного одиночества» Польши. ИП критически оценивает возможности польских Вооруженных сил: Польша способна проводить лишь ограниченные оборонительные действия, чтобы задержать наступление [54]. С его точки зрения членство Польши в НАТО и ЕС является значительным препятствием, предохраняющим агрессора от нападения, однако недостаточным в случае серьезного кризиса в работе организаций. По этой причине ИП рассматривает в качестве важнейшего элемента безопасности Польши присутствие значительной численности Вооруженных сил США на ее территории. Та цена, которую Польша платит за безопасность, а именно значительные денежные затраты и вынужденные уступки с польской стороны, по мнению ИП, стоят того и вскоре окупятся. Он уверен, что затраты Польши и запросы США со временем будут уменьшаться, а позиции польского государства укрепляться. Учитывая роль США в обеспечении безопасности Польши, ИП подчеркивает важность недопущения кризиса власти в США и противодействия попыткам его вызвать. В связи с возможными рисками смены курса США ИП активно поддерживал Д. Трампа на президентских выборах [64]. ИП ведет интенсивную работу с американской Полонией по ее мобилизации в поддержку сотрудничества Польши и США в оборонной сфере [11], но рассмотрение вопросов безопасности в контексте выборов и поддержки Пис не приоритетная задача.

В поле зрения ИП попадает большой спектр вопросов: саммиты НАТО, участие Польши в миссии НАТО по патрулированию воздушного пространства стран Балтии, укрепление Вооруженных сил Польши, оценка военной угрозы со стороны России, обо-

¹ Польское название г. Кёнингсберг. В 1946 году переименован в Калининград.

ронное сотрудничество Польши и США. Важное место занимает и ИТМ: ИП рассматривает достижение сильного военного потенциала посредством сильной экономики. Военное измерение ИТМ для Польши заключается в ее попытках получить ядерное оружие. ИП видит два пути для достижения этой цели: побудить США передать ядерное оружие Польше либо разработать свое собственное в результате развития ядерной энергетики на основе американских технологий [20].

Что касается КАП, то в настоящее время его внимание сфокусировано главным образом на ИТМ. Проект сильно зависит от финансирования европейскими структурными фондами и годовых бюджетов ЕС, которые требуют одобрения незаинтересованных в повышении влияния Польши стран [5]. По этой причине привлечь США к участию — главная задача КАП. По степени важности для Польши стремление к обеспечению заинтересованности США в ИТМ соразмерно с продвижением вопроса о расширении НАТО. Схожим является и подход к достижению цели. Так, Польша является не единственным заинтересованным государством: ИТМ объединяет 12 стран — членов ЕС. Учитывая значение ИТМ для Польши, готовность ПиС к взаимодействию с КАП говорит о косвенном признании партией большого влияния КАП, несмотря на неровности в их взаимоотношениях и негативную риторику в Сейме.

На первый взгляд КАП в большей мере сконцентрирован на экономических аспектах ИТМ. Повышенное внимание уделяется проблеме энергетической независимости Польши [16; 48]. Однако КАП учитывает и военные аспекты, более того, военная составляющая ИТМ может оказаться приоритетнее. Для КАП ИТМ является своего рода продолжением его усилий по лоббированию расширения НАТО. В то время как Восточный фланг для НАТО является самым протяженным и уязвимым и его члены обращают внимание на необходимость усиления военно-морского потенциала НАТО в Черном и Балтийском морях, участники ИТМ имеют выход к Адриатическому, Балтийскому и Черному морям [32].

Возврат КАП к продвижению интересов Польши в области военной безопасности можно проследить по отчетам лоббистских компаний. Так, в отчете компании «BGR Government Affairs Limited Liability Company» (BGR) 2019 года зафиксировано взаимодей-

ствии с руководством КАП [57]. В то же время с руководством КПА и ИП не были установлены контакты, что говорит о восприятии США КАП как главного представителя американской Полонии. Единственным исключением является Дж. Чоп, директор по политическому развитию КАП, который одновременно состоит в совете директоров КПА [39; 41].

Внимание BGR к КАП можно объяснить тем, что методы внутрипарламентского лоббизма не всегда достигают должного эффекта, и они вынуждены прибегать к общественной поддержке [2]. КАП является готовым механизмом для обеспечения общественной поддержки и может оказать существенную помощь путем давления на членов Конгресса, в особенности польского кокуса¹, а также представителей штатов, в которых проживает значительное количество американцев польского происхождения. На сегодняшний день американская Полония составляет существенную долю от числа жителей штатов Висконсин (9,65%), Мичиган (9,59%), Коннектикут (8,85%), Иллинойс (8,13%), Нью-Джерси (7,35%), Пенсильвания (7,28%). Кроме того, в штатах Массачусетс, Делавэр, Вермонт, Нью-Йорк и Миннесота проживают более 5% американцев польского происхождения от общего числа граждан США [46].

Одним из примеров деятельности КАП по лоббированию поддержки ИТМ является проведение в мае 2019 года брифинга «Болезненное прошлое и многообещающее будущее Польши». Обсуждение будущего Польши в рамках ИТМ провел Я. Бжезинский, старший научный сотрудник Атлантического совета. На брифинге присутствовали члены Палаты Представителей как от Республиканской, так и от Демократической партий. Приглашение на брифинг сторонников обеих партий было целенаправленным решением. КАП позиционирует ИТМ как проект, заслуживающий двухпартийной поддержки. Среди республиканцев были Э. Харрис (Мэриленд), К. Коллинз (Нью-Йорк), Т. Бальдерсон (Огайо), а среди демократов — Р. Кинд (Висконсин), К. Лэмб (Пенсильвания), А. Кустер (Нью-Гэмпшир) [47]. Интересно, что присутствующие демократы представляли «колеблющиеся» штаты». Работа КАП с обеими партиями была подстраховкой в преддверии аме-

¹ Группа сторонников польских интересов в Конгрессе США. В Палате представителей она образовалась в 2005 году, в Сенате — в 2013 году.

риканских президентских выборов 2020 года и попыткой получить больше уступок в поддержку ИТМ.

Масштаб усилий проводимой деятельности оценивать рано. ИТМ была запущена только в 2016 году, хотя планомерная работа с США уже дала некоторые результаты. Сложность оценки заключается также в том, что ИТМ включает в себя различные области взаимодействия. Кроме того, США выражают неопределенное отношение к региональным амбициям Польши и в целом не заинтересованы в расширении повестки дня по европейской проблематике [5]. В то же время экономическая основа ИТМ привлекает США: они готовы инвестировать некоторые проекты [33]. Дополнительно их заинтересованность повышает то, что многие участники находятся на Восточном флаге НАТО.

В этой связи не стало неожиданностью использование КАП темы сотрудничества Польши и США для поддержки Д. Трампа в предвыборной кампании [19]. Однако предсказуемое отсутствие поддержки ПиС на выборах в Польше показало, что в условиях сотрудничества КАП готов минимизировать разногласия, но остается независимой организацией.

Заключение

Несмотря на серьезные проблемы и критику со стороны Польши, КАП остается самой влиятельной полонийной организацией в США. Сотрудничество Польши и КАП по вопросу продвижения ИТМ в США является фактом признания столь оспариваемого ПиС влияния организации. Признанием влияния КАП со стороны США является взаимодействие с ним лоббистской компании BGR. Кроме того, оно говорит о необходимости широкой общественной поддержки для лоббирования ИТМ в США и значимости избирательной силы КАП. В связи с этим можно говорить о новом усилении роли КАП в продвижении военных интересов Польши.

КАП является независимой от Польши организацией и проводит самостоятельную политику. Несмотря на то что запуск ИТМ является заслугой Польши, участие КАП в продвижении ИТМ не является прямым следствием ее волеизъявления. Заинтересованность КАП в ИТМ имеет несколько объяснений.

Во-первых, ИТМ является для КАП инструментом увеличения финансовой силы за счет привлечения новых членов и повыше-

ния активности уже имеющихся. В свете планов по запуску ИТМ Польша была обеспокоена низкой политической активностью и снижением мобилизационных ресурсов американской Полонии. Для более эффективного продвижения проекта Польша пересмотрела политику в отношении польской диаспоры. Изменение подхода Польши на сопряжение моральных обязательств и экономического партнерства стало основой для продвижения ИТМ. Новая политика не подразумевает экономической поддержки американской Полонии, и во многом Польша остается отстраненной от проблем КАП. Однако она дает КАП возможность стимулировать интерес американской Полонии и привлечь ее неорганизованную часть к его деятельности.

Во-вторых, продвижение ИТМ отвечает интересам КАП. С экономической точки зрения проект в понимании КАП не вызывает конфликта интересов США и Польши и, более того, представляется выгодным. Экономическое измерение ИТМ позволяет рассматривать интересы Польши и США в этой сфере как общие.

В-третьих, продвижение ИТМ отвечает принципам КАП. С идейной точки зрения КАП расценивает ИТМ как усиление эффекта вступления Польши в НАТО для безопасности страны происхождения и евроатлантической безопасности в целом. Кроме того, военное измерение ИТМ рассматривается как возможность усиления позиций США и Польши в Европе.

Однако от продвижения ИТМ не стоит ожидать решения противоречий КАП и Польши. Относительная сдержанность сторон, вероятно, по аналогии с кампанией по расширению НАТО со временем сменится борьбой за лидерство в вопросе получения поддержки проекта со стороны США. Вместе с тем реализация ИТМ будет сопровождаться попытками Пис поколебать политическую самостоятельность и независимость КАП путем подчинения его деятельности своим интересам. Потенциальная постановка Польшей заслуг КАП в продвижении проекта будет подогревать существующий политический конфликт.

На напряженные отношения КАП и Польши оказывает влияние появление в США организаций «восходящей Полонии», выражающих четкую политическую ориентацию на Пис. Польша приветствует их деятельность для создания баланса между ней и КАП, рассматриваемым как инструмент влияния ГП. Новые по-

лонийные организации рассматриваются как способные решить те проблемы американской Полонии, с которыми не может справиться КАП. Однако они слишком слабы с финансовой и политической точки зрения, чтобы соперничать с КАП. Наиболее вероятно, что ПиС будет оказывать им содействие для обеспечения электоральной поддержки американской Полонии.

К финансированию КПА, наиболее вероятного лидера «восходящей Полонии», как и любой другой полонийной организации в США, в той мере, которая обеспечила бы ее значительное усиление, Польша не готова. ПиС рассчитывает на внутренний потенциал КПА и занимает выжидательную позицию. Критику Ф. Спулы и КАП ПиС считают достаточной мерой поддержки. Поддержит ПиС и смену Ф. Спулы на посту президента более лояльным человеком. В то же время Польша не заинтересована в распаде КАП. Несмотря на большое недовольство его деятельностью, в отсутствие сильного политического конкурента КАП Польша продолжает использовать имеющиеся ресурсы влияния.

КАП рассматривает новые полонийные организации, в том числе КПА, как дополнение к своей деятельности по продвижению ИТМ, а не как конкурентов. Действительно, разногласий между ними по вопросам продвижения военных интересов Польши в США не наблюдается. Они положительно оценивают сотрудничество Польши и США в оборонной сфере и нацелены на повышение заинтересованности США в ИТМ. В то время как деятельность КПА по освещению военного сотрудничества Польши и США направлена на обеспечение максимальной поддержки американской Полонии ПиС, а ИП делает вопросы военной безопасности своей «специализацией», реальные возможности по продвижению военных интересов Польши в органах власти США находятся у КАП.

Тема двустороннего сотрудничества в оборонной сфере активно используется правящими кругами Польши и США для усиления их предвыборных позиций за счет голосов американской Полонии. Для американской Полонии это является четким сигналом общности интересов двух стран. На президентских выборах США КАП и организации «восходящей Полонии» поддерживали Д. Трампа. Однако КАП взаимодействует как с Республиканской, так и с Демократической партиями. Это вызвано ее ставкой на по-

лучение максимальной поддержки ИТМ в обмен на направление избирательной силы американской Полонии в сторону той партии, которая пойдет на большее вовлечение в проект. В то время как КПА и ИП поддерживают в избирательной гонке в Польше ПиС, КАП проявляет сдержанность в выражении конкретной поддержки какой-либо из сторон. В этом проявляется деловой подход и независимость КАП: он не смешивает продвижение ИТМ с политической ориентацией.

Конечно, сотрудничество КАП и Польши по продвижению в США ИТМ будет осложняться политическим соперничеством внутри американской Полонии и конкуренцией ПиС и ГП за установление влияния на нее. Однако на продвижение КАП ИТМ данные конфликты окажут минимальное негативное влияние, так как он является заинтересованной стороной.

Литература

1. 14 «самых польских» городов за пределами Польши // Culture.pl. – URL: <https://culture.pl/ru/article/14-samykh-polskikh-gorodov-za-predelami-polshi> (дата обращения: 13.01.2021).
2. Белоусов А.Б. Современная практика лоббизма в США // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – Том. 13. – 2013. – Вып. 2. – С. 69–86.
3. Гулевич В. Новые цели польской диаспоры в США // Международная жизнь. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19935> (дата обращения: 13.01.2021).
4. Конышев В.Н., Скворцова Е.М. Иностраный лоббизм как инструмент сотрудничества Польши и США в оборонной сфере // Балтийский регион. – Т. 12. – 2020. – № 2. – С. 4–22.
5. Лошкарёв И.Д. Изменение политики США в Центральной и Восточной Европе // Актуальные проблемы Европы. – 2019. – № 1. – С. 169–183.
6. Лошкарев И.Д. Ресурсы влияния польской диаспоры в США на американскую внешнюю политику // Вестник МГИМО – Университета. – 2017. – № 3 (54). – С. 238–248.
7. Медведев Е.В. Военно-политические отношения Российской Федерации и Североатлантического Альянса (1991–1999 гг.) // Вестник Военного университета. – 2010. – № 2 (22). – С. 64–68.
8. Разные названия Польши // Culture.pl. – URL: <https://culture.pl/ru/article/raznye-nazvaniya-polshi> (дата обращения: 13.01.2021).
9. Скворцова Е.М. Оборонная политика современной Польши с точки зрения теории «баланса угроз» // Международные отношения. – 2019. – № 2. – С. 26–46.
10. Тарасова Ю.А., Лурда Р.В., Ясеницкий И.А., Войнаровская Ю.В. Вопрос о расширении НАТО на Восток в американско-российских отношениях в 90-е годы XX века // Вестник Брянского университета. – 2016. – № 1. – С. 119–122.
11. A Year After the President's Warsaw Speech: Poland, NATO & Polish Americans / Polonia Institute. – URL: <https://www.poloniainstitute.net/current-events/a-year-after-the-presidents-warsaw-speech-poland-nato-polish-americans/> (accessed: 06.07.2020).
12. About Us / Polish American Congress. – URL: <http://www.pac1944.org/about-us/> (accessed: 22.06.2020).
13. About us / Polonia Institute. – URL: <https://www.poloniainstitute.net/about-us/> (accessed: 05.07.2020).

14. Apel do Polonii Świata od Koalicji Polonii Amerykańskiej (CPA). Apel do Polonii i Polaków za granicą w sprawie Wyborów Parlamentarnych w Polsce 13 października 2019 r. / Polonia Institute. – URL: <http://www.poloniainstitute.net/polish-diaspora/in-the-usa/apel-do-polonii-swiata-od-koalicji-polonii-amerykanskiej-cpa/> (accessed: 07.09.2019).
15. Apel Koalicji Polonii Amerykańskiej w sprawie wyborów prezydenckich w Polsce / Coalition of Polish Americans. – URL: <https://coalitionpa.org/2020/06/30/apel-koalicji-polonii-amerykanskiej-w-sprawie-wyborow-prezydenckich-w-polsce/> (accessed: 30.06.2020).
16. *Benbenek J.* U.S. Congress to Support Three Seas Initiative / Polish American Congress. – URL: <http://www.pac1944.org/featured-stories/u-s-congress-to-support-three-seas-initiative/> (accessed: 06.07.2020).
17. *Blejwas S.A.* The Republic of Poland and the Origins of Polish American Congress // Polish American Studies. – Vol. 55. – 1998. – No. 1. – P. 23–33.
18. *Bos-Karczewska M.* WYBORY 2019: Wśród Polaków za granicą wygrała KO. Analiza wyników wyborów ujawnia ciekawe fakty // polonia.nl. – URL: <https://polonia.nl/2019/10/17/wybory-2019-wsrod-polakow-za-zagranica-wygrala-ko-analiza-wyborow-ujawnia-ciekawe-fakty/> (accessed: 05.05.2020).
19. *Cannon L.* Troop Pullout from Germany is a Timely Readjustment. The U.S. withdrawal of 9500 troops from Germany is not a significant retreat or a setback for NATO. It is the opposite / Polish American Congress. – URL: <http://www.pac1944.org/latest-press/troop-pullout-from-germany-is-a-timely-readjustment/> (accessed: 06.07.2020).
20. *Chodakiewicz M.J.* The Economic Keys to the Intermarium: Energy & Military / Polonia Institute. – URL: <https://www.poloniainstitute.net/expert-analyses/the-economic-keys-to-the-intermarium-energy-military/> (accessed: 06.07.2020).
21. *Chodubski A.* Polacy w współczesnym życiu diasporalnym // Polityka i Społeczeństwo. – 2014. – No. 1 (12). – S. 7–16.
22. Congressional Resolution Supporting Three Seas Initiative / Polish American Congress. – URL: <http://www.pac1944.org/news/congressional-resolution-supporting-three-seas-initiative/> (accessed: 08.07.2020).
23. CPA Statement on the visit of President Andrzej Duda in Washington / Coalition of Polish Americans. – URL: <https://coalitionpa.org/2020/06/24/cpa-statement-on-the-visit-of-president-andrzej-duda-in-washington/> (accessed: 03.07.2020).
24. *Erdmans M.P.* “So They Will Know Their Heritage”: A Review of Contemporary Research on Polish Americans, 1995–2015 // Polish American Studies. – Vol. 73. – 2016. – No. 1. – P. 31–46.
25. *Fiń A. Nowak W.* Między absencją a zaangażowaniem. Diaspora polska wobec organizacji polonijnych (Komunikat z badań) // Studia Migracyjne – Przegląd Polonijny. – 2015. – Z. 2 (156). – S. 145–164.
26. *Hańczyc P.* Czy Polsce potrzebne są środowiska polonijne i Polacy mieszkający za granicą / Instytut Sobieskiego. – URL: <https://sobieski.org.pl/czy-polsce-potrzebna-polonia/> (accessed: 10.02.2020).
27. Jan Dziedziczak pełnomocnikiem rządu ds. Polonii i Polaków za granicą // Polska Agencja Prasowa. [– URL: <https://www.pap.pl/aktualnosci/news%2C560414%2Cjan-dziedziczak-pełnomocnikiem-rządu-ds-polonii-i-polakow-za-granica.html> (accessed: 03.05.2020).
28. *Kieniewicz J.* Polonia en la OTAN // Política Exterior. – Vol. 11. – 1997. –No. 59. – P. 55–64.
29. *Koźmiński J.* Introduction // Nowak-Jeziorański, J. Polska droga do NATO / Poland’s road to NATO. – Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Ossolineum, 2006. – 10 s.
30. *Lesińska M.* Upolitycznienie emigracji i diaspyry. Analiza dyskursu politycznego w Polsce w latach 1991–2015 // Studia Migracyjne-Przegląd Polonijny. – T. 42. – 2016. –№ 3 (161). – S. 11–30.
31. List Prezesa Edwarda Moskala do członków KPA z dnia 6 grudnia 1993 r. // Nowak-Jeziorański J. Polska droga do NATO / Poland’s road to NATO. – Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Ossolineum, 2006. – S. 60–61.
32. *Magiera K.* CEPA Highlight the Eastern Flank and the Challenges Posed by the Kremlin / Polish American Congress. – URL: <http://www.pac1944.org/featured->

- stories/cpa-highlight-the-eastern-flank-and-the-challenges-posed-by-the-kremlin/ (accessed: 08.07.2020).
33. *Markiewicz P.* Funding Pathway Identified for Three Seas Initiative / Polish American Congress. – URL: <http://www.pac1944.org/news/funding-pathway-identified-for-three-seas-initiative/> (accessed: 08.07.2020).
 34. *Mazzini M.* Polonia już tak mocno nie popiera PiS // POLITYKA. – URL: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/swiat/1928912,1,polonia-juz-tak-mocno-nie-popiera-pis.read> (accessed: 05.05.2020).
 35. Misja, Wartości, Cele Instytutu Polonia / Polonia Institute. – URL: <https://www.poloniainstitute.net/about-us/misja-i-wizja/> (accessed: 05.07.2020).
 36. Mission / Polish American Congress. – URL: <http://www.pac1944.org/mission/> (accessed: 27.06.2020).
 37. Mission, Values, Objective and Goals Statement / Polonia Institute. – URL: <http://www.poloniainstitute.net/about-us/mission-statement/> (accessed: 05.07.2020).
 38. *Nowosielski M.* Nowy „Rządowy program współpracy z Polonią i Polakami za granicą” // Biuletyn Instytutu Zachodniego. – 2015. – №. 202. – S. 8.
 39. Officers and Staff / Polish American Congress. – URL: <http://www.pac1944.org/officers/> (accessed: 05.07.2020).
 40. Oświadczenie Kongresu Polonii Amerykańskiej w sprawie przystąpienia Polski do Unii Europejskiej // niedziela.pl. – URL: <https://www.niedziela.pl/arttykul/70497/nd/0swiadczenie-Kongresu-Polonii> (accessed: 05.10.2020).
 41. Our Leaders / Coalition of Polish Americans. – URL: <http://www.coalitionofpolishamericans.org/about/our-leaders/> (accessed: 05.07.2020).
 42. Our Mission / Coalition of Polish Americans. – URL: <http://www.coalitionofpolishamericans.org/about/> (accessed: 05.07.2020).
 43. *Pienkos D.E.* Brother Against Brother: Conflict in the Polish National Alliance, 1900–1940 // The Polish Review. – Vol. 57. – 2012. – No. 3. – P. 49–66.
 44. *Pienkos D.* Origins of the Polish American Congress / Polish American Congress. – URL: <http://www.pac1944.org/pac-history/origins-of-the-polish-american-congress/> (accessed: 05.07.2020).
 45. *Pienkos D.E.* The Polish American Congress and the Organized Polish American Community Since 1999 Defining a New Mission After Poland’s Entry to NATO // The Polish Review. – Vol. 60. – 2015. – No. 1. – P. 73–84.
 46. *Piotrowski M.* Bez Polonii nie będzie skutecznego lobbingu Polski w USA / Instytut Sobieskiego. – URL: <https://sobieski.org.pl/komentarz-is-189/> (accessed: 14.02.2020).
 47. Polish American Congress Congressional Briefing: Poland’s Painful Past and Promising Future / Polish American Congress. – URL: <http://www.pac1944.org/latest-press/polish-american-congress-congressional-briefing-polands-painful-past-and-promising-future/> (accessed: 08.07.2020).
 48. Polish American Congress Supports Energy Independence for Poland / Polish American Congress. – URL: <http://www.pac1944.org/news/polish-american-congress-supports-energy-independence-for-poland/> (accessed: 08.07.2020).
 49. Polish Foreign Policy Strategy 2017–2021 / Ministry of Foreign Affairs Republic of Poland. – URL: <https://www.gov.pl/web/diplomacy/what-we-do> (accessed: 13.05.2020).
 50. Polonia w USA zdecydowanie za PiS, fatalny wynik PSL // PolskieRadio24.pl. – URL: <https://polskieradio24.pl/5/1222/Artykul/2383325,Polonia-w-USA-zdecydowanie-za-PiS-fatalny-wynik-PSL> (accessed: 05.05.2020).
 51. President Spula’s Remarks at Polish American Rally in Front of the White House on June 12, 2019 / Polish American Congress. – URL: <http://www.pac1944.org/latest-press/president-spulas-remarks-at-all-american-rally-in-front-of-the-white-house-on-june-12-2019/> (accessed: 08.07.2020).
 52. *Raczyński R.* Polish Diaspora in the US in the Process of Poland’s Accession to NATO // Politické vedy. – Vol. 21. – 2018. – No. 4. – P. 178–207.
 53. Rządowy program współpracy z Polonią i Polakami za granicą 2015–2020 / Ministerstwo Spraw Zagranicznych. – URL: <https://www.gov.pl/web/dyplomacja/rzadowy-program>

- wspolprac-z-polonia-i-polakami-za-granica-w-latach-2015-2020 (accessed: 08.07.2020).
54. Speech of Antoni Macierewicz, Minister of National Defense of the Republic of Poland. Report on the state of public affairs and state institutions as of the end of PO-PSL coalition rule (2007–2015), delivered on May 11, 2016 in Parliament (Sejm) / Polonia Institute. – URL: <https://www.poloniainstitute.net/expert-analyses/the-speech-of-antoni-macierewicz-the-minister-of-national-defense-of-the-republic-of-poland/> (accessed: 05.07.2020).
 55. Strategia Bezpieczeństwa Narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2020, Warszawa / Biuro Bezpieczeństwa Narodowego. – URL: https://www.bbn.gov.pl/ftp/dokumenty/Strategia_Bezpieczenstwa_Narodowego_RP_2020.pdf (accessed: 22.12.2020).
 56. *Strybel R.* Poland and Polonia – Still Poles Apart? // The Summit Times. – Vol. 9. – 2002. – Nr. 27. – URL: http://users.rcn.com/salski/No27Folder/Poland_Polonia.htm (accessed: 13.11.2020).
 57. Supplemental Statement Pursuant to the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended For Six Month Period Ending / United States Department of Justice. – URL: <https://efile.fara.gov/docs/5430-Supplemental-Statement-20190630-39.pdf> (accessed: 03.07.2020).
 58. *Szklarski B., Ilowski P.* Searching for Solid Ground in Polish- American Relations in the Second Year of the Trump Administration // International Studies. Interdisciplinary Political and Cultural Journal. – Vol. 23. – 2019. – No. 1. – P. 65–82.
 59. The Coalition of Polish Americans / Coalition of Polish Americans. – URL: <https://coalitionpa.org/> (accessed: 22.06.2020).
 60. The Coalition of Polish Americans 1st Annual Convention in Chicago / Coalition of Polish Americans. – URL: <https://coalitionpa.org/2018/10/23/press-release-the-coalition-of-polish-americans-first-annual-convention-in-chicago/> (accessed: 30.06.2020).
 61. This Party Wants to Make Poland Great Again // Polonia Institute. – URL: <https://www.poloniainstitute.net/expert-analyses/this-party-wants-to-make-poland-great-again/> (accessed: 05.07.2020).
 62. *Wasilewski K.* Opieka nad Polonią i emigracją po 1989 roku // Przegląd Polsko-Polonijny. – T. 3. – 2011. – № 1. – S. 59–70.
 63. Where is Poland?: мультимедийный путеводитель Culture.pl // Culture.pl – URL: <https://culture.pl/ru/article/where-is-poland-multimediynny-putevoditel-culturepl> (accessed: 13.01.2021).
 64. Why USA, why Trump? / Polonia Institute. – URL: <https://www.poloniainstitute.net/poland-current-issues/why-usa-why-trump/> (accessed: 05.07.2020).
 65. *Winid B.W.* Rozszerzenie NATO w Kongresie Stanów Zjednoczonych, 1993-1998. – Ośrodek Studiów Amerykańskich Uniwersytet Warszawski, 1999. – 121 s.
 66. *Wojdon J.* Edward Moskal in the Polish press // Polish American Studies. – T. 71. – 2014. – № 2. – S. 5–18.
 67. *Wojdon J.* Obraz Polonii Amerykańskiej w polskiej prasie po roku 1989 // Studia Migracyjne-Przegląd Polonijny. – T. 39. – 2013. – № 3 (149). – S. 189–212.
 68. *Wróbel J.* Polonia chicagowska w dobie “Solidarności” 1980–1989. – Instytut Pamięci Narodowej-Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu Oddział w Łodzi, 2012. – 495 s.
 69. Zapis przebiegu posiedzenia 19-12-2019, Komisja Łączności z Polakami za Granicą, nr. 3 / Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. – URL: <http://www.sejm.gov.pl/Sejm9.nsf/biuletyn.xsp?sknr=LPG-3> (accessed: 01.03.2020).
 70. Zapis przebiegu posiedzenia komisji 07-11-2018, Komisja Łączności z Polakami za Granicą, nr. 96 / Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. – URL: <http://www.sejm.gov.pl/Sejm8.nsf/biuletyn.xsp?sknr=LPG-96> (accessed: 04.03.2020).
 71. *Zawitkowski C.* Stała łączność między Polonią a Polską / Polonia Institute. – URL: <https://www.poloniainstitute.net/poland-current-issues/stala-lacznosc-miedzy-polonia-a-polska/> (accessed: 05.07.2020).

Жильцов Сергей Сергеевич,

доктор политических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Sergey S. Zhiltsov,

Doctor of Political Sciences, Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: serg.serg56@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ УКРАИНЫ

CHINA'S ECONOMIC POLICY TOWARDS UKRAINE

Аннотация: в последнее десятилетие Китай последовательно проводил политику на расширение торгово-экономического сотрудничества с Украиной. Украина рассматривалась Китаем в качестве ключевого государства в решении долгосрочных задач. Среди них: формирование транспортного коридора в европейские страны, продвижение инициативы «Один пояс — Один путь», направленной на укрепление позиций на Украине. Кроме того, китайскую сторону привлекали украинские высокотехнологичные предприятия. Несмотря на рост товарооборота между Украиной и Китаем, в последние годы двусторонние отношения развивались сложно. Сказалось влияние внешнего фактора. США не поддерживали расширение сотрудничества Украины и Китая, опасаясь, что Пекин получит доступ к современным технологиям. Исходя из этого, американская сторона оказывала политическое давление на Украину, добиваясь снижения уровня сотрудничества с Китаем и изменения позиции официального Киева в отношении Пекина. В 2021 году украинская сторона под давлением США, изменила подходы к сотрудничеству с Китаем, что привело к обострению двусторонних украинско-китайских отношений.

Ключевые слова: Китай, Украина, экономика, сотрудничество, политика, Россия, США.

Abstract: over the past decade, China has consistently pursued a policy of expanding trade and economic cooperation with Ukraine. Ukraine was considered by China as a key country in solving long-term problems. Among them: the creation of a transport corridor from Asia to Europe, the promotion of the “One Belt — One Road” initiative aimed at strengthening positions in Ukraine. In addition, China was interested in high-tech enterprises of Ukraine. Despite the growth of trade turnover between Ukraine and China, bilateral relations have experienced some difficulties in recent years. External factor impact that relations. The United States did not support the expansion of cooperation between Ukraine and China, fearing that Beijing would gain access to modern technologies. Based on this, The United States exerted political pressure on Ukraine, seeking to reduce the level of cooperation with China and change official Kiev’s approach to Beijing. In 2021, Ukraine, under pressure from the United States, changed its approaches to cooperation with China, which led to an aggravation of bilateral Ukrainian-Chinese relations.

Key words: China, Ukraine, economy, cooperation, politics.

Введение

Сотрудничество Китая с Украиной началось в 90-х годах прошлого века, после распада СССР. Китай признал Украину в качестве независимого государства в декабре 1991 года, установив с ней дипломатические отношения в январе 1992 года. В 1990-х годах украинские президенты — Л. Кравчук и Л. Кучма — совершили визиты в Китай (1995, 2002 и 2003 гг.), а председатель КНР Цзян Цзэминь посетил Украину в 1994 и 2001 годах.

Расширяя присутствие в Центральной Азии, Китай проявлял интерес к другим странам постсоветского пространства. Китайская сторона уделяла Украине большое внимание, рассматривая ее в качестве важного государства постсоветского пространства. Однако, несмотря на интерес к Украине, прорывов в двусторонних украинско-китайских отношениях не наблюдалось. Сказывались исторические отношения России и Украины, их тесная промышленная зависимость. Свое присутствие на Украине расширяли западные страны, которые активно устанавливали политические и экономические отношения. Этому способствовала позиция официального Киева, который рассматривал ЕС и США в качестве ключевых партнеров.

Несмотря на сложности, Китай предпринимал усилия по развитию двусторонних экономических отношений с Украиной. В 2007 году Президент Украины В. Ющенко провел встречу с вице-премьер-министром Государственного Совета КНР Хуэем Ляньюем. В ходе встречи стороны высказали «заинтересованность расширять сотрудничество в торгово-экономической, научно-технической сферах, в авиастроении и сельском хозяйстве» [13]. Однако в тот период китайско-украинское сотрудничество только формировалось.

Первые успехи китайской политики

Новый этап сотрудничества Украины с Китаем начался после 2010 года, когда к власти пришел В. Янукович. Новый украинский Президент стал проводить курс, направленный на расширение сотрудничества с Китаем. Уже в апреле 2010 года В. Янукович встретился с председателем КНР Ху Цзиньтао в Вашингтоне. В сентябре того же года украинский Президент совершил визит в Китай. В 2011 году, в ходе встречи с председателем КНР

Ху Цзиньтао, было объявлено об установлении и развитии китайско-украинских отношений стратегического партнерства и подписана Декларация [12]. Итогом активного переговорного процесса стало подписание документов, которые затрагивали различные сферы сотрудничества.

Китай проявил интерес к участию в реализации инфраструктурных проектов. Речь шла о строительстве железных дорог и аэропортов, реконструкции и строительстве предприятий. Например, китайская сторона была готова построить «газотурбинную гидроэлектростанцию в Крыму (700 млн долл.), переоснастить шахты в Луганской и Донецкой областях (1 млрд долл.), реконструировать завод калийных удобрений в Ивано-Франковской области, построить Международный инновационный комплекс «Донецк», завершить строительство контейнерного комплекса в порту Южный (недалеко от Одессы) [3, с. 32], прогнозировался и ряд других проектов в авиастроении и строительстве дорог.

В тот период Украина проводила политику диверсификации внешнеполитических контактов и внешнеторговых связей. Несмотря на готовность России развивать двусторонние отношения с Украиной, реализовывать совместные интеграционные проекты, Киев стремился дистанцироваться от сотрудничества с российской стороной. В это время украинская сторона проявляла интерес к расширению отношений с Китаем. Пекин рассматривался в качестве привлекательного, перспективного инвестора, готового вкладывать значительные средства в украинскую экономику. Китайская сторона выстраивала политику в отношении Украины, руководствуясь долгосрочными интересами. Украинская территория рассматривалась Пекином в качестве одного из удобных транспортных маршрутов, через который в перспективе Китай собирался увеличить поставки на европейский рынок. Помимо этого китайскую сторону привлекали возможности получения доступа к технологиям и закупке продовольствия.

Заинтересованность китайской стороны расширять свое присутствие на Украине встречала поддержку со стороны Киева. В то же время Украина поддерживала курс на подписание соглашения об ассоциативном членстве с ЕС. Эта политика была провозглашена в качестве одной из ключевых задач.

Несмотря на заинтересованность Китая расширить свое присутствие на Украине, успехи его в этом были достаточно скромными. Прежде всего, сказывалось сохранение тесных торгово-экономических связей с Россией. Свое влияние усиливали ЕС и США, которые стремились воздействовать на внутреннюю и внешнюю политику Украины. События на Украине 2004 года, когда оппозиция пыталась захватить власть, показали, что ЕС и США пытаются кардинально изменить внешнюю политику украинского государства, переориентировать Киев исключительно на свои интересы.

Несмотря на трудности, Китай не оставлял попыток получить доступ к украинским активам, прежде всего технологиям. Хотя до 2014 года, когда российско-украинское сотрудничество в авиационной сфере продолжалось, сделать это было достаточно сложно.

Шанс для Китая

Возможности выйти на новый уровень сотрудничества с Украиной появились у Китая после 2014 года, когда к власти в Киеве пришли националистические силы. Внутриполитические изменения на Украине привели к резкому снижению уровня торгово-экономического сотрудничества между Москвой и Киевом. Некоторые связи между предприятиями двух стран были разорваны. Украина стала предпринимать шаги для переориентации производственных связей на другие страны. Однако данные решения в большей степени были политически мотивированы. На практике продукция украинских предприятий сталкивалась с барьерами, которые не позволяли получить доступ к рынкам других государств. В результате многие украинские предприятия, продукция которых ранее поставлялась на российский рынок, столкнулись с серьезными проблемами. Выяснилось, что они практически никуда не могут поставлять свою продукцию, кроме как в Россию.

Данная ситуация открыла Китаю новые возможности для расширения сотрудничества с Украиной и приобретения привлекательных активов. В 2016 году Китай купил пакет акций компании «Мотор Сич», которая занималась разработкой, производством и обслуживанием авиационных газотурбинных двигателей и про-

мышленных газотурбинных установок. Для украинского предприятия появление китайского инвестора стало спасением. С 2014 года, после обострения российско-украинских отношений, сотрудничество между странами прекратилось. Киев отказался продавать продукцию основному заказчику — российским предприятиям. Соответственно, предприятие оказалось в кризисной ситуации.

Сложности у предприятия начались после 2014 года. После прихода к власти националистически настроенной элиты, украинская внешняя политика изменилась. Киев стал выступать за ослабление российско-украинских отношений, в том числе в экономической сфере. Итоги подобной политики стали видны через несколько лет. Украинское предприятие, продукция которого была ориентирована на российский рынок, оказалось в сложной ситуации.

В целом Китай успешно воспользовался обострением российско-украинских отношений. Так, товарооборот между Россией и Украиной стал снижаться после государственного переворота в 2014 году — к 2020 году он составлял лишь 27 % к уровню 2013 года [19]. В то же время расширение торгово-экономического взаимодействия с Киевом вывело Пекин в число основных партнеров Украины. В стране, которая сталкивалась с недостатком инвестиций, были заинтересованы в китайском присутствии. В 2015 году посол Китая на Украине Чжан Сиюнь заявил, что «китайские банки готовы вкладывать деньги в украинские объекты инфраструктуры, которые будут задействованы в организации “Шелкового пути”» [15].

Настойчивые попытки Китая получить доступ к украинским технологиям дали свой результат в 2016 году, когда китайские инвесторы приобрели 56 % акций предприятия [2]. Данная сделка вызвала критику со стороны США, которые стали оказывать давление на украинские власти. Уже в 2017 году Служба безопасности Украины наложила арест на акции предприятия, который впоследствии был снят.

В целом экономические отношения Китая и Украины развивались достаточно сложно. С одной стороны, Украина была заинтересована в китайских инвестициях и получении доступа на рынки этой страны. С другой стороны, сказывалось давление со сторо-

ны США, которые выступали против политики Китая в отношении Украины. К тому же Киев не выполнял обязательства перед китайской стороной. В 2017 году Китай предоставил Украине кредит на поставку зерна. Однако Киев не смог обеспечить поставки, и в результате китайские инвесторы понесли потери. В результате Китай стал судиться «с Украиной по сельскохозяйственным поставкам, где их обманули на 3 млрд долларов» [14].

Несмотря на сложные торгово-экономические отношения, Пекин не менял свои планы в отношении Украины, рассчитывая укрепить свои позиции. В итоге, начиная с 2019 года, Китай фактически стал одним из крупнейших торговых партнеров Украины. Товарооборот между Украиной и Китаем в 2019 году составил 12,79 млрд долл., а в 2020 году — 15,4 млрд долл. [16]. Китай поставил на Украину товаров на сумму 8,3 млрд долл., что сделало его основным торгово-экономическим партнером Киева [20].

Позиция США

Приобретение Китаем акций предприятия «Мотор Сич» вызвало недовольство в США, которые выступали против усиления позиций Пекина на Украине. Американскую сторону особенно беспокоила возможность приобретения Пекином контрольного пакета акций предприятия. Такая возможность обсуждалась Китаем и украинской стороной с 2017 года. В этом случае китайские инвесторы готовы были вложить 250 млн долл. [11].

Американская сторона считала, что сделка несет угрозу интересам США, которые выступали против расширения присутствия китайских компаний на Украине. В 2019 году бывший советник Президента США по национальной безопасности Джон Болтон в ходе визита на Украину предупредил Киев «об опасности китайских инвестиций» и «разъяснил, что военные и чувствительные технологии не должны попасть к противникам или потенциальным противникам» [10]. Позже бывший госсекретарь Майк Помпео подтвердил неизменность политики США по данному вопросу, отметив, что «наш американский бизнес хочет прийти сюда (на Украину. — С. Ж.) и инвестировать. Мы должны знать, что у него для этого есть возможности. По-прежнему сохраняется вызов в связи с приходом сюда Китая. Он делает вещи, которые не идут на пользу украинскому народу» [22].

В последние годы США проводили политику давления на Украину. От официального Киева добивались разрыва сделки и отказа от сотрудничества с Китаем. При этом США не были готовы компенсировать потери украинского предприятия, которые оно понесло бы от разрыва соглашения с Китаем.

В последние 20 лет США уже не раз вынуждали Киев отказываться от экономически выгодных сделок. При этом каждый раз обещали компенсировать потери, хотя впоследствии этого не делали. Во времена, когда президентом Украины был Л. Кучма, предприятие «Турбоатом» (Харьков) отказалось от изготовления и поставок турбин в Иран для Бушерской АЭС. При этом контракт составлял более 1 млрд долл. [17]. Под давлением США Украина отказалась от контракта.

Конфликт Китая и Украины вышел на новый уровень

Давление со стороны США и нарушение Киевом своих обязательств до последнего времени не меняли политики Китая в отношении Украины. Так, в 2020 году в борьбе за контроль над предприятием «Мотор Сич» вновь сталкивались интересы Китая и США. В августе того же года прокуратура Украины уже второй раз арестовывала акции предприятия. В свою очередь американские инвесторы готовы были помимо приобретения «Мотор Сич» вложить 150 млн долл. в Харьковский государственный авиационный завод [17]. Однако в конце 2020 — начале 2021 года украинские власти предприняли новые шаги, фактически отобрав компанию у Китая.

В декабре 2020 года китайские акционеры «Мотор Сич» инициировали рассмотрение вопроса в Арбитражном суде, подав иск против Украины. Они обвиняли украинское государство в нарушении их прав, а также межправительственного соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций. Однако вместо того, чтобы урегулировать усиливающийся конфликт, официальный Киев пошел на ужесточение своей позиции.

В 2021 году украинская сторона предприняла ряд шагов, направленных против китайских инвесторов, вложивших средства в «Мотор Сич». Так, 29 января 2021 года украинский Президент подписал Указ [18], согласно которому было введено в действие решение Совета национальной безопасности и обороны (СНБО)

Украины о введении санкций в отношении четырех китайских компаний сроком на три года. Затем 11 марта украинский Президент подписал новый Указ, который также ввел в действие решение СНБО от 11 марта «О неотложных мерах по защите национальных интересов государства в сфере авиационных двигателей».

Китайская сторона призывала украинские власти учитывать интересы инвесторов, которые приобрели пакет акций предприятия «Мотор Сич» [1]. Однако Киев проигнорировал призывы Пекина. 20 марта украинский суд принял решение наложить арест на 100% акций «Мотор Сич». Уже 24 марта Президент Украины своим Указом ввел в действие решение СНБО о национализации предприятия.

В действиях украинской стороны прослеживаются политические мотивы. Киев старается учитывать интересы ключевых геополитических партнеров, прежде всего США. Одновременно украинская сторона пыталась привлечь к предприятию «Мотор Сич» Турцию. Так, не успев подписать Указ в отношении китайских инвесторов, Президент Украины предложил передать предприятие Турции [6].

Последствия для Украины

Украина оказалась вовлечена в соперничество между США и Китаем. При этом Президент Украины Владимир Зеленский, который победил на выборах в 2019 году, фактически поддержал требования США, разорвав сделку по «Мотор Сич» с Китаем.

Решение Киева разорвать сделку с Китаем под давлением США уже привело к обострению политических украинско-китайских отношений. В случае применения Китаем мер, направленных на ограничение поставок украинской продукции, это нанесет сильный удар по экономике Украины. Украина практически не имеет альтернативы поставок продукции, которая производится на предприятии «Мотор Сич». В этом случае политика Киева может привести к закрытию крупнейшего украинского предприятия.

В ответ на санкции, введенные против китайских инвесторов, Пекин анонсировал ответные меры. Китай может прекратить закупки украинской продукции сельского хозяйства: кукурузы, сои, пшеницы, сахара, а также продукции металлургической промышленности [7]. Сокращение или полный запрет на поставки

металлопродукции нанесет сильный удар по экономике Украины. В целом экономические последствия для Украины от обострения отношений с китайскими инвесторами будут более тяжелыми, чем для Китая. Потеря Украиной китайского рынка окажет негативное влияние на экономику страны. Особенно в условиях снижения товарооборота с Россией, в отношении которой Киев проводит курс на сворачивание политических и экономических отношений. Киеву нечем заменить китайский рынок. По оценкам украинского эксперта Всеволода Степанюка, «национализация “Мотор Сич” приведет к катастрофе в экономике» [21].

Схожие оценки давал и член правления Украинско-китайского инвестиционного клуба А. Пилипенко. Он заявил, что «давление на китайских инвесторов “Мотор Сич” может стоить украинской экономике катастрофических потерь: утрата крупнейшего экспортного рынка и финансовые санкции в международном арбитраже превысят сумму 10 млрд долл. и могут подкосить украинскую экономику, которая балансирует на грани кризиса, и “сорвать” зыбкую стабильность курса гривны» [9, с. 54]. По крайней мере, китайские компании заявили о готовности предъявить Киеву иск в размере 3,5 млрд долл. за убытки, понесенные от потери «Мотор Сич» [8]. Об этом сообщили украинские партнеры китайских инвесторов [8]. Этот иск дополнит претензии Пекина, связанные с поставками зерна.

Заключение

На Украине стремятся расширить сотрудничество с США, считая, что это позволит, хотя бы частично, решить внутривнутриполитические проблемы и стабилизировать социально-экономическую ситуацию. Однако американская сторона не намерена оказывать экономическую поддержку Украине и, тем более, заниматься поддержкой ее промышленных предприятий. Добившись от Киева разрыва сделки с Китаем, США использовали Украину в борьбе против КНР.

США удалось потеснить Китай на Украине, фактически сорвав его планы получить доступ к передовым технологиям. Для Вашингтона было важно не допустить Китай к новым технологиям. В геополитическом и торговом противостоянии, которое происходит между двумя странами, Украина оказалась разменной мо-

нетой. В то же время ситуация с «Мотор Сич» показала, что Киев находится под жестким контролем американской стороны.

В последние годы Украина последовательно наносила удар за ударом по своей экономике. Снизив уровень торгово-экономического сотрудничества и промышленной кооперации с Россией, пойдя на обострение с Китаем, официальный Киев ослабил собственную экономику. В условиях возросшей в последнее десятилетие конкуренции на мировых рынках, ограниченных возможностях получить доступ к новым Украина рискует столкнуться с новыми проблемами в экономике. Тем более, что в последние годы Украина испытывала трудности с обслуживанием внешнего долга, выплаты по которому в 2021 году должны составить 15,6 млрд долл. [4].

Политика Киева, направленная на вытеснение Китая с Украины, привела к корректировке китайской внешней политики. В ответ на политику Украины Китай организовал визит делегации на территорию Крыма. Уже в марте 2021 года полуостров посетила делегация, куда вошли представители Пекинской экспортно-импортной комиссии [5]. В перспективе официальный Пекин может изменить свою позицию и признать итоги референдума, который прошел в Крыму в марте 2014 года. Подобный шаг может подтолкнуть другие страны последовать примеру Китая. Кроме того, китайский бизнес может получить преференции для деятельности в Крыму, что будет способствовать расширению российско-китайского сотрудничества.

Литература

1. В Пекине снова потребовали от Киева соблюдать интересы китайских инвесторов. – 2021. – 26 марта // EurAsia Daily. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/03/26/v-pekine-snova-potrebovali-ot-kieva-soblyudat-interesy-kitayskih-investorov> (дата обращения: 26.03.2021).
2. Две китайские компании купили более 50% акций «Мотор Сич». – 2019. – 25 авг. // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/6796658> (дата обращения: 12.02.2021).
3. *Гузенкова Т.С., Виноградов А.В.* и др. Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая / *Гузенкова Т.С., Виноградов А.В., Адександров Д.А., Амелина Я.А., Бахревский А.Е., Ипполитов И.В., Каширин В.Б., Кучеренков А.И., Попов Д.С., Сытин А.И., Тасиц К.И., Тихонова С.В.* // Проблемы национальной стратегии. – 2012. – № 1. – С. 7–56 (С. 32).
4. Долги Украины в 2021: сколько и кому придется отдавать. – 2020. – 11 нояб. // 24tv. – URL: https://economy.24tv.ua/ru/dolgi-ukrainy-2021-skolko-dolg-kak-budut-otdat_n1454502 (дата обращения: 18.01.2021).
5. За «Мотор Сич» ответишь: Китай рассматривает нейтралитет по вопросу Крыма. – 2021. – 14 марта // EurAsia Daily. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/03/14/za>

- motor-sich-otvetish-kitay-peresmatrivaet-neytralitet-po-voprosu-kryma (дата обращения: 15.03.2021).
6. Зеленский предложил Эрдогану половину акций «Мотор Сич» – СМИ. – 2021. – 13 апр. // EurAsia Daily. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/04/13/zelenskiy-predlozhiil-erdoganu-polovinu-akciy-motor-sich-smi> (дата обращения: 13.04.2021).
 7. Карамазов В. Китай вводит масштабные санкции против Украины. – 2021. – 5 февр. // New Day News. – URL: <https://newdaynews.ru/crimea/715630.html> (дата обращения: 07.02.2021).
 8. Китайцы планируют отсудить у Украины \$3,5 миллиарда за «Мотор Сич». – 2020. – 18 нояб. // Yandex. – URL: https://yandex.ru/turbo/strana.ua/s/news/315830-ukraina-dolzha-zakupat-amerikanskoe-jadernoe-toplivo-vmesto-rossijskoho-vitrenko.html?utm_source=turbo_turbo (дата обращения: 12.02.2021).
 9. Кулицкий С. Глобальная экспансия Китая и проблемы развития украинской экономики // Украина: события, факты, комментарии. – 2021. – № 3. – С. 42–57.
 10. Назаров Д. Украина в зеркале гибридного противостояния США и Китая. – 2019. – 5 сент. // EurAsia Daily. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/09/05/ukraina-v-zerkale-gibridnogo-protivostoyaniya-ssha-i-kitaya> (дата обращения: 17.03.2021).
 11. Помпео назвал «пагубными» инвестиции Китая в Украину. – 2020. – 30 авг. // EurAsia Daily. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/08/30/pompeo-nazval-pagubnymi-investicii-kitaya-v-ukrainu> (дата обращения: 23.02.2021).
 12. Председатель КНР Ху Цзиньтао провел переговоры с президентом Украины В. Януковичем. – 2011. – 20 июня / Посольство Китая на Украине. – URL: <http://ua.chinaembassy.org/rus/zwgx/t832506.htm> (дата обращения: 12.01.2021).
 13. Президент Украины провел встречу с вице-премьером Государственного Совета КНР. – 2007. – 19 апр. / Посольство Китая на Украине. – URL: <http://ua.chinaembassy.org/rus/zwgx/t312482.htm> (дата обращения: 14.02.2021).
 14. Сироткина А. Китай разорит Украину за дружбу с США. – 2021. – 2 февр. // Yandex. – URL: <https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/world/2021/2/2/1082991.html> (дата обращения: 04.02.2021).
 15. Суков А. Никогда. Не при мне. Как Китай накажет Украину и Зеленского за «Мотор Сич». – 2021. – 4 февр. // ИноСМИ. – URL: https://inosmi.ru/dsnews_ua/ (дата обращения: 13.02.2021).
 16. Тихий Ф. Тихое завоевание. Чего Китай хочет от Украины. – 2021. – 26 янв. // Украина.ру. – URL: <https://ukraina.ru/exclusive/20210126/1030349277.html> (дата обращения: 08.02.2021).
 17. «Турбоатом» подписал контракт на поставку турбин в Иран // Коммерсант. – 2009. – 15 мая. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1716791> (дата обращения: 22.02.2021).
 18. Указ Президента Украины «Про решение Совета национальной безопасности и обороны Украины от 28 января 2021 года» // Официальный сайт Президента Украины. – URL: <https://www.president.gov.ua/documents/292021-36389> (дата обращения: 16.02.2021).
 19. Украина потеряла 13 млрд долл. из-за прекращения экспорта товаров в Россию. – 2020. – 11 июня // EurAsia Daily. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/06/11/ukraina-poteryala-13-mlrd-iz-za-prekrashcheniya-eksporta-tovarov-v-rossiyu> (дата обращения: 19.02.2021).
 20. Украина в 2020 году удвоила экспорт в Китай и на треть сократила импорт из РФ. – 2021. – 19 февр. // Интерфакс. – URL: <https://www.interfax.ru/business/751816> (дата обращения: 21.02.2021).
 21. Украинский эксперт: национализация «Мотор Сич» приведет к катастрофе. – 2021. – 25 марта // EurAsia Daily. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/03/25/ukrainskiy-ekonomist-nacionalizaciya-motor-sich-privedet-k-katastrofe> (дата обращения: 28.03.2021).
 22. Bruggeman L. In Kyiv, Pompeo does not dispute allegations in Bolton's book. – 2020. – 31 January // Abs.news. – URL: <https://abcnews.go.com/Politics/kyiv-pompeo-dispute-allegations-boltons-book/story?id=68666108> (accessed: 09.02.2021).

Малышева Дина Борисовна,

доктор политических наук,
Национальный исследовательский
институт мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва.

Dina B. Malysheva,

Doctor of Political Science,
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations Russian Academy of Sciences, Moscow.
E-mail: dsheva@mail.ru

ПАРТНЕРСТВО РОССИИ И УЗБЕКИСТАНА**RUSSIA – UZBEKISTAN PARTNERSHIP**

Аннотация: в статье анализируются основные направления взаимодействия Российской Федерации и Республики Узбекистан в сферах экономики, внешней торговли, дипломатических отношений, политики и культуры. Определена солидная нормативно-правовая база двустороннего межгосударственного сотрудничества. Дана оценка проактивному и прагматичному внешнеполитическому курсу Узбекистана. Показана динамика российско-узбекистанского взаимодействия на современном этапе, как на высшем уровне, так и по линии внешнеполитических ведомств и межпарламентских связей двух государств. Их взаимодействие в культурно-гуманитарной области рассмотрено как одно из перспективных направлений партнерства. Особое внимание уделено разным аспектам торгово-экономического сотрудничества России и Узбекистана, выявлены их совместные усилия по противодействию коронавирусной инфекции. Сделан вывод о том, что многогранное и многоуровневое взаимодействие Узбекистана с Россией соответствует статусу всеобъемлющего стратегического партнерства.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Узбекистан, дипломатические отношения, внешняя политика, стратегическое партнерство, многоуровневое сотрудничество, безопасность.

Abstract: the article analyses main directions of interaction between the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan in the spheres of economy, foreign trade, diplomatic relations, politics and culture. A solid regulatory framework for bilateral interstate cooperation has been determined. An assessment of the proactive and pragmatic foreign policy course of Uzbekistan is given. The dynamics of Russian-Uzbek interaction at the present stage is shown both at the highest level and through the foreign ministries and inter-parliamentary ties of the two states. Their interaction in the cultural and humanitarian field is considered as one of the promising areas of partnership. Special attention is paid to various aspects of trade and economic cooperation between Russia and Uzbekistan; their joint efforts to counter coronavirus infection are revealed. It is concluded that the multifaceted and multi-level interaction of Uzbekistan with Russia corresponds to the status of a comprehensive strategic partnership.

Key words: Russian Federation, Republic of Uzbekistan, diplomatic relations, foreign policy, strategic partnership, multilevel cooperation, security.

20 марта 2021 года исполнилось 29 лет с того дня, как в 1992 году между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан были установлены дипломатические отношения. Это, несомненно, важный повод для подведения некоторых итогов российско-узбекистанского взаимодействия, определения их перспектив с учетом того, что Узбекистан, будучи геополитическим центром тяжести всей Центральной Азии и самым густонаселенным (34,5 млн человек) государством региона, обладает немалым потенциалом в плане экономического и политического развития.

Долгий путь, который прошли наши страны, наполнен огромной работой по укреплению дружбы и добрососедства, всестороннему развитию двустороннего сотрудничества. Его солидная нормативно-правовая база насчитывает ныне 316 межгосударственных, межправительственных и межведомственных документов. Среди них особую значимость имеют договоры, фиксирующие приоритетные направления двустороннего сотрудничества России и Узбекистана — «Об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве» (1992 г.), «О стратегическом партнерстве» (2004 г.), «О союзнических отношениях» (2005 г.). Важное место занимает и подписанная в 2012 году Декларация об углублении стратегического партнерства между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией. Эти документы, заложившие фундамент партнерских отношений между Россией и Узбекистаном, постоянно наполняются новым содержанием и реализуются на практике.

Регулярный характер приобрели встречи на высшем уровне руководителей двух стран. Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев посетил Москву с государственным визитом в апреле 2017 года, а в октябре 2018 года состоялся государственный визит Президента Российской Федерации Владимира Путина в Ташкент. В настоящее время ведется подготовка к государственному визиту в Россию Президента Ш. М. Мирзиёева и к предваряющему это событие — второму заседанию Совместной комиссии на уровне глав правительств двух государств. Планируется подписать несколько десятков межгосударственных, межправительственных и межведомственных документов [16].

Осуществляется взаимодействие и по линии внешнеполитических ведомств, которые предпринимают значительные усилия для поддержания поступательного движения в целях развития многоплановых отношений стратегического партнерства и союзничества России и Узбекистана. Во время визита министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова в Ташкент в январе 2020 года была подписана Программа сотрудничества между министерствами иностранных дел Узбекистана и России на 2020—2021 годы. В марте 2021 года посетивший с рабочим визитом Москву глава МИД Узбекистана Абдулазиз Камиллов обменялся со своим российским коллегой мнениями по региональной ситуации и обсудил возможность выработки скоординированных подходов по таким важным проблемам, как двустороннее экономическое и политическое сотрудничество, межафганское урегулирование, взаимная поддержка в борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции [3].

Новое качество партнерству России и Узбекистана придало межпарламентское взаимодействие: оно регулируется обновленным в 2018 году Соглашением о сотрудничестве между Сенатом Олий Мажлиса Республики Узбекистан и Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, а также подписанным 16 сентября 2019 года Соглашением о сотрудничестве между Законодательной палатой Олий Мажлиса Узбекистана и Государственной Думой России. В октябре 2019 года Узбекистан с официальным визитом посетила Председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко, встретившаяся с Президентом Шавкатом Мирзиёевым, коллегами из Сената и Законодательной палаты Олий Мажлиса. Месяцем ранее в Узбекистане с официальным визитом побывала делегация Государственной Думы (ГД) РФ во главе с ее Председателем Вячеславом Володиным. Примечательно, что посещение Узбекистана председателем ГД состоялось впервые с 2006 года. В связи с работой в период пандемии значительной части российских сенаторов и депутатов в удаленном режиме межпарламентское взаимодействие оказалось временно замороженным. Однако уже 18 февраля 2021 года в режиме видеоконференции состоялось пятое заседание Комиссии по сотрудничеству между Сенатом Республики Узбекистан и Советом Федерации РФ.

Россия остается одним из ключевых экономических партнеров Узбекистана. В его товарообороте доля России составила 16,9%. Общий объем российских инвестиций в экономику Узбекистана превысил в конце 2020 года 9 млрд долл. США. В Республике действуют более 2 тыс. предприятий с участием российского капитала, и в одном только 2020 году, по информации Министерства инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан, было создано 209 совместных российско-узбекских компаний. На территории России зарегистрированы более 600 предприятий с участием резидентов Узбекистана [6].

Как отметил в своем интервью российскому журналу «Бюджет» Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Узбекистан в Российской Федерации Ботиржон Закирович Асадов, «за последние три года темпы роста товарооборота с Россией составили 60% процентов», что дает надежду «в короткие сроки довести объем двустороннего товарооборота до 10 миллиардов долларов». На сегодняшний день в Узбекистане только с участием российского капитала функционируют более 2 тыс. хозяйствующих субъектов. Из них порядка 1200 совместных предприятий и 820 предприятий — со стопроцентно российским капиталом. Причем создавались они даже в период пандемии: в 2020 году в Узбекистане появились 240 таких новых предприятий [12].

Подписанная в рамках первого межрегионального форума России и Узбекистана в октябре 2018 года при участии президентов двух стран программа экономического сотрудничества на 2019—2024 годы предусматривает заключение солидных инвестиционных соглашений (на сумму в 20,8 млрд долл. США) и торговых контрактов (6,2 млрд долл.). В рамках программы в Узбекистане планируется создать 79 новых совместных предприятий, 23 торговых дома и 20 логистических центров [2; 8].

Межгосударственное сотрудничество развивается в разных областях — металлургии, горнодобывающем секторе, сельскохозяйственном производстве, энергетике. Масштабные инвестиции Российской Федерации пришлись на нефтегазовую отрасль Узбекистана, который стал для российской компании «ЛУКОЙЛ» одним из ключевых регионов деятельности: компания уже вложила в местные проекты около 10 млрд долл. [1]. Контролируемая группой «Газпромбанка» компания «Enter Engineering

Pte. Ltd.» финансирует проекты по расширению действующих мощностей Шуртанского газохимического комплекса. В международном аэропорту Ташкента строится современный топливозаправочный комплекс, заказчиком строительства и дальнейшей эксплуатации которого выступает российско-узбекское СП ООО «Jizzakh Petroleum».

Координируют двусторонние усилия по наращиванию торгово-экономического, инвестиционного и технологического сотрудничества несколько механизмов: Совместная комиссия на уровне глав правительств, Межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству и подкомиссии по девяти направлениям социально-экономического взаимодействия (здравоохранение, энергетика, сельское хозяйство и др.). Следует заметить, что подобные механизмы у России существуют лишь с небольшим числом государств.

Россия остается крупнейшим поставщиком оружия и военной техники в Узбекистан, и он — единственное в СНГ государство, не участвующее в Организации Договора о коллективной безопасности, получает оборонную продукцию по внутрироссийским ценам. В мае 2017 года вступил в силу «Договор между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан о развитии военно-технического сотрудничества», который предусматривает осуществление взаимных поставок продукции военного назначения, выполнение работ по обслуживанию и ремонту вооружения и военной техники, оказание военно-технической помощи, проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Узбекистаном и Россией накоплен достаточный опыт взаимодействия в сфере трудовой миграции. В ходе состоявшегося 4—5 апреля 2017 года государственного визита Президента Ш. М. Мирзиёева в Москву были подписаны 5 апреля следующие межправительственные документы: «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации» и «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о вза-

имном учреждении представительств компетентных органов в сфере миграции» (вступило в силу 23 июня 2017 г.). В марте 2021 года в Ташкенте открылось представительство Многофункционального миграционного центра Москвы. По официальным данным узбекской стороны, на заработках за пределами Республики находятся около 1,6 млн человек, в том числе свыше 1 млн — в России [5]. Всего с начала 2021 года в рамках организованного набора на работу в Россию отправились более 3 тыс. граждан Узбекистана [13].

Важное значение в плане упорядочивания миграционных обменов Узбекистана с Российской Федерацией имела состоявшаяся в марте 2021 года в Ташкенте встреча министра занятости и трудовых отношений Узбекистана Нозима Хусанова с заместителем начальника Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами Антоном Рыбаковым. При обсуждении вопросов дальнейшего развития механизма организационного отбора граждан Узбекистана на работу в Российскую Федерацию министр Хусанов предложил организовать приезд в Республику Узбекистан делегации Федеральной службы по труду и занятости, Минстроя и крупных работодателей Российской Федерации для изучения перспектив «Алгоритма действий по привлечению в экономику Российской Федерации иностранных граждан» 1 [15]. На встрече в Ташкенте было также обращено внимание на необходимость расширения двустороннего сотрудничества «в области обучения русскому языку и профессиональной подготовки в соответствии с российскими стандартами» в целях «повышения эффективности работы между двумя странами в сфере миграции» [10].

Но, разумеется, проблемами трудовой миграции партнерство России и Узбекистана не ограничивается. В частности, важное место в повестке дня двусторонних отношений заняли вопросы евразийской интеграции. Российская сторона проявила большую заинтересованность в содействии Узбекистану при проведении комплексной оценки возможных последствий его присоединения к евразийским интеграционным процессам, тем более что Узбекистан в последние годы расширил двустороннее сотрудничество со странами Евразийского экономиче-

¹ Этот документ был введен в действие Правительством РФ 14 января 2021 года [4].

ского союза (ЕАЭС). По некоторым данным, почти 1/3 внешне-торгового оборота Узбекистана приходится на страны ЕАЭС, и их доля в экспорте узбекской сельскохозяйственной продукции составляет почти 75 %; с 2016 по 2019 год взаимный товарооборот Узбекистана со странами ЕАЭС увеличился с 4,5 млрд долл. до 9,1 млрд долл. [1].

11 декабря 2020 года Высшим евразийским экономическим советом Узбекистану был предоставлен в ЕАЭС статус наблюдателя. А в марте 2021 года Сенат Олий Мажлиса Республики Узбекистан утвердил «дорожную карту» по развитию взаимодействия с ЕАЭС. В ней, по информации первого заместителя министра инвестиций и внешней торговли Узбекистана Лазиза Кудратова, поставлен «целый ряд вопросов с точки зрения гармонизации законодательства, включая таможенно-тарифное и нетарифное регулирование. Причем речь идет о промышленности, транспорте, вопросах стандартов и техрегулирования» [11]. В целом подключение Узбекистана к деятельности Союза обещает заметно повысить возможности взаимодействия в регионе Центральной Азии, открыть новые перспективы перед российско-узбекистанским торгово-экономическим сотрудничеством.

Проводимый в последние годы проактивный, открытый и прагматичный внешнеполитический курс Узбекистана, основанный на принципах взаимного уважения и учета интересов, способствовал значительному углублению и расширению партнерских связей Российской Федерации и Узбекистана, как на двустороннем уровне, так и на международных площадках (в ООН, СНГ, ШОС, ОБСЕ).

Согласно статье 17 Конституции Республики Узбекистан ее внешняя политика «исходит из принципов суверенного равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела других государств и иных общепризнанных принципов и норм международного права» [7]. В дополнение к этому можно назвать следующее важное положение, определяющее один из приоритетов внешней политики Республики и включенное (пункт 5.2) в разработанную по инициативе Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева Стратегию действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Уз-

бекистан в 2017—2021 годах: «Укрепление независимости и суверенитета государства, дальнейшее укрепление места и роли страны в качестве полноправного субъекта международных отношений, вхождение в число развитых демократических государств, создание вокруг Узбекистана пояса безопасности, стабильности и добрососедства» [14].

Таким образом, за основу своего внешнеполитического курса Узбекистаном взяты принципы взвешенности и конструктивности, что позволяет создавать в настоящее время вокруг Узбекистана пояс безопасности, стабильности и добрососедства. Базируясь на таких внешнеполитических основаниях, Узбекистан сумел в последние годы занять заметное место и в международных отношениях на постсоветском пространстве, и за его пределами — на мировой арене.

В 2020 году Узбекистан впервые председательствовал в Содружестве Независимых Государств, и в сложных для всех стран условиях пандемии коронавируса COVID-19 сумел успешно провести более 60 запланированных международных мероприятий, подготовить к подписанию около 70 важных документов. Среди них особую значимость имеет Стратегия экономического развития Содружества Независимых Государств до 2030 года. Ее предполагается осуществить в два этапа (2021—2025 и 2026—2030 гг.). К настоящему времени детально проработаны меры, касающиеся выполнения Стратегии только на ее первом этапе. Соответствующий документ под названием «План мероприятий по реализации первого этапа (2021—2025) Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2030 года» был утвержден 6 ноября 2020 года на встрече глав правительств стран СНГ, прошедшей под председательством Узбекистана в режиме видеоконференции. Наряду с усилиями, направленными на углубление торгово-экономического взаимодействия, развитие цифровых технологий, повышение сотрудничества в сфере образования и др., Планом предусматривается принятие мер по минимизации негативных последствий пандемии COVID-19 для экономики государств — участников Содружества Независимых Государств.

Узбекистан избран на трехлетний срок (2021—2023 гг.) в состав международного правозащитного органа — Совет ООН

по правам человека. Республика ведет активную работу по вступлению во Всемирную торговую организацию и готовится стать в 2021—2022 годах председателем Шанхайской организации сотрудничества.

Россию и Узбекистан объединяют общие задачи в плане укрепления стабильности и безопасности в Центральной Азии, и потому Москвой позитивно оценено активное участие Узбекистана в налаживании межгосударственного диалога в Центральной Азии. Во многом схожими являются подходы России и Узбекистана к решению проблемы Афганистана, конфликт в котором, как признают и в Москве, и в Ташкенте, можно урегулировать только политико-дипломатическими методами. Новая инициатива Узбекистана по проведению летом 2021 года международной конференции «Центральная Азия и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности» получила поддержку со стороны российского МИД, глава которого уже приглашен к участию в этом мероприятии министром иностранных дел Республики Узбекистан [3].

Важным направлением российско-узбекистанского партнерства стала гуманитарная сфера. В октябре 2018 года была подписана межправительственная программа сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере на 2019—2021 годы и утвержден План мероприятий по ее реализации.

Организуются научно-методические, культурно-просветительские и образовательные мероприятия по продвижению русского языка в Узбекистане. Свыше 30 тыс. студентов из Республики получают образование в России, из них более 6 тыс. — за счет средств федерального бюджета. В Узбекистане успешно функционируют филиалы ведущих российских вузов — МГИМО, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина, Московского инженерно-физического института, Московского энергетического института, Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена и др. Готовятся к открытию филиалы Российского национального исследовательского медицинско-

го университета им. Н. И. Пирогова и Петербургского горного университета.

Значительную помощь получил Узбекистан от России и по линии противодействия коронавирусной инфекции. 2 октября 2020 года завершилась двухнедельная миссия находившейся в Узбекистане второй группы российских медицинских работников для оказания помощи в борьбе с COVID-19 (первая группа работала в Республике с 16 августа по 16 сентября). В начале октября 2020 года в Узбекистан поступила также первая партия российской вакцины «Со-вигрипп», и в дальнейшем планируется увеличить ее поставки [9]. Правительство России и UNAIDS (Объединенная программа ООН по ВИЧ/СПИД) передали Узбекистану в 2021 году мобильный диагностический комплекс, предназначенный для проведения процедур, обследований, медицинских осмотров и оказания первичной медико-санитарной помощи населению, проживающему в труднодоступных и отдаленных районах Республики.

В свою очередь, Узбекистан передал России в качестве гуманитарной помощи 5 млн защитных масок и 5 млн погонных метров медицинской марли на общую сумму 1,8 млн долл. [17].

Таким образом, многогранное и многоуровневое взаимодействие Узбекистана с Россией не только соответствует статусу всеобъемлющего стратегического партнерства, но и служит прочной основой налаживания в перспективе взаимоотношений в политической, экономической, торговой, инвестиционной, научно-технической, культурно-гуманитарной и других сферах.

Литература

1. *Большот И.* На шаг ближе: Узбекистан принял дорожную карту по взаимодействию с ЕАЭС // Ритм Евразии. – 22.03.2021. – URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2021-03-22--na-shag-blizhe-uzbekistan-prinjal-dorozhnyu-kartu-po-vzaimodejstviyu-s-eaes-53816> (дата обращения: 23.03.2021).
2. *Большот И.* Стабильность узбекской экономики на фундаменте российского капитала // Ритм Евразии. – 23.09.2020. – URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2020-09-23--stabilnost-uzbekskoj-ekonomiki-na-fundamente-rossijskogo-kapitala-51021> (дата обращения: 09.10.2020).
3. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Республики Узбекистан А.Х. Камиловым, Москва, 2 марта 2021 года / МИД России // Официальный сайт. – URL: https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/4604921 (дата обращения: 03.03.2021).
4. Информация Правительства РФ от 14 января 2021 г. «Алгоритм действий по привлечению в экономику Российской Федерации иностранных граждан» (приложение № 3 к протоколу заседания Оперативного штаба по предупреждению завоза и рас-

- пространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации от 14 января 2021 г. № 1кв) // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.ру; официальный сайт. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400267019> (дата обращения: 10.03.2021).
5. Как РФ и Узбекистан будут восстанавливать объемы трудовой миграции // Sputnik Узбекистан. – 02.03.2021. – URL: <https://uz.sputniknews.ru/20210302/Как-RF-i-Uzbekistan-budut-vosstanavlivat-obemy-trudovoy-migratsii-16111676.html> (дата обращения: 13.03.2021).
 6. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с официальным визитом Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в Республику Узбекистан, 15.01.2020 / МИД России // Официальный сайт. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3994685 (дата обращения: 17.01.2020).
 7. Конституция Республики Узбекистан // Официальный сайт. – URL: <https://constitution.uz/ru/clause/index#section2> (дата обращения: 25.03.2021).
 8. Межгосударственные отношения России и Узбекистана // РИА Новости. – 23.06.2020. – URL: <https://ria.ru/20200623/1573372132.html> (дата обращения: 13.03.2021).
 9. О работе российских специалистов в Узбекистане по организации лечения пациентов с COVID-19. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 8 октября 2020 года / МИД России // Официальный сайт. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/-/asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/4373061 (дата обращения: 09.10.2020).
 10. Обсуждены вопросы трудовой миграции между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией, 12.03.2021 / Агентство по внешней трудовой миграции Узбекистана // Официальный сайт. – URL: <http://migration.uz/news/view/210> (дата обращения: 13.03.2021).
 11. Парламент Узбекистана утвердил «дорожную карту» по развитию взаимодействия с Евразийским экономическим союзом // Podrobno.uz. – 16.03.2021. – URL: <https://podrobno.uz/cat/politic/parlament-uzbekistana-utverdil-dorozhnyuyu-kartu-po-razvitiyu-vzaimodeystviya-s-evraziyskim-ekonomich> (дата обращения: 16.03.2021).
 12. Последовательное продолжение начатых в стране комплексных реформ – путь построения нового Узбекистана // Бюджет. – 2021. – № 2. – URL: <https://bujet.ru/article/418186.php> (дата обращения: 11.03.2021).
 13. Сколько узбекистанцев уехали работать в Россию с начала года // Sputnik Узбекистан, – 02.03.2021. – URL: <https://uz.sputniknews.ru/20210302/Skolko-uzbekistantsev-uekhali-rabotat-v-Rossiyu-s-nachala-goda-16113787.html> (дата обращения: 13.03.2021).
 14. Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах / Президент Республики Узбекистан // Официальный сайт. – URL: https://president.uz/ru/pages/view/strategy?menu_id=144 (дата обращения: 25.03.2021).
 15. Узбекистан готов запустить у себя алгоритм РФ по привлечению трудовых мигрантов // Sputnik Узбекистан. – 12.03.2021. – URL: <https://uz.sputniknews.ru/20210312/uzbekistan-gotov-zapustit-u-sebya-algoritm-rf-po-privlecheniyu-trudovykh-migrantov-17701692.html> (дата обращения: 13.03.2021).
 16. Узбекистан и Россия планируют подписать порядка 30 документов во время визита Мирзиёева в Москву // Podrobno.uz. – 02.03.2021. – URL: <https://podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-rossiya-dialog-partnerov-uzbekistan-i-rossiya-planiruyut-podpisat-poryadka-30-dokumentov-vo-vremya-vizita-mirziyeeva-v-moskvu> (дата обращения: 02.03.2021).
 17. Узбекистан передал России 5 млн медицинских масок // РБК. – 20.04.2020. – URL: <https://www.rbc.ru/society/25/03/2021/605bd0a79a7947027b28ca2c> (дата обращения: 11.03.2021).

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Садаков Денис Андреевич,

кандидат исторических наук,
научный сотрудник кафедры истории и политических наук
Вятского государственного университета, г. Киров.

Denis A. Sadakov,

Ph.D. (History),
Research Associate at the Department of History and Political Science,
Vyatka State University, Kirov.
E-mail: rstk2005@gmail.com

ДИАЛОГ США И КНДР В ПРОЦЕССЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЭКИПАЖА РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО КОРАБЛЯ «ПУЭБЛО», 1968 г.¹

DIALOGUE BETWEEN THE UNITED STATES AND THE DPRK DURING THE RELEASE OF THE CREW OF THE SCOUT SHIP “PUEBLO”, 1968

Аннотация: в начале 1968 года Северная Корея захватила принадлежащий США разведывательный корабль «Пуэбло» со всем экипажем, и Вашингтон оказался в ситуации асимметричного противостояния. Цель данной статьи — выявить специфику подходов руководства США к кризисным переговорам с внешнеполитическим оппонентом в условиях, когда прямое применение военной силы, санкционного давления и иных методов воздействия невозможно или неэффективно, однако сама лежащая в основе конфликта проблема требует незамедлительного решения. Источниковая база исследования — расклеточенные документы Госдепартамента, Центрального разведывательного управления и Совета национальной безопасности США, а также иные опубликованные и неопубликованные материалы из американских, советских, венгерских, румынских и других архивов. Эпопея по освобождению захваченных северокорейцами моряков продолжалась почти год, но продемонстрировала эффективность дипломатических методов решения конфликтов. Негласные советско-американские переговоры в итоге стали решающим фактором в процессе урегулирования. В то же время сам диалог США и КНДР далеко не всегда был конструктивным. Используя факт захвата американских моряков, северяне умело нагнетали напряжение международной обстановки. В конечном итоге американцы

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00501).

были вынуждены подписать предложенный КНДР документ, однако он был дезавуирован после окончания процесса передачи экипажа. Вместе с тем конечный успех в решении главной проблемы — возвращении американских моряков домой — не означал автоматического подтверждения эффективности американской переговорной практики и курса в отношении КНДР как такового. Дипломатия США оказалась не в силах как предотвратить возникновение инцидента с захватом корабля, так и добиться его урегулирования на собственных условиях. Давление на Москву как на главного северокорейского спонсора принесло лишь тактический успех. КНДР продолжила получать советскую экономическую и военную помощь.

Ключевые слова: США, КНДР, «Пуэбло», СССР, Л. Джонсон, захват корабля, Ким Ир Сен.

Abstract: in early 1968, North Korea seized the USS Pueblo and its entire crew. The U. S. found itself in a state of asymmetrical confrontation. The purpose of this article is to reveal the specifics of the U. S. approach to crisis negotiations with a foreign opponent when direct use of military force, sanctions pressure and other methods of influence is impossible or ineffective, but the underlying problem itself requires immediate solution. The study is based on declassified documents of the State Department, the Central Intelligence Agency and the US National Security Council, as well as other published and unpublished materials from US, Soviet, Hungarian, Romanian and other archives. The effort to free the captured seamen lasted almost a year. However, despite the length of the negotiation process, the summary of the Pueblo incident demonstrated the effectiveness of diplomatic methods of conflict resolution. The tacit Soviet-American talks eventually became a decisive factor in the settlement process. At the same time, the U. S.-DPRK dialogue itself has not always been constructive. Using the seizure of American sailors, the North Koreans skillfully escalated international tensions. In the end the Americans were forced to sign the document proposed by the DPRK, but it was disavowed after the end of the transfer of the crew. On the other hand, the ultimate success in solving the main problem — the return of the American sailors home — did not automatically mean that the U. S. policy toward the DPRK as such was effective. U. S. diplomacy was unable both to prevent the ship seizure from occurring and to bring North Korean provocations to an end. Pressure on Moscow as the main North Korean sponsor brought only tactical success. The DPRK continued to receive Soviet economic and military aid, and thus the opportunity to continue its provocations.

Key words: USA, DPRK, “Pueblo”, USSR, L. Johnson, ship seizure, Kim Il Sung.

Проблема диалога США и Северной Кореи сегодня имеет высокую актуальность и оказывает большое влияние на региональную систему безопасности в Северо-Восточной Азии, а значит, прямо затрагивает и интересы России. Этот трудный диалог продолжается уже без малого три четверти века и не раз отношения между двумя государствами балансировали на грани войны. В начале 1968 года Северная Корея захватила принадлежащий США разведывательный корабль «Пуэбло» со всем экипажем, и Вашингтон оказался в ситуации ассиметричного противостояния. Целью данной статьи было выявление специфики подходов руководства США к кризисным переговорам с внешнеполитическим оппонентом в условиях, когда прямое применение военной силы, санкционного давления и иных методов воздействия невозможно или неэффективно, однако сама лежащая в основе конфликта проблема требует незамедлительного решения.

Вторая половина 1960-х годов стала временем резкого роста напряженности на Корейском полуострове. На фоне войны США во Вьетнаме КНДР усилила силовое давление на своих оппонентов в регионе, что выразалось в многочисленных пограничных провокациях, рейдах войск спецназначения, действиях авиации и флота.

В этих условиях США направили в Японское море несколько разведывательных кораблей для ведения радиоэлектронной разведки у берегов Северной Кореи. Их миссия не исчерпывалась наблюдением за КНДР, однако сбор разведданных был важной ее частью [30, р. 84]. К примеру, американских военных интересовало расположение северокорейских радиолокационных станций и иных объектов береговой обороны, которые могли представлять угрозу для патрульных судов и средств десантирования [29].

Американское командование осознавало, что появление подобных судов в непосредственной близости от территориальных вод Северной Кореи вызывало беспокойство Пхеньяна (об этом, в частности, неоднократно заявлял председатель Кабинета Министров КНДР Ким Ир Сен [12, р. 95]), однако США не располагали подтвержденными сведениями об активности Военно-морских сил Севера за пределами 12-мильной береговой зоны [17, р. 1654].

Важно учитывать, что действия разведывательных кораблей вблизи территориальных вод соперничающих держав не считались чем-то уникальным. Однако и американцы, и социалистические страны признавали и соблюдали принцип иммунитета в отношении подобных военных кораблей [5, р. 7].

23 января 1968 года северокорейский противолодочный корабль (ПЛК) приблизился к находящемуся у берегов КНДР американскому разведывательному кораблю «Пуэбло» и потребовал обозначить себя. В ответ на судне был поднят национальный флаг США. Затем северяне потребовали от команды корабля лечь в дрейф. Американцы отказались подчиниться, сославшись на свое нахождение в международных водах и предприняли попытку уйти от преследования. В ходе погони к ПЛК присоединились два северокорейских торпедных катера и пара истребителей МиГ-21. В итоге «Пуэбло» был обстрелян и взят на абордаж.

Северяне отбуксировали судно в Вонсан, экипаж был захвачен и заключен под стражу [7, р. 179].

Непосредственно перед захватом капитан корабля Ллойд Бушер сообщил об инциденте, и в тот же день в Вашингтоне была создана Рабочая группа по ситуации с «Пуэбло», в которую вошли руководители и сотрудники военных, дипломатических и разведывательных ведомств США. С предложением создать такой орган выступил министр обороны США Р. Макнамара. Он ссылаясь на опыт разрешения Кубинского ракетного кризиса¹. Статус нового органа, однако, был ниже, чем в 1962 году: его возглавил не Президент, а имевший значительный опыт работы в Корее заместитель помощника госсекретаря по дальневосточным вопросам С. Бергер [13, р. 468—469].

Несмотря на дефицит информации в первые часы после инцидента, американцы были уверены в незаконности действий КНДР, а также в том, что события происходили в международных водах (не ближе 16 морских миль от ближайшего северокорейского берега). Американцы ориентировались на успевшие поступить до захвата сообщения капитана судна и на данные радиоэлектронной разведки, запеленговывавшей захватившие «Пуэбло» северокорейские суда в зоне, совпадающей с данными Бушера. На состоявшемся 24 января заседании Совета национальной безопасности (СНБ) вероятность того, что «Пуэбло» находился в территориальных водах КНДР была оценена менее чем в 1% [13, р. 479]. К этому времени существовал прецедент захвата северокорейского судна южанами в 40 морских милях от побережья, однако американцы отказывались проводить параллели, поскольку в том случае присутствовала погоня. После того как 24 января радио Пхеньяна передало в эфир «чистосердечное признание» капитана «Пуэбло» в шпионаже, ситуация не изменилась. В Вашингтоне не были уверены в том, что такое признание действительно имело место. Директор ЦРУ Р. Хелмс отметил лишь, что акцент говорившего являлся американским, однако само построение фраз не было характерным для носителя языка. Помощник Президента по национальной безопасности У. Росту

¹ Исполнительный комитет Совета национальной безопасности США был создан в первые часы Кубинского ракетного кризиса по инициативе Президента Дж. Кеннеди. Как отмечает С. Микоян, в него были включены люди, мнение которых Президент считал необходимым учитывать. Р. Макнамара входил в их число [см. подробнее: 1, с. 219—220].

подозревал, что это признание было написано в Москве [13, р. 459—461, 475—481, 484; 30, р. 95].

Дополнительную сложность в анализ вносил провалившийся за два дня до этого рейд северокорейского спецназа в целях убийства Президента Республики Корея Пак Чон Хи. Изначально американцы не были склонны видеть прямую связь между данной операцией и инцидентом с «Пуэбло». В предварительном заключении ЦРУ, подготовленном 23 января, оба этих события рассматривались как обособленные элементы политики Пхеньяна, направленной на повышение уровня напряженности на полуострове. Ее проявления США наблюдали с 1966 года. Эксперты ЦРУ отмечали, что в КНДР скорее всего идентифицировали судно и его миссию, как минимум, за сутки до захвата [40], и подчеркивали осознанный характер действий Севера. В Вашингтоне ожидали запуска пропагандистской кампании, разоблачающей якобы имевшее место нарушение границ территориальных вод КНДР. Как и сотрудники Государственного департамента, разведчики рассчитывали на то, что непредсказуемых последствий удастся избежать благодаря вмешательству СССР, пускай и в непубличном порядке [13, р. 464—465].

Однако вопреки ожиданиям Москва дистанцировалась от инцидента. Пхеньян же демонстрировал готовность действовать решительно и без поддержки извне, вследствие чего восприятие ситуации в Вашингтоне постепенно стало меняться. Представители Рабочей группы по инциденту с «Пуэбло» в своих оценках, прежде всего, исходили из логики холодной войны. Как отмечает М. Лёрнер, только так решение о захвате американского военного корабля обретало смысл [18, р. 647].

Практически все члены рабочей группы видели прямую связь между инцидентом с «Пуэбло» и войной США во Вьетнаме [12, р. 70]. Высказывались версии, что захват корабля — это попытка связать Соединенным Штатам руки, отвлечь их силы на север, помешать развертыванию южнокорейских сил в Юго-Восточной Азии, ослабить позицию Вашингтона на будущих переговорах. Выбор даты начала северокорейской провокации связывали с осадой Кхешани [69, р. 2]. Ситуация обострялась в связи с начавшейся в США предвыборной кампанией. Росту отметил, что план коммунистов имел шансы на успех — американцы были

вынуждены перенаправить авианосец «Энтерпрайз» от берегов Вьетнама к берегам КНДР [13, р. 469—472]¹. Северяне подозревали в стремлении открыть в Корее второй фронт. В эти дни американская пресса проводила прямые параллели между захватом «Пуэбло» и инцидентами в Тонкинском заливе [12, р. 92]². В Вашингтоне предполагали также, что власти КНДР пытались повлиять на взаимоотношения США с руководством Республики Корея, буквально накануне инцидента заявлявшим о готовности отомстить Северной Корее за многочисленные нарушения границы и дерзкие диверсионные рейды вглубь страны [13, р. 470].

По мнению заместителя госсекретаря Н. Катценбаха, версия о том, что «Пуэбло» был захвачен по инициативе КНДР, но с согласия СССР и КНР, была самой правдоподобной. Росту соглашался с этим выводом и связывал инцидент с другими акциями коммунистов в регионе, а также отмечал особую заинтересованность Москвы в получении оборудования с корабля. 24 января, на заседании СНБ в присутствии Президента Л. Джонсона, Макнамара заявил, что СССР знал об атаке на «Пуэбло» заранее и включил данное обстоятельство в число трех аспектов кризиса, которые представлялись наиболее существенными и ясными [13, р. 471, 476]. Последующие события этот вывод не подтвердили.

Оценка инцидента американским посольством в Сеуле была более детализированной. Дипломаты сравнивали нападение на «Пуэбло» с израильской атакой на разведывательный корабль «Либерти» в 1967 году³. По мнению посольства, Пхеньян мог предпринять захват американского корабля в качестве превентивной меры против потенциально возможного удара южан в ответ на рейд северокорейского спецназа. Оба этих события — рейд спецназа и захват «Пуэбло» — дипломаты увязывали также с войной во Вьетнаме [13, р. 481—482].

¹ Навстречу авианосцу «Энтерпрайз» и кораблям сопровождения немедленно выдвинулись силы Краснознаменного Тихоокеанского флота СССР в количестве пяти кораблей во главе с большими противолодочными кораблями проекта 61 [45].

² Инциденты в Тонкинском заливе произошли в начале августа 1968 года и включали в себя огневой контакт судов американского и северовьетнамского флотов. Второй инцидент послужил для США поводом для проведения воздушной операции против Северного Вьетнама и прямого вмешательства во Вьетнамскую войну.

³ Американский разведывательный корабль «Либерти» летом 1967 года был якобы ошибочно атакован израильскими самолетами и торпедными катерами в международных водах. Как вспоминал впоследствии Дин Раск, объяснения Израиля были неудовлетворительными, с его точки зрения [см.: 28, р. 388].

В условиях опасного сочетания неопределенности ситуации и крайней серьезности инцидента в первые дни после захвата корабля в Вашингтоне обсуждался широкий список ответных действий, в том числе силами ВМФ и ВВС США [13, р. 472—475, 489—491].

После нескольких заседаний с участием Президента большинство предложенных мер были отброшены. Американцы стремились, прежде всего, выиграть время, а потому предпочли действовать осторожно. Посол по особым поручениям Г. Лодж сравнивал ситуацию с похищением — чрезмерное использование силы могло послужить причиной гибели жертвы, а американцы хотели вернуть своих моряков домой живыми и избежать открытия второго фронта [68, р. 8].

Ограниченным военным мероприятиям с самого начала сопутствовали шаги, целью которых было недопущение перехода конфликта в полномасштабное вооруженное противостояние. 9 февраля 1968 года на полуостров в качестве специального посланника Президента Джонсона был направлен С. Вэнс, который сумел убедить южан отказаться от акции возмездия за северокорейский рейд, взял с них обещание не ставить помехи переговорам США и КНДР и снизить накал антиамериканской агитации в прессе¹. Кроме того, были согласованы механизмы двусторонних консультаций на случай возобновления актов агрессии с северокорейской стороны, а также программа дополнительной военной помощи на 100 млн долл. [43].

Освобождение корабля и его экипажа силовыми методами изначально было признано рискованным и малоперспективным. Первым каналом для диалога с властями КНДР стала Военная комиссия по перемирию в Корее в Пханмунджоме². В Вашингтоне не были уверены, что захват корабля можно отнести к нарушению условий перемирия. Однако послу в Сеуле У. Портеру было поручено немедленно организовать совещание ее членов [13, р. 346—347, 353—354, 459—460]. Первое заседание состоялось на следующий день после инцидента, 24 января. Американцы намеревались сделать жесткие заявления по «Пуэбло» и рейду

¹ В прессе Республики Корея американцев критиковали за нежелание поддержать Сеул в операции возмездия за рейд КНДР, хотя у тех был для этого предлог (корабль с заложниками).

² Военная комиссия по перемирию в Корее была учреждена согласно Соглашению о прекращении огня 1953 года для контроля за соблюдением его условий. В нее вошли представители стран — членов коалиции ООН, КНДР и КНР.

северокорейского спецназа (чтобы демонстративно не отдавать приоритет захвату корабля перед попыткой убийства южнокорейского президента) и потребовать освободить экипаж. Кроме этого Вашингтон сохранял за собой право на компенсацию ущерба (в рамках международного права). Атмосфера на заседании вопреки ожиданиям не была напряженной. Северокорейцы вели себя как обычно, даже «в шуточной манере» [13, р. 466—467].

Еще одним каналом решения проблемы «Пуэбло» для американцев могла стать Организация Объединенных Наций, которая, начиная с провозглашения Республики Корея в 1948 году, выступала в качестве одного из инструментов корейской политики США. Первоначально обращение в ООН было предпринято с целью выиграть время, причем не только для себя. Вашингтон хотел дать возможность СССР и КНДР четко определить собственные позиции [70]. Однако КНДР практически сразу отвергла идею переговоров с США через ООН, которая воспринималась на Севере как «инструмент агрессии против корейского народа» [31]. Москва, со своей стороны, не рекомендовала Пхеньяну использовать ООН для урегулирования конфликта с США и инструктировала своего представителя выступить против обсуждения проблемы в Совете Безопасности. 29 января в Вашингтоне на совещании Рабочей группы по инциденту также было решено отказаться от использования альтернатив прямым переговорам в рамках Военной комиссии по перемирию (например, обращения в Международный суд ООН), поскольку это могло повлечь за собой «подразумеваемое государственное признание КНДР» [13, р. 557, 571; 53].

29—31 января представители США и КНДР в Военной комиссии согласовали параметры прямых переговоров. Параллельно американцы через членов Наблюдательной комиссии нейтральных стран предупредили корейцев, что готовы начать войну и даже применить ядерное оружие на стороне Юга, если Республика Корея будет атакована Севером [33]. Датой начала диалога было выбрано 2 февраля, местом — Пханмунджом. Характерно, что уже на этом этапе, по мнению американцев, северокорейцы начали прибегать к затягиванию времени. В Вашингтоне не знали, какие требования выдвинет Пхеньян и рассчитывали добиваться возвращения экипажа «Пуэбло» на родину с последующим расследованием законности действий корабля [13, р. 571, 575, 576].

2 февраля состоялась первая встреча в новом формате. Ее открыло выступление американского делегата, адмирала Дж. Смита, который обозначил позицию США, запросил список пострадавших в ходе инцидента американцев и предложил сэкономить время на обсуждении «признаний, наказаний и извинений». В ответном слове генерал Пак Чун Гук, представитель КНДР, ответил, что США необходимо изменить свое отношение к произошедшему «акту агрессии», если они действительно хотят решить вопрос. Кроме того, он сообщил, что не получал указаний передавать американцам имена пострадавших и пообещал проинформировать Смита о дате новой встречи [13, р. 580—582].

Итоги первого заседания были неоднозначно восприняты в Вашингтоне. Бергер оценил их позитивно, предположив, что корейцы оставили открытой дверь для продолжения диалога и действительно хотят оперативно разобраться с проблемой. Росту, напротив, испытывал пессимизм и ожидал затягивания переговоров, поскольку сохранение статус-кво, по его мнению, было на руку северокорейцам. Пока «Пуэбло» и его экипаж оставались в плену, Пхеньян приобретал международный престиж, а американцы его теряли. Он предлагал выждать 48 часов, а затем начать постепенно «подогревать» ситуацию военными и дипломатическими мерами [13, р. 583—584]. Портер и вовсе предполагал, что северяне будут использовать переговоры как инструмент давления и в обмен на освобождение экипажа потребуют вывести значительную часть военного контингента США с территории полуострова [44].

Как бы то ни было, северокорейские требования «признать факты» и извиниться за них были услышаны в Вашингтоне. В Государственном департаменте рассматривались компромиссные сценарии выхода из создавшегося положения. В частности, в случае освобождения экипажа допускалось согласие на расследование действий «Пуэбло» во время инцидента. Если итоги такого расследования подтвердят северокорейскую версию, американцы считали возможным «выразить официальные сожаления». Кроме того, освобождение экипажа они предлагали проводить совместным заявлением, транслирующим позиции обеих сторон и сообщающим, что моряки освобождаются по гуманитарным соображениям. Помимо этого рассматривалась це-

лесообразность выступления с заявлением, обязывающим США не нарушать морские границы КНДР, правда с оговоркой, что его формулировки нельзя будет интерпретировать в смысле признания вины [13, р. 585—586]. Ни один из этих сценариев не устраивал Север, который в случае освобождения экипажа лишился главного рычага влияния на ситуацию.

Резкое недовольство КНДР вызывала «атмосфера принуждения», созданная появлением в регионе Седьмого флота США и относящейся к нему авианосной ударной группы (АУГ) «Энтерпрайз». На этом фоне Пхеньян выдвинул требование начать межправительственные переговоры между США и КНДР, обосновывая его тем, что «Пуэбло» не подчинялся командованию ООН, и, следовательно, для урегулирования инцидента не годились механизмы поддержания перемирия на полуострове [13, р. 598, 600; 44].

Настроенные на оперативное решение вопроса американцы были готовы пойти на уступки. По мнению Росту, оптимальным шагом мог стать отвод «Энтерпрайза». Этот маневр скорее всего был бы сразу замечен КНДР, а значит, и СССР. Вместе с тем в ответ на предложение Пхеньяна повысить уровень переговоров Росту предлагал сослаться на заявление самих северян, называвших Военную комиссию по перемирию подходящим местом для обсуждения инцидента. Американцы готовы были формально присвоить генералу Смиту статус «специального представителя США» или направить из Вашингтона в подчинение ему еще одного делегата в подобном статусе, но не более того¹. Нежелание корейцев предоставлять списки пострадавших Росту надеялся обойти посредством «добрых услуг» Наблюдательной комиссии нейтральных стран [13, р. 601—603; 45].

Дальнейшие переговоры США и КНДР шли по схожему сценарию. Корейцы пытались тянуть время и использовать диалог для извлечения политических дивидендов, повышая статус переговоров [41] и внося раздор в отношения США с Республикой Корея. Американцы в свою очередь ждали, когда оппоненты полностью раскроют карты, и пытались прояснить судьбу эки-

¹ Особое мнение на этот счет было у посла Портера, который предлагал перенести переговоры с территории Корейского полуострова и вести их на уровне дипломатов, а не военных. Госдепартамент проинформировал его о своем несогласии с этим планом, поскольку это стало бы еще одним шагом в сторону фактического признания КНДР. О том, что проблема «Пуэбло» — это вопрос отношений США и КНДР и она должна решаться вне Кореи, говорили и некоторые лидеры южнокорейской оппозиции [см.: 13, р. 616—618; 42].

пажа. При этом привыкшие к специфической северокорейской риторике представители США с удивлением отмечали рабочий настрой делегации КНДР, ее подчеркнутую вежливость и отсутствие оскорблений [41, р. 582—583, 599, 608, 616—618].

Тем временем в Вашингтоне назревал своего рода кризис уверенности в отношении своей версии инцидента. Начало ему положили слова А. А. Громыко, который заявил о том, что в СССР не сомневаются в нарушении «Пуэбло» границы территориальных вод КНДР, поскольку капитан корабля сделал собственноручную запись об этом. 29 января Президент Джонсон задал вопрос членам своей администрации, уверены ли они в том, что действия «Пуэбло» были безупречными. В ответ Макнамара оценил вероятность ошибки в 25% [13, р. 563—564]. В начале февраля Макнамара и государственный секретарь Д. Раск, выступая на телевидении, публично допустили возможность нарушения «Пуэбло» морской границы КНДР [72].

В середине февраля корейцы выложили на стол свой главный козырь –подтверждающую обвинения информацию, якобы содержащуюся в найденных на борту «Пуэбло» документах. Речь шла о картах и выдержках из навигационного журнала [13, р. 626]. Первоначальный анонс этого события по радио и последовавшее за ним заявление МИД КНДР о том, что «корейский народ хорошо подготовлен и всегда готов сражаться вместе с вьетнамским народом» [34], вызвали беспокойство в Белом доме. 13 февраля Раск сообщил Президенту, что в свете новых фактов корейцы могут потребовать признания нарушений и извинений за них и обронил многозначительную фразу «Мы, возможно, попались», свидетельствовавшую о крайней степени растерянности. Ситуация осложнялась тем, что в 1966 году командующий Тихоокеанским флотом США Р. Джонсон своим оперативным приказом разрешил однотипным с «Пуэбло» разведывательным кораблям приближаться к берегу на расстояние до 3 миль (в связи с официальной позицией США о трехмильной границе территориальных вод [42]). Эта инструкция была впоследствии заменена новым приказом, запрещающим «Пуэбло» подходить к северокорейскому берегу ближе, чем на 13 миль, но американцы предполагали, что корейцы могли захватить на корабле первоначальную версию документа [46].

15 февраля, на очередной встрече в Пханмунджоме, корейцы продемонстрировали США фотокопии документов-доказательств. Данные материалы были дополнены покаянным письмом, подписанным всем экипажем корабля. Позиция КНДР подкреплялась заявлениями о том, что экипаж «Пуэбло» первым открыл огонь из бортового оружия (этот факт не подтверждался сообщениями экипажа) [46; 50]. После этого вновь прозвучали требования извиниться и впредь не допускать вторжений в северокорейские территориальные воды. Кроме того, Пак Чун Гук наотрез отказался обсуждать вопрос о возвращении корабля, «использовавшегося для шпионажа». Американцам было предложено не касаться этой темы, и они этому совету последовали [13, p. 626—627, 675].

Тем не менее изучение представленных доказательств, заверенное к 26 февраля, показало преждевременность опасений по поводу краха американской версии событий. В северокорейских материалах были обнаружены многочисленные нестыковки. В частности, переданная корейцами фотокопия навигационного журнала представляла собой выдержки из документа со следами внесенных изменений. Было установлено, что для прибытия в отмеченные в переданных корейцами фотокопиях точки в указанное время «Пуэбло» было необходимо временами развивать ход, резко превышающий максимальную для данного типа кораблей скорость (до 63, а на одном из отрезков — даже до 2500 узлов при предельных 12,7). Кроме того, одна из указанных в журнале точек уходила на 32 мили вглубь Корейского полуострова. Представленные корейцами карты были изготовлены на основе захваченных северянами бланков Гидрографического управления США, однако они были слишком мелкого для использования в целях навигации масштаба и оформлены не по правилам ВМС Соединенных Штатов. Отдельные записи в журнале и на карте не совпадали. Но американцы не спешили обвинять северян во лжи, рассудив, что это наверняка станет помехой для достижения соглашения. Кроме того, часть из выявленных ошибок, по мнению американских экспертов, вероятнее всего, была намеренно внесена захваченными членами экипажа, и разоблачение этих несоответствий поставило бы жизни моряков под угрозу [47; 54].

Напряженность тем временем продолжала нарастать. Обе Кореи форсировали подготовку к возможной войне. Вдоль 38-й параллели не прекращались пограничные конфликты. Всем дипломатическим миссиям в Пхеньяне северяне предлагали помощь в постройке бомбоубежищ [35]. 19 февраля американский разведчик А-12 совершил полет над территорией КНДР, но не смог локализовать точное местоположение захваченного корабля, поскольку корейцы неоднократно его перемещали [22; 23; 74].

В настоящее время вопрос о том, готова ли была КНДР развязать новую Корейскую войну остается дискуссионным. С. Радченко, рассмотрев максимально широкий перечень аргументов и контраргументов, отмечает, что у Ким Ир Сена были причины для того, чтобы начать войну в удобный для себя момент, вместо того чтобы ждать нападения, укрывшись в «осажденной крепости», в которую превратилась его страна. В то же время он осознавал, что Москва не поддержит новое нападение на Юг. В конечном счете Радченко склоняется к тому, что Ким Ир Сен стремился к «напряжению ради напряжения» — осложнение международной обстановки можно было эффективно использовать для внутренней мобилизации и укрепления режима в КНДР [24, р. 15—17].

В этих условиях Портер рекомендовал не отвечать на новое приглашение сесть за стол переговоров и перейти к устным угрозам, которые привлекли бы внимание северокорейских властей к серьезности ситуации. Важное место в планах США на этом этапе заняла активизация контактов с Москвой [13, р. 627—631, 636].

В контексте инцидента с «Пуэбло» можно проследить две линии проработки курса Вашингтона в отношении Москвы. С одной стороны, продолжала развиваться версия о «руке Москвы» и целесообразности жестких ответных мер. С другой — американцы искали контакт с Кремлем, чтобы через этот канал оказать давление на КНДР [13, р. 496]. В конце января — начале февраля состоялся обмен письмами между Джонсоном и Косыгиным. Активную работу вели также дипломаты Л. Томпсон и посол СССР в Вашингтоне А. Добрынин. В эти дни в ЦРУ пришли к выводу, что СССР стремится «минимизировать» последствия инцидента и избежать силовых действий со стороны США, сохранив при этом видимость последовательной поддержки КНДР [69].

По сути, в Москве считали, что Пхеньян уже добился от США всего, чего мог, и надеялись на быстрое урегулирование конфликта мирным путем [26]. Лучшим шагом, по мнению советской стороны, было бы «выдворение» экипажа американского судна с территории КНДР — данное действие продемонстрировало бы добрую волю и миролюбие Севера [15].

Однако вскоре выяснилось, что планы северян имеют более комплексный характер, чем казалось ранее. 30 января Правительство КНДР обратилось к СССР с просьбой немедленно оказать «военную и иную помощь всеми имеющимися в распоряжении СССР средствами, если Корея окажется в состоянии войны». А. А. Громыко в ответ дал понять, что действия СССР будут ограничиваться моральной и дипломатической поддержкой [2, с. 91—92, 94]. Корейцы были разочарованы и поведением большинства европейских социалистических стран, утверждая, что на словах их правительства выражали поддержку КНДР, но на практике вели себя осторожно [25].

К середине февраля 1968 года пханмунджомские переговоры окончательно застопорились и на этом фоне американцы решили усилить давление на Москву [49]. 15 февраля с Добрыниным встретился ветеран дипломатической службы США Ч. Болен, чтобы указать на неконструктивность занятой КНДР переговорной позиции. Советский дипломат в ответ сообщил, что по совету Москвы корейцы уже пошли на уступки и есть шанс убедить их снять требование об извинениях [51].

26 февраля Томпсон обратился к Громыко с заявлением, в котором подчеркнул, что американо-северокорейские переговоры продолжаются уже месяц. Он акцентировал внимание на том, что Вашингтон следует советам Москвы, подчеркивал роль США в сдерживании южан и обращал внимание на фактор времени — каждый упущенный день повышал риск возникновения серьезного вооруженного конфликта [13, р. 629, 642—644]. В ответ Громыко повторил положения официальной позиции СССР. По итогам Томпсон сообщал в Вашингтон, что, несмотря на осторожный характер высказываний, Москва, вероятно, впечатлена конструктивностью американцев, и высоко оценивал шансы на конвертацию этого эффекта в соответствующее давление на северян [13, р. 645—646].

В Вашингтоне не знали, что в тот же день, 26 февраля, в Москве состоялся разговор на тему «Пуэбло» между министром национальной обороны КНДР Ким Чан Боном и генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. Главной темой беседы стала советская трактовка военных статей заключенного в 1961 году Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР. Брежнев подчеркнул, что соглашение имеет сугубо оборонительный характер и принятие Советским Союзом конкретных военных мер в случае начала американско-северокорейского конфликта возможно лишь после серьезных двусторонних консультаций [2, с. 95—96; 38].

Пханмунджомские переговоры тем временем продолжались с трудом. Предложенный американцами вариант с расследованием инцидента нейтральным международным органом был неприемлем для северян. Попытки надавить на Север через представителей Чехословацкой Социалистической Республики и Польской Народной Республики в Наблюдательной комиссии нейтральных стран сразу показали свою бесперспективность. Помимо этого безрезультатно закончился зондаж на предмет возможности обмена заключенными. Эту идею выдвинул Пак Чун Гук в беседе с чешским и польским членами Наблюдательной комиссии нейтральных стран во второй половине февраля [36], но американцы усомнились в том, что эта инициатива исходила от северян.

После переговоров в Москве предлагать варианты урегулирования начали сами северяне. На заседании в Пханмунджоме 4 марта Пак Чун Гук заявил, что существуют прецеденты решения подобных проблем на взаимоприемлемых условиях. Речь шла об освобождении экипажа американского вертолета, по ошибке отклонившегося от курса и сбитого северянами в 1963 году. Тогда Вашингтон был вынужден признаться в «преступлениях» — шпионаже и незаконном вторжении и гарантировать, что не будет совершать подобные акты в будущем. Однако на следующий день США публично отказались от своих слов [11, р. 112—113]. Обе стороны понимали, что в приведенном примере репатриации захваченных КНДР военнослужащих речь шла о реальных нарушителях сухопутной или воздушной границы КНДР.

Рабочая группа по «Пуэбло» отмечала, что урегулирование в соответствии с похожим сценарием, скорее всего, не вызовет негативной реакции общественного мнения в США. На этот случай даже было разработано несколько вариантов извинений и выражения сожаления. Раск, тем не менее, предложил не торопиться и выждать, что предложат сами корейцы. Именно эта рекомендация легла в основу решения Рабочей группы [13, р. 648, 652, 663—664, 667—668].

Параллельно американская дипломатия предпринимала усилия по недопущению ухудшения условий содержания экипажа захваченного судна. В частности, Вашингтон резко отреагировал на сообщение о возможном суде над моряками [13, р. 656—657; 52; 57] и на информацию о якобы подготовленных членами экипажа письмах о том, что по вине Правительства США морякам остается либо провести остаток жизни в КНДР, либо быть расстрелянными как преступники [73; 75]. По инициативе Раска было решено через доверенного представителя прессы сообщить советскому посольству, что дальнейшее удержания «Пуэбло» не соответствует интересам Пхеньяна, поскольку оно побуждает Вашингтон наращивать помощь Югу и активизировать военные действия во Вьетнаме [13, р. 666; 58]. По сути Раск блефовал — в начале марта он писал Портеру, что ВМС США столкнулись с перенапряжением сил из-за необходимости нарастить военное присутствие в районе Корейского полуострова и поручал подготовить южнокорейское руководство к мысли о скором отводе части американских сил из региона [55]. Решение об этом было принято 15 февраля, и уже спустя неделю одна из американских АУГ покинула Японское море [56].

Тем временем в Пханмунджоме представители США пытались добиться от корейцев конкретных пожеланий по поводу формулировок покаянного документа, которые устроили бы руководство КНДР, но это лишь затягивало переговоры. Предлагавшиеся американской стороной варианты «выражения сожалений» практически без обсуждения отклонялись [9]. Северокорейские требования были конкретизированы лишь 8 мая, когда был предложен окончательный вариант текста извинений, которые, по мнению руководства КНДР, следовало принести Правительству США [13, р. 683—686]. Попытки Вашингтона по-

влиять на содержание этого документа успеха не имели. Всё это время из Пхеньяна поступали угрозы, что экипаж может пострадать из-за «прокрастинации» США [13, р. 691—692]. В публичной сфере северокорейские лидеры прибегали к воинственной риторике, грозили смертью «американским империалистам» [2, с. 97]. Переговоры Вашингтона с Москвой также не приводили к результатам. В ответ на эмоциональное заявления Катценбаха, что его правительство готово послать второй корабль в воды КНДР и немедленно извиниться за это нарушение, дабы показать, что не боится извинений, Добрынин хладнокровно ответил, что СССР не собирается проверять все факты инцидента и не намерен «давить» на Пхеньян, поскольку там и так хорошо знают позицию Москвы по данному вопросу [13, р. 694—696].

На данном этапе переговоров перед американцами уже не стоял выбор, подписывать ли предложенный корейцами документ. Вопрос заключался в том, как именно его придется подписать. Оптимальный для США вариант процедуры предусматривал, чтобы во время передачи экипажа сменивший генерала Смита в мае 1968 года генерал Г. Вудворд поперек текста северокорейского документа сделал запись, подтверждающую факт передачи моряков, и скрепил ее своей подписью. В таком случае у северокорейской стороны сохранялась возможность говорить о том, что американцы признали вину и письменно подтвердили этот факт, а руководство США могло интерпретировать это событие в том смысле, что подпись Вудворда относилась только к его расписке в получении экипажа. Катценбах рекомендовал заранее согласовать такую процедуру с северокорейцами, чтобы обе стороны понимали, что именно происходит [13, р. 709—713].

На продвижение этой идеи ушло всё лето и начало осени. Периодически возникавшие слухи, что северяне вот-вот освободят экипаж (к примеру, в качестве жеста доброй воли и в связи празднованием 20-летия создания КНДР), не подтверждались [6, р. 233].

Вашингтон по-прежнему стремился привлечь на свою сторону Москву — в середине августа состоялась очередная встреча Болена и Добрынина, на которой американский дипломат убеждал, что время для компромисса уходит и предложенный аме-

риканцами вариант приемлем для обеих сторон [13, р. 693—696; 61], но видимых результатов эта встреча не принесла.

В дальнейшем северяне упорно добивались подписания документа «как должно», без уловок, предлагая США решить, кто заплатит цену за свободу — официальный Вашингтон или простые моряки [13, 691—692, 722—723; 60]. Всё это время северокорейцы отказывались предоставить американским представителям возможность встретиться с захваченными членами экипажа, а ограниченная коммуникация с ними поддерживалась через переписку с родственниками [62—64]. Северяне продолжали «раскручивать» историю «Пуэбло» в пропагандистском плане, в частности путем выпуска посвященных этой теме документальных фильмов [66] и организации митингов [20]. Вместе с тем работавшие в то время в Корее чехословацкие дипломаты отмечали заметное смягчение политического курса Пхеньяна. Среди прочего это связывалось с экономическими трудностями, влиянием СССР (подкрепленным масштабной материальной помощью), а также жесткой реакцией США и Юга на провокации [19].

К 31 октября 1968 года переговоры в очередной раз зашли в тупик. Корейцы не спешили с созывом нового совещания¹. Катценбах предлагал либо настаивать на варианте с распиской, либо предварить подписание извинений пояснением, что США делают этот шаг лишь по соображениям гуманности, ради освобождения заложников. Кроме того, американцы собирались заявить, что «Пуэбло» не совершал незаконных действий, а доказательства нарушения границ территориальных вод у КНДР отсутствуют. Катценбах обращал внимание на приближение Рождества — этот фактор можно было использовать для выдвижения ультиматума без чрезмерного риска сорвать переговоры [13, р. 727, 733]. Одновременно прорабатывались меры психологического давления на корейцев.

17 декабря состоялась очередная встреча в Пханмунджоме. Вудворд озвучил оба предложения и заявил, что они будут действительны только до Рождества — после этого корейцам придется иметь дело с новой американской администрацией во главе с избранным Президентом Р. Никсоном. За четыре дня до этого аналогичная информация была доведена до сведения

¹ Американцы и корейцы созывали совещания поочередно, следуя изначальной договоренности. Заседание 31 октября было созвано американцами.

Москвы [65]. Пак Чун Гук взял 50-минутный перерыв, а затем объявил о согласии Пхеньяна на второй из предложенных США вариантов [13, р. 732]. После этого в американской прессе стали появляться сообщения о близости договоренности [72], а северяне сообщили Москве о том, что американцы наконец-то согласились подписать предложенный им документ [14]. К 22 декабря были окончательно согласованы все процедурные детали (включая размер стола и количество микрофонов на нем) [59]. На следующий день состоялись подписание документа и освобождение экипажа [13, р. 741]. Как и планировалось, обе стороны одновременно сделали фактически противоречащие друг другу заявления [27, р. 963]. По итогам переговорного процесса Президент Джонсон подчеркнул, что Вашингтон не признает вины и не извиняется, а возвращение моряков домой является успехом дипломатии США [67].

Продолжавшаяся около года эпопея по освобождению захваченных северными корейцами американских военных была завершена. По ее итогам обе стороны сумели добиться определенных результатов. Американцы обеспечили возвращение своих моряков домой, а северокорейцы получили материал для ведения пропаганды, которым они продолжают пользоваться до сих пор. Кроме того, США заплатили КНДР крупную сумму денег за содержание экипажа [2, с. 102].

Инцидент с «Пуэбло» продемонстрировал эффективность дипломатических методов выхода из конфликта. Однако конечный успех решения задачи освобождения захваченных моряков американцам обеспечило привлечение к переговорному процессу СССР. Сам американско-северокорейский диалог отнюдь не характеризовался эффективностью. Выдвижение заведомо неприемлемых требований, фальсификация доказательств, эксплуатация захвата людей в качестве рычага политического давления — ничто из этого арсенала не помогло северянам добиться поставленных целей. Участие Москвы в урегулировании конфликта, по сути, свело требования северян к предоставлению возможности сохранить лицо. Американцы были вынуждены пойти на уступки, подписав затребованный северянами документ, однако американские извинения были дезавуированы сразу после окончания процесса передачи экипажа.

Конфликт между США и Северной Кореей в 1968 году имел еще одно следствие долговременного действия: неспособность американской стороны в короткие сроки решить проблему с «Пуэбло» продемонстрировала всему миру уязвимость сверхдержавы перед атаками, сопровождающимися захватом и удержанием в заключении ее граждан. В дальнейшем Вашингтон более жестко реагировал на подобные инциденты.

Литература

1. *Микоян С.А.* Анатомия карибского кризиса. – М., 2006. – 1074 с.
2. *Ткаченко В.П.* Уроки корейского кризиса 1968 года // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – № 1. – С. 82–102.
3. *Abrams A.* Immovable Object: North Korea's 70 Years at War with American Power. – Atlanta, 2020. – 665 p.
4. *Bucher L.* Bucher: my story. – Garden city, N.Y., 1970. – 446 p.
5. *Butler W., Lissitzyn O., Cohen J.* The Pueblo Crisis: Some Critical Reflections // Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1921–1969). – Vol. 63. Perspectives for International Legal Development. – Cambridge, 1969. – P. 7–30.
6. *Cheevers J.* Act of war: Lyndon Johnson, North Korea, and the capture of the spy ship Pueblo. – N.Y., 2013. – 448 p.
7. Chronology of Action Regarding The Pueblo // CIA FOIA (foia.cia.gov). – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp70b00338r000200220049-9> (accessed: 21.02.2021).
8. Complaint by the United States. Pueblo Incident // UN. – URL: https://www.un.org/en/sc/repertoire/66-68/Chapter%208/66-68_08-11-Complaint%20by%20the%20United%20States.pdf (accessed: 21.02.2021).
9. Department of State report, “Pueblo Crisis: Presidential Decisions and Supplementary Chronology”, December 12, 1968. Top Secret // USS Pueblo: LBJ Considered Nuclear Weapons, Naval Blockade, Ground Attacks in Response to 1968 North Korean Seizure of Navy Vessel, Documents Show. – URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB453/docs/doc23.pdf> (accessed: 21.02.2021).
10. Detailed Known Chronology On The Location And Seizure Of The Pueblo // CIA FOIA (foia.cia.gov.). – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp70b00338r000200010038-4> (accessed: 21.02.2021).
11. *Downs C.* Over the Line: North Korea's Negotiating Strategy. – Washington, 1999. – 440 p.
12. *Duermeyer J.* The Capture of the USS Pueblo, The Incident, the Aftermath and the Motives of North Korea. – Jefferson, 2019. – 199 p.
13. Foreign Relations of the United States. 1964–1968. – Vol. XXIX, Part 1. – Washington, 2000. – 861 p.
14. From the Journal of N.G. Sudarikov, ‘Record of a Conversation with Ri In-Gyu, Chief of the 1st Department of the DPRK MFA’, December 21, 1968 / Wilson Center Digital Archive. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/134211> (accessed: 21.02.2021).
15. Information about the Situation in Korea as the USSR Ambassador in Prague c. S.V. Cervonenko relayed it to the Minister of Foreign Affairs c. V. David, February, 1968. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116728> (accessed: 21.02.2021).
16. Informative Note concerning the Actions undertaken by the USSR in the Context of “Pueblo” Crisis, January 30, 1968 / Wilson Center Digital Archive. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/118269> (accessed 21.02.2021).
17. Inquiry into the USS Pueblo and EC-121 incidents. – Washington, 1969.
18. *Lerner M.* A Failure of Perception: Lyndon Johnson, North Korean Ideology, and the “Pueblo” Incident // Diplomatic History. – Vol. 25. – 2001. – No. 4. – P. 647–675.

19. Military-Political Situation in the DPRK, June 04, 1968 / Wilson Center Digital Archive. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114574> (accessed: 21.02.2021).
20. Note on a Conversation with the Director of the 1st Department of the Foreign Ministry of the DPRK, Comrade Ri In-Gyu, on 15 June 1968 / Wilson Center Digital Archive. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116730> (accessed: 21.02.2021).
21. *Packard W.* A Century of US Naval Intelligence. – Washington, 1996. – 515 p.
22. Philadelphia Inquirer. – 1968. – May 10.
23. Pueblo was not intruding on day of capture, U.S. says // CIA FOIA (foia.cia.gov.). – URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp79b01709a001900060009-8> (accessed: 21.02.2021).
24. *Radchenko S.* The Soviet Union and the North Korean Seizure of the USS Pueblo: Evidence from Russian Archives // Cold War International History Project Working Paper. – 2005. – No. 47. – 76 p.
25. Report from East German Ambassador to North Korea, 'Some Aspects of the Political Line of the Korean Workers' Party after the January Events', February 15 / Wilson Center Digital Archive. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/113196> (accessed: 21.02.2021).
26. Report, Embassy of Hungary in the Soviet Union to the Hungarian Foreign Ministry, January 30, 1968 / Wilson Center Digital Archive. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114571> (accessed: 21.02.2021).
27. *Rubin A.* Some Legal Implications of the Pueblo Incident // Comparative Law Quarterly. – Vol. 18. – 1969. – No. 4. – P. 961–970.
28. *Rusk D.* I Saw It. – N.Y., 1990.
29. Specific Intelligence Collection Requirement. Coastal Radars, North Korea. – 18 April 1967 / Exhibition of the Fatherland Liberation War Museum. – Pyongyang.
30. *Streifer B.* Anything Could Happen: Newly Declassified CIA Documents Tell an Entirely Different North Korea "Pueblo Incident" Story // North Korean Review. – Vol. 12. – 2016. – No. 2. – P. 84–104.
31. Telegram from Pyongyang to Bucharest, TOP SECRET, No. 76.024, Flash, January 27, 1968 / Wilson Center Digital Archive. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/113948> (accessed: 21.02.2021).
32. Telegram from Pyongyang to Bucharest, TOP SECRET, No. 76.025, Flash, January 29, 1968 / Wilson Center Digital Archive. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/113949> (accessed: 21.02.2021).
33. Telegram from Pyongyang to Bucharest, TOP SECRET, No. 76.027, Urgent, January 29, 1968 / Wilson Center Digital Archive. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/113951> (accessed: 21.02.2021).
34. Telegram from Pyongyang to Bucharest, TOP SECRET, No. 76.040, Regular, February 12, 1968 / Wilson Center Digital Archive. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/113955> (accessed: 21.02.2021).
35. Telegram from Pyongyang to Bucharest, TOP SECRET, No. 76.046, Urgent, February 19, 1968 / Wilson Center Digital Archive. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/113958> (accessed: 21.02.2021).
36. Telegram from Pyongyang to Bucharest, TOP SECRET, No. 76.049, Flash, February 23, 1968. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/113962> (accessed: 21.02.2021).
37. Telegram from Pyongyang to Bucharest, TOP SECRET, No. 76.054, Urgent, March 01, 1968 / Wilson Center Digital Archive. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/113965> (accessed: 21.02.2021).
38. Telegram from Pyongyang to Bucharest, TOP SECRET, No. 76.068, Urgent, March 17, 1968 / Wilson Center Digital Archive. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/113967> (accessed: 21.02.2021).
39. The Pueblo incident. Analysis of North Korean Evidence. – Washington, 1968 // YouTube. – URL: <https://youtu.be/q9ZPCwDeSFU> (accessed: 21.02.2021).
40. The Pueblo Incident; North Korean Seizure Of The Pueblo – Plan Or Opportunity? // CIA FOIA (foia.cia.gov.). – URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/0000267787> (accessed: 21.02.2021).

41. U.S. National Archives and Records Administration (далее – U.S. NARA). RG 59. General Records of the Department of State. Central Foreign Policy Files, 1967–1969. Box 2263. Pol 33-6 KOR N-US Telegram from Amembassy, Seoul to Secretary of State. 1968. February 7.
42. U.S. NARA. Box 2263. Pol 33-6 KOR N-US. Legal Issues in Pueblo Incident. 1968. February 8.
43. U.S. NARA. Box 2263. Pol 33-6 KOR N-US. Telegram from Amembassy, Seoul to Secretary of State. 1968. February 12.
44. U.S. Box 2263. Pol 33-6 KOR N-US. Telegram from Amembassy, Seoul to Secretary of State. 1968. February 4.
45. U.S. NARA. Box 2263. Pol 33-6 KOR N-US. Telegram to Embassy in Moscow from Department of State. 1968, February 6.
46. U.S. NARA. Box 2267. Pol 33-6 KOR N-US. Contingency Instructions for closed Panmunjom Talks. 1968. February 15.
47. U.S. NARA. Box 2267. Pol 33-6 KOR N-US. Department of State to all diplomatic Posts on Pueblo case. 1968. March 15.
48. U.S. NARA. Box 2267. Pol 33-6 KOR N-US. Telegram from Amembassy, Seoul to Secretary of State. 1968. February 15.
49. U.S. NARA. Box 2267. Pol 33-6 KOR N-US. Telegram from Amembassy, Seoul to Secretary of State. 1968. February 16.
50. U.S. NARA. Box 2267. Pol 33-6 KOR N-US. Telegram from Department of State to Amembassy, Seoul. 1968. February 15.
51. U.S. NARA. Box 2267. POL 33-6 KORN-US. DEF 6-245. Memorandum of Conversation on Pueblo incident. 1968. February 16.
52. U.S. NARA. Box 2268. Pol 33-6 KOR N-US. Draft Telegram to Embassy, Seoul. 1968. March, 11; 41.
53. U.S. NARA. Box 2268. Pol 33-6 KOR N-US. Letter from E. V. Rostow to O. Schroeder Jr. 1968. March 1.
54. U.S. NARA. Box 2268. Pol 33-6 KOR N-US. TELECON. 1968. February 24.
55. U.S. NARA. Box 2268. Pol 33-6 KOR N-US. Telegram from Department of State to Amembassy, Seoul. 1968. March 8.
56. U.S. NARA. Box 2269. Pol 33-6 KOR N-US. Joint State/Defence Message to Amembassy, Seoul, COMUS Korea. 1968. March 15.
57. U.S. NARA. Box 2269. Pol 33-6 KOR N-US. Winthrop C. Brown to the Under Secretary. 1968. March 15.
58. U.S. NARA. Box 2270. Pol 33-6 KOR N-US. Memorandum for the President on USS Pueblo. 1968. March 14.
59. U.S. NARA. Box 2270. Pol 33-6 KOR N-US. Summary 28th meeting at Panmunjom December 22. 1968. December 22.
60. U.S. NARA. Box 2270. Pol 33-6 KOR N-US. Telegram from Amembassy, Seoul to Secretary of State. 1968. October 23.
61. U.S. NARA. Box 2271. Pol 33-6 KOR N-US. Talking points on Pueblo with Dobrynin. 1968. July 17; 13, p. 693–696.
62. U.S. NARA. Box 2272. Pol 33-6 KOR N-US. Department of State to Amembassy, Seoul on Mail for Pueblo Crew. 1968. March 28.
63. U.S. NARA. Box 2273. Pol 33-6 KOR N-US. Memorandum of Conversation on Status of Pueblo Negotiations. 1968. September 24.
64. U.S. NARA. Box 2273. Pol 33-6 KOR N-US. Telegram from Department of State to Amembassy, Moscow. 1968. September 21.
65. U.S. NARA. Box 2274. Pol 33-6 KOR N-US. Telegram from Department of State to Amembassy, Moscow. 1968. December 14.
66. U.S. NARA. Box 2274. POL 33-6 KORN-US. Warsaw 4956. Telegram from Department of State to Amembassy, Moscow. 1968. October 24.
67. U.S. NARA. Box 2275. Pol 33-6 KOR N-US. Memorandum from James F. Leonard to Bromley Smith. 1968. December 19.
68. United States Assistant to the President (1968). Notes of the President's Lunch Meeting with Senior American Advisors // ProQuest. – URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679085120> (accessed: 21.02.2021).

69. United States Central Intelligence Agency Directorate of Intelligence (1968). [North Korea Remains Unyielding in Pueblo Crisis] // ProQuest. – URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679099122> (accessed: 21.02.2021).
70. United States. Department of Defense. Assistant Secretary for Systems Analysis (Acting) (1968). Record of meeting on January 25, 1968 // ProQuest. – URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679061610> (accessed: 21.02.2021).
71. Washington Post. – 1968. – Dec. 19.
72. Washington Post. – 1968. – Feb. 6.
73. Washington Post. – 1968. – March 28.
74. Washington Post. – 1968. – May 13.
75. Washington Star. – 1968. – March 7.

Нарышкин Андрей Александрович,

кандидат политических наук,
управляющий директор ООО «РГ Консалтинг», Холдинг «Росгеология»,
Москва.

Andrey A. Naryshkin,

Ph.D. (Political Science),
Managing Director, RG Consulting, RosGeo, Moscow.
E-mail: andr-naryshkin@yandex.ru

РОЛЬ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

THE ROLE OF FOREIGN MISSIONS IN THE ECONOMIC DIPLOMACY OF THE SOVIET UNION

Аннотация: выстраивание взаимодействия с зарубежными странами в экономической сфере — важнейшая часть экономической дипломатии. Продвижение экономических интересов государства и других экономических агентов за рубежом не является новацией последних десятилетий: это — часть истории международных отношений и, безусловно, истории нашей страны. Впервые задачи по поиску новых каналов сбыта продукции, изучению законодательства и конъюнктуры основных европейских рынков, повышению информированности зарубежных потребителей о российской продукции были поставлены Петром I. Эти задачи были возложены на консулов Российской империи за рубежом. Конец 1910-х годов — непростой период в жизни нашей страны. Тем не менее понимание важности налаживания внешнеэкономических связей обусловило формирование системы зарубежных торговых представительств нового советского государства. В статье рассмотрен период формирования и функционирования системы зарубежных представительств торгово-экономической направленности сначала Советской России, а затем СССР. Понимание истории формирования и практики эффективной работы торговых представительств Советского Союза за рубежом служит ключом к переосмыслению текущей деятельности зарубежных представительств Российской Федерации и повышению ее эффективности.

Ключевые слова: экономическая дипломатия, зарубежные представительства, торговые представительства, продвижение экспорта.

Abstract: broadening economic cooperation with foreign countries is an essential part of economic diplomacy. Economic interests' promotion is essential for the state and other economic agents abroad. It is not an innovation of recent decades but the part of the history of international relations and, of course, countries' history. For the first time tasks to expand the market and promotion of Russian goods, studying the legislation and foreign market conditions was set by Peter the 1st. During that period the Russian Empire Consuls were responsible for those tasks. Late 1910s was a difficult period in our country's history. Understanding the importance of broadening foreign economic relations led to the new soviet trade representations system formation. This article reviews the Soviet period of foreign trade representation formation

and functioning. Understanding the history of the formation and effective working practice of the trade representations of the Soviet Union abroad is the key to rethinking the international activities of foreign missions of the Russian Federation and increasing their efficiency.

Key words: economic diplomacy, foreign missions, trade representations, export promotion.

Богатая история отечественной экономической дипломатии, отстаивания экономических интересов нашей страны за рубежом посредством системы зарубежных представительств берет свое начало в XVIII веке. Институт представительства российских экономических интересов за рубежом основан Петром I: российские консульства были учреждены в Венеции (1711 г.), Париже (1715 г.), Вене (1718 г.), Бордо и Кадиксе (1723 г.), в Китае (1719 г.) и Персии (1720 г.). Уже в этот период развитие торговли и необходимость обеспечить развитие экономики страны приводили к пониманию важности задач по поиску новых каналов сбыта продукции, изучению законодательства и конъюнктуры основных рынков, повышению информированности зарубежных потребителей о российской продукции. На протяжении всего имперского периода среди основных их функций были всестороннее содействие российским купцам и казне в торговле за рубежом, а также решение текущих вопросов, связанных с торговыми судами, а в XIX веке — и с военными кораблями.

После Октябрьской революции 1917 года в соответствии с идеологическими представлениями Декретом Совета народных комиссаров «О национализации внешней торговли» от 22 апреля 1918 года [2] введена государственная монополия на внешнюю торговлю. Министерство торговли и промышленности было преобразовано в Наркомат торговли и промышленности РСФСР, при нем — образован Совет внешней торговли. В конце 1917—1918 году США, Великобритания и Франция прекратили торговые отношения с Советской Россией, в октябре 1919 года страны Антанты приняли решение о ее полной экономической блокаде. В январе 1920 года они в связи с ущербом своим экономикам и под давлением внутренней оппозиции отказались от попытки торговой блокады, но в обмен на импортные товары соглашались брать лес, нефть и зерно, потом — только зерно, что, по мнению историков, стало одной из причин голода 1930-х годов.

В 1920 году Наркомат торговли и промышленности РСФСР преобразован в Наркомат внешней торговли РСФСР. Управле-

ние торговлей выделилось в самостоятельную сферу. В СССР вопросами внешнеэкономических связей занимались в 1923—1925 годах и в 1930—1988 годах Наркомат (в 1946 г. преобразован в Министерство) внешней торговли, в 1925—1930 годах — Наркомат внешней и внутренней торговли, в 1988—1991 годах — Министерство внешних экономических связей, а также в 1957—1988 годах — Государственный комитет Совета министров СССР (с 1978 г. Государственный комитет СССР) по внешним экономическим связям.

Сформировавшееся советское государство нуждалось в притоке валюты, даже в условиях «военного коммунизма» 1918—1921 годов — политики, с одной стороны, вызванной дезорганизацией народного хозяйства в результате участия России в Первой мировой войне, революционных событий и последовавшей за ними Гражданской войны, а с другой стороны, отвечавшей представлениям большевиков о социалистическом обществе (среди них — ликвидация товарно-денежных отношений, уравнильное распределение материальных благ) [см. подробнее: 7]. Система торгового представительства создавалась заново. Первое Торгпредство было открыто в Великобритании в 1920 году, после снятия экономической блокады Советской России. Его руководителем до 1923 года был лично Нарком внешней торговли РСФСР Л. Б. Красин. Торгпредство в Великобритании по сей день носит историческое название Торговой делегации Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии.

В числе первых торговых представительств РСФСР были также учреждены торгпредства в Италии, Германии, Швеции, Австрии, Турции, Иране и ряде других стран. Их правовой статус был определен «Положением о торговых представительствах и торговых агентствах Союза ССР за границей» (далее — Положение), утвержденным Центральным исполнительным комитетом и Советом народных комиссаров СССР 13 сентября 1933 года [9].

Функционал торговых представителей описывается в исторической научной традиции следующим образом: «Торгпреды, осуществляя за границей монополию внешней торговли, одновременно получают всю необходимую информацию экономического характера и поддерживают деловые связи с местными хозяй-

ственными учреждениями, банками и торгово-промышленными кругами» [5, с. 778].

Будучи наделенными широкими полномочиями в соответствии с Положением 1933 года, торговые представительства регулировали и осуществляли внешнюю торговлю СССР со страной пребывания. В соответствии с пунктом 3 Положения торговые представительства на основе государственной монополии внешней торговли проводили операции по внешней торговле для организаций, предприятий, учреждений и граждан, участвующих во внешнеторговом обороте СССР, регулировали и контролировали торговую деятельность отечественных организаций, допущенных в установленном порядке к самостоятельному выходу на внешний рынок, выдавали участвующим во внешнеторговом обороте организациям и гражданам разрешения на совершение в стране пребывания торгового представительства действий по внешней торговле, а также выдавали разрешения на ввоз в страну товаров, свидетельства о происхождении товаров, разрешения на транзит товаров через СССР [11].

Являясь составной частью соответствующих полномочных представительств Союза ССР за границей и пользуясь преимуществами последних, торговые представительства одновременно подчинялись Народному комиссариату внешней торговли [10].

Примечательно, что аналогичная система двойного подчинения была характерна для института представительства экономических интересов Российской империи за рубежом: изначально консулы, учрежденные Петром I, находились в двойном подчинении — экономическому (Коммерц-коллегии) и внешнеполитическому (Коллегии иностранных дел) ведомствам. Эта практика будет иметь продолжение и в современной системе торговых представительств.

Торгпредства как участники торгового оборота могли заключать договоры и сделки от имени СССР и даже участвовать в судебных разбирательствах за рубежом. Так, в соответствии с пунктом 4 Положения допускалось выступление торгпредства «перед иностранными судебными органами в качестве истца»; в качестве ответчика торговые представительства могли выступать перед иностранными судебными органами лишь по спорам,

«вытекающим из торговых сделок, заключенных торговым представительством в данной стране» [12]. Фактически утверждалась возможность общения с контрагентами по юридическим тяжбам, при том что в формулировке Положения о торговых представительствах 1933 года учтено наличие монополии на внешнюю торговлю, при которой посреднические услуги перестали быть востребованы. В данном пункте усматривается наследие Устава для российских консулов в Европе и Америке, утвержденного императором Александром I 25 октября (6 ноября) 1820 года. Согласно данному документу консулам вменялось в обязанность быть «посредниками в тяжбах и ссорах по делам торговли и до торговли относящимися» [8].

Торговые представительства были открыты во всех странах, с которыми Советский Союз имел торговые отношения, особо крупные — в социалистических и развивающихся странах [3, с. 14].

В соответствии с «Положением о торговых представительствах СССР за границей» 1982 года [13], которое пришло на смену Положению 1933 года, основными задачами советских торгпредств в условиях государственной монополии на внешнюю торговлю оставались:

- 1) представление интересов СССР в странах пребывания по всем вопросам, касающимся внешней торговли и других видов внешнеэкономической деятельности;
- 2) содействие развитию внешней торговли и других видов внешнеэкономической деятельности между СССР и странами пребывания;
- 3) оказание содействия советским внешнеторговым и иным хозяйственным организациям, получившим в установленном порядке право выхода на внешние рынки, в осуществлении внешнеторговых сделок с организациями и фирмами стран пребывания;
- 4) осуществление наблюдения за исполнением заключенных между СССР и государствами пребывания международных договоров по вопросам внешней торговли, а также торгово-экономического и промышленного сотрудничества.

Для реализации данных задач торгпредства сохраняли за собой следующие функции:

- 1) аналитическая по изучению экономических условий и торговой конъюнктуры стран пребывания [14];
- 2) PR — по информированию учреждений и организаций стран пребывания об экономических и коммерческих условиях в СССР [14];
- 3) контроль за соблюдением советскими внешнеторговыми и иными хозяйственными организациями, получившими в установленном порядке право выхода на внешние рынки, законодательства Союза ССР по внешней торговле [15];
- 4) содействие советским внешнеторговым и иным хозяйственным организациям в проведении переговоров, заключении и исполнении внешнеторговых сделок с организациями и фирмами в странах пребывания [16];
- 5) выдача разрешений на ввоз товаров в СССР [17];
- 6) участие в работе межправительственных комиссий и комитетов по вопросам торгово-экономического и промышленного сотрудничества [18].

При этом советское государство несло ответственность по обязательствам торгпредств [19].

Положение о торгпредствах 1989 года [20], скорректировавшее предыдущее Положение 1982 года, сохранило большинство задач и функций торгпредств, однако всё же стало вехой переходного периода: в нем уже не содержится упоминаний о государственной монополии на внешнюю торговлю, ее место заняла «защита в странах пребывания экономических интересов советских участников внешнеэкономической деятельности» [21].

Таким образом, торгпредства выполняли две основные функции: контролировали исполнение торговых соглашений и собирали данные об экономическом положении в стране пребывания.

Внешнеторговая деятельность оставалась важным столпом экономики СССР и обеспечивалась посредством системы внешнеторговых объединений и системы торговых представительств за рубежом. Как отмечалось выше, до политической и экономической перестройки второй половины 1980-х годов данная система функционировала в условиях государственной монополии на внешнюю торговлю. Главными задачами торговых представительств в подобных условиях были: подготовка и заключение внешнеторговых контрактов на поставки советских товаров

за рубеж и закупку необходимых товаров в странах пребывания торгпредств, контроль исполнения торговых соглашений и детальная аналитика экономических условий и торговой конъюнктуры. Помимо этого торгпредства отвечали за привлечение иностранного капитала к промышленной, торговой и иной хозяйственной деятельности в СССР.

Некоторые значимые примеры из практики работы советских торгпредств приводит А. С. Иванов [4]. Так, 2 мая 1986 года торгпредствами СССР в Голландии и США в считанные часы был решен вопрос по закупке, согласованию лицензии и поставке в СССР жизненно необходимых для спасения людей на месте аварии на Чернобыльской АЭС многоканальных анализаторов. Курируя вопросы закупки товаров за рубежом, торгпредства успешно добивались максимально низких закупочных цен на жизненно важные товары, приобретаемые за границей. В статье А. С. Иванова описан также пример успешно проведенной переговорной линии, позволившей снизить стоимость закупки пшеницы в США на 1/3 по сравнению действовавшими договорными обязательствами.

С распадом Советского Союза и изменением политического устройства актуальность обеспечения интересов страны и других экономических агентов во внешнеэкономической сфере только выросла. В условиях ликвидации монополии государства на внешнюю торговлю потребовались: привлечение зарубежных инвестиций, поддержка отечественных предпринимателей за рубежом, а задачи по продвижению экспорта и организации внешнеторговых операций приобрели еще большее значение. Существовавшие инструменты требовали реформирования и новой настройки для действий в условиях рыночной экономики не только зарубежных стран, но и нашей страны.

Монополия государства на осуществление внешней торговли канула в Лету, и при современном устройстве мира в прежнем виде ее осуществление невозможно, однако некоторые элементы советской практики внешнеэкономической деятельности можно было бы сохранить. При осуществлении рыночной торговли возникают разного рода тарифные и нетарифные барьеры, ограничивающие внешнюю торговлю. Вместе с тем их действие можно ослабить. Так, исследование В. О. Никишиной в области доступа российских товаров на зарубежные рынки показывает, что в тех

странах, где Российская Федерация «имеет сильные торговые представительства, возглавляемые опытными руководителями, количество вводимых ограничений удастся существенно сократить или предотвратить вовсе» [6, с. 112]. Представляется, что даже довольно крупные компании не могут с максимальной эффективностью отстаивать свои интересы за рубежом самостоятельно, государство должно быть активным участником переговорного процесса по формированию наиболее благоприятных условий доступа отечественных компаний на зарубежные рынки.

Опыт по организации импорта ряда товаров также мог бы быть применим сегодня в отношении закупки зарубежных товаров для государственных нужд нашей страны и отдельных регионов: это позволит не только обеспечить осознанный выбор в пользу товаров надлежащего качества, но также обеспечить необходимую прозрачность таких закупок.

Функции по аналитике зарубежных рынков востребованы сегодня, но в условиях отсутствия государственной монополии встают вопросы о распространении полученных данных среди заинтересованных компаний, с одной стороны, и о постановке задачи торгпредствам по первоочередному изучению тех или иных отраслей и контролю качества (коммерческой применимости) аналитических материалов — с другой. На следующем этапе встает вопрос об оказании содействия в проведении переговоров, заключении и исполнении внешнеторговых сделок — здесь также может быть полезен советский опыт в части наработки ряда значимых контактов потенциальных крупных импортеров по каждой из отраслей. Попыткой поиска ответов на эти вопросы обусловлено многократное реформирование торгпредств.

Литература

1. *Андреева Л.В.* Коммерческое (торговое) право. – М.: Кнорус, 2012. – 481 с.
2. Декрет СНК «О национализации внешней торговли» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1942.
3. *Дорохина О.* История внешнеторговых представительств России // Коммерсантъ – Власть. – 2013. – № 19.
4. *Иванов А.С.* Страницы истории торговых представительств России за рубежом // Российский внешнеэкономический вестник. – 2006. – № 11. – С. 51–57.
5. История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина. – Т. 3. – М.: ОГИЗ, 1945. – 883 с.
6. *Никишина В.О.* Управление доступом российских товаров на рынки зарубежных государств в современных условиях: дис. ... канд. экон. наук. – М., 2006. – 211 с.

7. *Новикова Л.Г.* «Военный коммунизм» // Большая российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/1923764 (дата обращения: 27.01.2021).
8. Полное собрание законов Российской империи. – 1-е собрание. – Т. 37. – № 28444.
9. Положение о торговых представительствах и торговых агентствах Союза ССР за границей (утв. постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 13.09.1933).
10. Положение о торговых представительствах и торговых агентствах Союза ССР за границей (утв. постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 13.09.1933). – П. 2.
11. Положение о торговых представительствах и торговых агентствах Союза ССР за границей (утв. постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 13.09.1933). – П. 3.
12. Положение о торговых представительствах и торговых агентствах Союза ССР за границей (утв. постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 13.09.1933). – П. 4.
13. Положение о торговых представительствах СССР за границей (утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29.09.1982 № 8012-Х).
14. Положение о торговых представительствах СССР за границей (утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29.09.1982 № 8012-Х). – П. «в» ст. 4.
15. Положение о торговых представительствах СССР за границей (утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29.09.1982 № 8012-Х). – П. «е» ст. 4.
16. Положение о торговых представительствах СССР за границей (утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29.09.1982 № 8012-Х). – П. «ж» ст. 4.
17. Положение о торговых представительствах СССР за границей (утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29.09.1982 № 8012-Х). – П. «з» ст. 4.
18. Положение о торговых представительствах СССР за границей (утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29.09.1982 № 8012-Х). – П. «и» ст. 4.
19. Положение о торговых представительствах СССР за границей (утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29.09.1982 № 8012-Х). – Ст. 6.
20. Положение о торговых представительствах за границей (утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30.03.1989 № 10245-ХI).
21. Положение о торговых представительствах за границей (утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30.03.1989 № 10245-ХI). – П. «д» ст. 2.
22. *Уляницкий В.А.* Русские консульства за границей в XVIII в. – Ч. 1. – М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. – 678 с.

Иголкин Иван Юрьевич,

кандидат исторических наук, ведущий специалист-эксперт,
Представительство МИД России в г. Воронеже.

Ivan Yu. Igolkin,

Ph.D. (History),
senior expert of the Representative office of the Russian
Foreign Ministry of Voronezh.

E-mail: ioann-kam@mail.ru

**О ПРОВЕДЕНИИ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ
МЕЖДУ РОССИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ В НАЧАЛЕ
ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I**

**ON PEACE NEGOTIATIONS BETWEEN RUSSIA AND
FRANCE AT THE BEGINNING OF THE REIGN OF
EMPEROR PAUL I**

Аннотация: в статье рассматриваются шаги, предпринятые российским императором Павлом I в 1797—1798 годах по проведению мирных переговоров с руководством Французской Республики. В качестве причины, послужившей началом русско-французских переговоров, выступило обоюдное желание восстановления торговых и дипломатических связей. В работе дается анализ переписки императора Павла I со своими дипломатическими представителями на предмет условий будущего мирного договора, демонстрирующей гибкость петербургского двора в вопросах примирения с Парижем. Автор рассматривает переговорный процесс, проходивший в Берлине между уполномоченными двух стран, и приходит к выводу, что причиной их провала послужило как наличие оппозиции мирному курсу императора среди придворных кругов, так и нежелание Парижа ограничивать свою внешнеполитическую экспансию заключением мирного договора с Россией.

Ключевые слова: русско-французские отношения, внешняя политика, мирные переговоры, император Павел I, Наполеон Бонапарт, Н. В. Репнин, Н. П. Панин, А. Кальяр.

Annotation: the article examines the steps taken by the Russian Emperor Paul I in 1797—1798 to conduct peace negotiations with the leadership of the French Republic. The reason for the beginning of the Russian-French negotiations was the mutual desire to restore trade and diplomatic ties. The publication analyzes the correspondence of emperor Paul I with his diplomatic representatives on the terms of the future peace treaty, demonstrating the flexibility of the St. Petersburg's court in matters of reconciliation with Paris. The author examines the negotiation process that took place in Berlin between the plenipotentiaries of the two countries, and comes to the conclusion that the reason for their failure was both the presence of opposition to the peaceful course of the emperor among the court circles, and the unwillingness of Paris to limit its foreign policy expansion to the conclusion of a peace treaty with Russia.

Key words: Russian-French relations, foreign policy, peace talks, Emperor Paul I, Napoleon Bonaparte, N. V. Repnin, N. P. Panin, A. Caillard.

Для русско-французских отношений периода правления императора Павла I было характерно маятниковое движение — от попыток остановить французскую экспансию посредством участия Русской армии и флота в военных действиях, проводимых Второй антифранцузской коалицией в 1799 году (Итальянский и Швейцарский походы А. В. Суворова, Средиземноморский поход Ф. Ф. Ушакова), до шагов, направленных на примирение с Первым консулом Н. Бонапартом и заключение с ним союзного договора в 1800—1801 годах.

Вместе с тем попытки установить основы мирного сосуществования с революционной Францией предпринимались Павлом I еще в самом начале его правления, а именно в 1797 году.

Исследованию русско-французских отношений в начале царствования Павла I были посвящены работы дореволюционных исследователей, а также сборники документов, рассматривающие в том числе и вопросы внешней политики России (А. Г. Брикнер, А. А. Васильчиков, Ф. Ф. Мартенс, Д. А. Милютин, В. Тимирязев, А. С. Трачевский) [4—7; 10; 11]. Помимо этого данный аспект русско-французских контактов в общих чертах изучался как советскими, так и российскими исследователями (М. Ц. Арзаканян, Ю. Борисов, А. М. Станиславская) [1; 3; 9].

Все перипетии переговорного процесса русских и французских дипломатических представителей, а также реакции на это императора и его сановников (рескрипты государя, переписка отечественных дипломатов с Петербургом и друг с другом) отложились в Архиве внешней политики Российской империи МИД России, в фонде, посвященном сношениям России с Пруссией [2].

Начало правления императора Павла I было ознаменовано снижением внешнеполитической активности России. Так, в рескрипте посланнику в Константинополе В. П. Кочубею от 16 декабря 1796 года император писал: «Верховное правило нашей политики будет умеренность. Мы предположили себе не желать чужого, но, сохраняя свои пределы, в них утверждать тишину и благоденствие. Готовы мы соблюдать с союзниками и друзьями наши обязательства, но только чтоб оные чрез край взаимной обороны не преступали...» [8].

В циркулярном письме российским посланникам фактический глава российского внешнеполитического ведомства ви-

це-канцлер И. А. Остерман, объясняя причины миролюбия императора, отмечал, что: «Россия, будучи в непрерывной войне с 1756 года, есть потому единственная в свете держава, которая находилась 40 лет в несчастном положении истощать свое народонаселение. Человеколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезным его подданным в принужденном и желаемом ими отдохновении, после столь долго продолжавшихся изнурений» [7, с. 10]. В то же время Иван Андреевич подчеркивал, что «хотя российское войско не будет действовать против Франции..., государь не менее затем, как и покойная его родительница, остается в твердой связи со своими союзниками и чувствует нужду противиться всевозможными мерами неистовой Французской республике, угрожающей всей Европе совершенным истреблением закона, прав имущества и благонравия» [7, с. 10].

Причина выбора такой внешнеполитической линии заключалась в тяжелом экономическом положении, унаследованном от предыдущего царствования, а также в стремлении вернуться к успешно проводимой в екатерининское царствование политике нейтралитета в англо-французском соперничестве [9, с. 94]. В итоге были прерваны все приготовления к походу русских войск во Францию, отменен рекрутский набор, эскадре вице-адмирала П. И. Ханыкова, находившейся в крейсерстве в Северном море, было приказано вернуться в свои порты.

Одновременно в Париже в среде руководителей Республики также наметилась линия на восстановление двусторонних отношений. Как писал историк В. Тимирязев: «Неожиданно проект примирения с Россией сделался популярным во Франции, и со всех сторон стали подавать в министерство иностранных сношений записки, советовавшие правительству войти в соглашение с новым императором» [10, с. 971; 11, с. 634—635].

В связи с тем, что в соответствии с Указом императрицы Екатерины II от 1793 года дипломатические связи между Россией и Францией были разорваны, французская сторона решила воспользоваться посредническими услугами Пруссии, которая с 1795 года, после заключения сепаратного мирного договора в Базеле, придерживалась политики нейтралитета в конфликте Парижа с европейскими монархиями.

17 декабря 1796 года министр иностранных дел Директории Ш. Делакруа дал французскому посланнику в Берлине А. Кальяру поручение через прусского министра иностранных дел К. Гаугвица встретиться с русским посланником в Берлине С. А. Колычевым и вступить с ним в переговоры относительно восстановления с Россией «старой дружбы и торговых сношений». Цель Директории была ясна: «Так как у нас нет прямых интересов с Россией, которые приходилось бы улаживать, то договор был бы очень прост: его можно бы свести к одной статье — о восстановлении старой дружбы и торговых сношений, причем мы желали бы установить эти сношения на взаимности наиболее благоприятствуемых наций» [11, с. 5].

А. Кальяр, будучи опытным дипломатом, не был согласен с таким предложением Директории. По его мнению, необходимо было проявить умеренность — для первого шага было бы достаточно добиться снятия запрета на ввоз французских товаров в Россию, а уже потом восстанавливать и дипломатические отношения. В соответствии со своими соображениями он переделал инструкцию своего правительства и в начале февраля 1797 года обратился с предложением к прусскому кабинету, прося его выступить в качестве посредника [7, с. 30].

Через прусского посла в Петербурге П. Брюля проект ноты А. Кальяра был отправлен царю. Император Павел I объявил, что готов на всё, что может способствовать восстановлению мира и спокойствия в Европе, и согласился допустить в российские порты из Франции вина и продовольствие. Предметы роскоши оставались запрещенными к ввозу, но даже эти незначительные уступки вступали в силу только «с того дня, когда во Франции установится твердое правительство» [10, с. 973—974].

Однако военно-политическая обстановка на итальянском театре военных действий внесла свои коррективы в переговоры, проходившие в Берлине. В 1796 году Франция нанесла сокрушительный удар по остаткам антифранцузской коалиции на континенте — Австрии и Пьемонту. Итальянская армия под командованием генерала Наполеона Бонапарта за несколько недель разгромила противостоящие ей союзные армии и уже в мае вынудила пьемонцев заключить с Францией мир. Затем французы, заняв всю Северную Италию, образовали на оккупированных

территориях Цизальпинскую и Генуэзскую республики. 7 апреля 1797 года австрийский император Франц II вынужден был предложить Франции перемирие на шесть дней, а также обратиться к императору Павлу I с просьбой оказать Вене военную помощь и принять на себя посредническую миссию для примирения противоборствующих сторон. «Что касается до условий мира, — писал австрийский министр иностранных дел Ф. Тугут, — то венский двор с неограниченным доверием вручает свои интересы правосудию, прямодушию и дружественному расположению августейшего своего союзника и готов беспрекословно следовать советам его величества» [7, с. 31—32]. Эти просьбы австрийского императора были получены Павлом 14 апреля 1797 года в Москве, где он праздновал свое венчание на царство. В тот же день войскам трех дивизий¹ — Смоленской, Екатеринославской и Таврической — и 18 донским казачьим полкам было приказано готовиться к походу для оказания помощи союзнику [7, с. 32].

«Желая способствовать общему в Европе миру» [2, л. 1], стремясь сохранить территориальную целостность Австрии и пытаясь вернуть Пруссию в разваливающуюся антифранцузскую коалицию, а также содействовать примирению враждующих немецких государств, Павел I направляет с официальным визитом в Берлин и Вену князя Н. В. Репнина.

В рескрипте на имя князя от 15 апреля 1797 года ему предписывалось в ходе разговоров с прусским королем и австрийским императором «признав Францию Республикой положить... ей пределом от стороны Италии Альпийские горы, токо же и Нидерланды в пользу ея оставить... В самом крайнем случае согласиться на границу от Германии по Рейну, но с заменю для Принцев Имперских, которыя за Рейном свои владения потеряют, через секуляризацию некоторых духовных княжеств...» [2, л. 1 об–2]. Вместе с тем государь отмечал, что «покаместно сие примирение не утвердится, то... для собственной нашей предосторожности и безопасности должны мы тотчас вооружиться всею нашей силою» [2, л. 2].

Помимо этого император предлагал Н. В. Репнину «без аффектации встретиться с Кальяром... для равномерного переговора, предлагая им бескорыстие наше и желание лишь прекратить

¹ Дивизиями назывались в то время округа, где войска постоянно располагались.

вред войны и видеть каждого в спокойном и мирном положении» [2, л. 2—2 об].

В еще одном рескрипте, адресованном Николаю Васильевичу и датированном 19 апреля 1797 года, российский император отметил, что «признание Республики Французской не должно ствует... встречать от какой-либо державы затруднения. Оно само собой учинится, когда воюющие дворы с нею на конгрессе трактовать станут...» [2, л. 24]. Относительно европейских границ Павел I писал Н. В. Репнину, что их восстановление в довоенном состоянии невозможно. По этой причине предлагалось удовлетворить французов частью Нидерландов. Одновременно государь поручал своему посланнику отстаивать территориальную целостность оставшихся австрийских владений и неприкосновенность Германской империи: «Легко однако же быть может, что правление французское... возвысит свои требования даже до той степени, чтобы реку Рейн определить границей; в таком случае полагаемся на ваше усердие и искусство, что вы, в разговорах ваших с королем прусским и с его министрами, с твердостью мысль сию отражать станете, утверждая, что вышесказанное наше ручательство на трактат Тешенский и наше достоинство не позволяют нам согласиться на такую крайность, которая, распространяя внутрь Европы французские владения, открывает сей нации способы к удобнейшему расширению зла, которого, конечно, первыя следствия у соседей прочувствованны будут» [2, л. 24 об–25].

Что касается границы Франции со стороны Италии, то император советовал князю в разговорах с прусским и австрийским монархами, признать ею Альпийские горы при условии вознаграждения короля Сардинии. Павел I полагал, что если Франция будет усиливаться в Италии посредством создания малых республик, «то сила ее не долго там утвердится во вред другим» [2, л. 26].

В заключение Павел I заявил, что, если «мирная негоциация остановится за упорством и неумеренными желаниями союзников наших, так что венский двор, несмотря на всю видимую опасность и для себя, и для других от продолжения войны, не окажет ни малой склонности к... уступкам, в таком случае... принуждены будем оставить их собственному их жребию, огранича себя ограждением собственных наших предметов от распростра-

нения войны и с нею сопряженных зол... но буде французское правление прострет буйство свое на крайнее угнетение венского двора и неистовыми требованиями преисполнит меру, тогда уже честь и безопасность наша востребуяут деятельного нашего вопреки тому пособия. На оба сие случая решились мы учинить всеми силами нашими вооружение дабы на всякую сторону оборотиться, куда достоинство наше и оборона империи нашей в ея целостности призывать будут» [2, л. 28—28 об].

В связи с тем, что венский двор 18 апреля 1797 года поспешно заключил прелиминарный (предварительный) мирный договор с Францией в городе Леобене, посольство князя Н. В. Репнина было отменено. Суть данного документа сводилась к признанию за Францией Нидерландов, Савойи и графства Ниццы, а также части Ломбардии между реками Адда и Олио и герцогства Моденского. Взамен Вена получала земли бывшей Венецианской республики до реки Олио [7, с. 34]. Венский кабинет, извещая императора Павла I о заключенном договоре, снова просил его взять на себя посредничество в предстоящих переговорах по заключению окончательного мирного договора с Францией. В свою очередь российский император изъявил готовность направить своего представителя на конгресс в Берне, на котором должна была решиться в том числе и судьба Священной Римской империи [7, с. 34].

В то же время Директория была недовольна самовольными действиями А. Кальяра по налаживанию отношений с Петербургом и предписала ему исполнять ее приказания, переслав проект ноты, которую следовало передать российскому посланнику. А. Кальяр, подчинившись своему правительству, передал ноту не российскому представителю С. А. Колычеву, а напрямую в Петербург через прусского министра иностранных дел К. Гаугвица. Вместо краткого заявления Директории о желании Французской республики восстановить мирные и дружественные отношения, существовавшие между обеими странами до войны, и о готовности ее вступить в переговоры с лицами, которых укажет император, А. Кальяр написал следующий документ: «Нижеподписавшийся полномочный министр Французской республики при его величестве короле прусском уполномочен исполнительной властью республики довести до сведения министерства его ве-

личества о желании республики восстановить мирные и дружеские отношения, которые существовали до войны между Францией и Россией, и о готовности Директории войти в переговоры по этому предмету с теми лицами, которых императору будет угодно снабдить своим доверием. Уверенный, что министерство его величества не может ожидать ничего более, соответствующего его желаниям, как подобное предложение содействовать *восстановлению гармонии между двумя нациями, предназначеными самой природой оказывать пользу друг другу, при невозможности прямо вредить одна другой* (выделено мною. — И. И.), нижеподписавшийся просит с полным доверием кабинет его величества хорошенько обдумать этот важный вопрос, довести с наивозможной поспешностью до сведения русского императора намерения Директории, выраженные в этой ноте, и употребить все средства, доставляемые ему интимными сношениями с петербургским двором, чтоб добиться от императора решения, соответствующего желаниям Директории, а равно и всего человечества, так как ничто так не ускорит возвращение общего мира» [10, с. 974].

В ответ на ноту А. Кальяра император приказал вице-канцлеру А. А. Безбородко подготовить ответ прусскому посланнику в Петербурге П. Брюлю, в котором было отмечено, что Россия не считает себя находящейся в войне с Францией и что император не только не выражал никогда никаких враждебных намерений против Парижа, но и распорядился отменить выступление русской армии против французов и действовал на своих союзников в целях заключения мира. По этой причине его величество готов принять предложения французского правительства и выражает желание направить свои усилия к сближению воюющих держав и восстановлению спокойствия, а также принять непосредственное участие в «общем успокоение» и выступить в качестве арбитра [10, с. 977].

Российскому послу в Берлине С. А. Кольчеву было предписано действовать в соответствии с инструкциями, данными князю Н. В. Репнину. Он получил указания «без всякой аффектации» встретиться с Кальяром, «войти с ним в разговор о положении общих дел» и дать ему понять, что Россия себя «в войне с Францией не почитает» [2, л. 1—1 об]. Результатом этих переговоров,

по мнению императора, должно было стать примирение между союзниками царя и Францией, после чего Россия готова была «вступить в те с сею державою (Францией. — *И. И.*) сношения, кои с положением нашим сходствовать могут» [2, л. 1 об].

Вследствие этого указания в первой половине июля 1797 года начались прямые переговоры между российским и французским посланниками в Берлине. Вот как описал в письме к царю первую встречу с французским дипломатом российский посланник в Берлине С. А. Колычев: «... встретился я в прошлую среду 8 (19) числа сего месяца с французским министром Кальяром на балу... у его королевского высочества принца Фердинанда: он первый подал случай к разговору... и... пользуясь случаем... довел я речь и до положения общих дел. Тут он, оказав желание изъясниться со мною свободнее, просил меня назначить ему час для свидания на другой день за городом в парке... В назначенный час свидясь с ним, открыл он речь свою... объявив мне..., что он, имея доверенность Директории, может смело сказать мне, что настоящее Франции правление... искренне желает возобновить с Россией доброе согласие, основанное на обоюдной пользе...» [2, л. 73—75 об].

На это заявление С. А. Колычев отметил, что Россия «не почитает себя в войне с Францией» и что император «не удален от возобновления дружеских сношений со всеми державами, имеющими свое политическое бытие, и что как скоро примирение между союзниками... и Францией последует», то Павел I «охотно вступит в те с нею сношения, кои в положении интересов российских сходствовать будут...» [2, л. 76 об–77 об].

Желая устранить со своей стороны всякий предлог к отсрочке примирения, Павел I решил отправить в Берлин графа Н. П. Панина чрезвычайным посланником для продолжения начатых переговоров с Францией и для заключения с ней формального мира. Более неподходящую кандидатуру для ведения переговоров о сближении России с Францией, чем 27-летний Н. П. Панин, трудно было себе представить. Молодой аристократ был ярким противником Французской революции и полагал, что сближение Петербурга и Парижа скомпрометирует императора Павла I в глазах европейских монархов.

В рескрипте от 5 июля 1797 года графу повелевалось устроить встречу с французским посланником: «Хотя мы непосредствен-

ными действиями в войне с французами и не находимся... для восстановления спокойствия и доброго согласия, мы не токмо не излишним, но паче нужным почитаем заключить с правлением французским акт или конвенцию мирную». В случае заключения этого акта император мог выступить в роли посредника в деле общего умиротворения Европы. В то же время император велел Никите Петровичу следующее: «... буде французское правление окажет свое желание (начать мирные переговоры. — *И. И.*), тогда вы можете уверить оное в нашей готовности споспешествовать прекращению народных бедствий» [2, л. 2 об, 6—6 об].

Н. П. Панин должен был объяснить А. Кальяру, что он уполномочен «вступить в трактование с тем, кто от Республики Французской к сему назначен будет, и как скоро он или кто другой отзовется», граф может «с ним войти в переговоры и заключить мирный договор» [2, л. 3 об]. В случае если бы французский посланник пожелал восстановить прежний торговый договор, заключенный между Россией и Францией в 1787 году, то Н. П. Панину приказывалось уходить от таких переговоров: «Торговля в империи нашей отверста для всех народов не в войне с нами пребывающих, нигде не пользуется она такими свободами и удобствами как здесь; но в рассуждении ввозных товаров мы не можем обойтись без некоторых ограничений. Вещи не к выгоде жизни, но к одной суетной и показательной только роскоши служащие какими наипаче французские рукоделия славятся, пожирали бы с избытком все, что трудами и п том земледельца или ремесленника приобретается, как то видели опыты сему до 1794 года» [2, л. 4].

Впрочем, и политические отношения с Францией император желал возобновить только ради всеобщего примирения: «... что принадлежит до политических сношений, мы тут также не пользу, а более затруднения предусматриваем... Довольно было бы на первое время агентов или консулов, где самая сущая необходимость для торговых дел востребует: что же до взаимных миссий касается, мы весьма желали чтобы сие отослано было к удобнейшему времени, по крайней мере покуда можно будет видеть, поколико существование настоящего во Франции правления останется внутри прочным, и каким образом сие правление станет вести себя в рассуждении других держав... Ежели французское правление простелет буйство свое до такой степени, что сделало

вам предложение о возвращении земель от бывшей Польше к Империи нашей присоединенных, то вы возража оное как нескладное и в котором мы общее и нераздельное с союзниками нашими императором Римским и королем Прусским составляем дело, при дальнейшем настоянии с твердостью дайте чувствовать всю нелепость подобных затей... где достоинство наше... оскорбляется; при упорстве же прервите переговоры» [2, л. 5—6].

Наконец, Павел I, заботясь о французских политических мигрантах, поручил Н. П. Панину: «... отвращайте... всякие замашки французские во вред и пагубу их одноземцев, учинившихся жертвою приверженности их к законному своему государю, возражая... что не лишаем мы себя права дать спокойное убежище несчастным, кои по разнообразию мыслей с правлением вновь ныне во Франции наставшем, опасаясь мщениа, ищут одной только для себя безопасности» [2, л. 6 об].

Таким образом, в адресованных Н. В. Репнину и Н. П. Панину императорских рескриптах прослеживалась следующая линия поведения России по отношению к Франции: признание новых границ Французской республики в Германии (по Рейну) и в Италии (по Альпийским горам), приглашение Парижа принять участие в конгрессе, решавшем судьбу Германии. В то же время Петербург не проявлял заинтересованности в налаживании ни торговых, ни политических связей с Парижем до тех пор, пока там не установится твердая власть. Одновременно с этим российский самодержец намеревался выступить в роли общеевропейского арбитра и посредника в деле примирения Франции и участников антифранцузской коалиции. Заявляя при этом, что Россия не останется безучастной в случае продолжения экспансионистской политики Парижа.

По приезду Никиты Петровича в Берлин состоялись его переговоры с К. Гаугвицем, в ходе которых граф донес до сведения прусского министра позицию своего императора, особо указывая на его стремление к посредничеству. Когда К. Гаугвиц передал этот разговор А. Кальяру, то последний заявил, что он получил новые инструкции от Талейрана, в соответствии с которыми Директория отклоняла посредничество русского царя под тем предлогом, что «переговоры, уже начатые с Англией и венским двором, в виду усилий Директории, по всей вероятности, вскоре

придут к желанному окончанию и что место переговоров отстоит так далеко от Петербурга, что вмешательство уполномоченного его величества не только не ускорит заключение мира, но, напротив, отсрочит его и тем вместо исполнения задушевного желания императора пойдет ему наперекор» [10, с. 980].

Н. П. Панин признал указанную причину убедительной и вскоре при содействии прусского министра иностранных дел состоялась первая встреча графа с А. Кальяром. В связи с тем, что вопрос о посредничестве вызывал споры сторон, было решено отложить его до более удобного времени. Тем временем российский и французский представители приступили к обсуждению проекта мирного договора. У каждой стороны был свой проект, и после долгих прений была составлена общая редакция.

Главным условием переговоров являлось стремление восстановить мир и доброе согласие. Каждая из договаривающихся сторон должна была отказаться от предоставления «врагам другой, ни вне, ни внутри своих пределов, какой-либо помощи, ни людьми, ни деньгами, под каким бы то ни было предлогом». Кроме того, предполагалось определить положение «взаимной торговли новым трактатом на основании справедливости, доверия и общей пользы обеих стран»¹.

Этот проект был основан на взаимных уступках. А. Кальяр отказался от включения в договор статьи о введении в отношении каждой из договаривающихся сторон режима наибольшего благоприятствования в торговле, а российская сторона отказалась от формулировки, что лица, нарушающие общественный порядок в одной из стран, могут быть там подвергнуты ссылке, а их правительства не вправе требовать выдачи виновных. Несмотря на то что А. А. Безбородко признал условия проекта «совершенно уместными и приличными», император, получив этот проект, нашел требования Франции «невместными и большею частью излишними» [10, с. 982—983].

Французское правительство также подвергло критике проект соглашения, в особенности ту статью, которая устанавливала преследования за политические убеждения, и предоставило свой контрпроект. В новой вариации договора, датированной 28 сентября 1797 года, говорилось о перезаключении торгового дого-

¹ Текст соглашения см.: 10, с. 981—982.

вора 1787 года. Российским и французским купцам и гражданам предоставлялось взаимное право торговать и путешествовать по территории России и Франции при условии подчинения законам и обычаям страны. Кроме того, стороны обязались обеспечить возвращение секвестрированного имущества частным людям обеих нации [4, с. 108—110; 10, с. 983; 11, с. 642 (прим. 24)]. Этот контрпроект был вручен А. Кальяром Н. П. Панину во время очередной встречи в парке Тиргартен.

Следует отметить, что в своих донесениях императору граф Н. П. Панин советовал не торопиться признавать данное соглашение, так как был убежден, что во Франции вскоре произойдет государственный переворот и будет восстановлена монархия.

Действительно, во Франции произошел государственный переворот, имеющий, однако, антироялистский характер — госпереворот 18 фрюктидора, по итогам которого положение Директории в стране значительно усилилось. Его причина заключалась в следующих событиях, происшедших во Франции: согласно Конституции 1795 года законодательная власть была разделена между Советом пятисот и Советом старейшин. Выборы в эти палаты проходили через двухступенную систему. В апреле 1797 года состоялись промежуточные выборы в законодательные палаты, на которых монархисты добились успеха. Возникла реальная угроза реставрации монархии. В страну стали возвращаться эмигранты и неприсягнувшие священники. В этих условиях 18 фрюктидора V года республики (4 сентября 1797 г.) по распоряжению Директории начались массовые аресты депутатов-монархистов и их высылка за границу, частично в Гвиану [1, с. 211—212].

После этого Директория в глазах европейских держав и Павла I стала еще более якобинским правительством. Поддавшись влиянию Австрии и Англии, император решил прервать переговоры с республикой, уведомив об этом Н. П. Панина и указав в качестве предлога арест французской эскадрой, занявшей Ионические острова, русского консула. В связи с его арестом царь приказал Н. П. Панину заявить А. Кальяру, что это событие «рушит всякое с ним сношение и переговоры», и дать понять ему, что «таковые дела не обещают ни добрую веру, ни искреннего желанья с ним сблизиться» [2, л. 34]. В то же время император писал

Н. П. Панину, что если французы отпустят Загурского, «то и назад в негоциацию можете нам воспрять свое действие» [2, л. 39].

Однако для руководителя французской внешней политики Ш. М. Талейрана истинные мотивы царя не составляли тайны: «Арест консула на венецианских островах явился предлогом для разрыва; его настоящий мотив заключался в обстоятельствах, которые существовали тогда, и в непрерывных усилиях Англии, имевших своей целью держать Россию привязанной к ее системе» [3, с. 115].

В то же время в конце 1797 года Павел I неоднократно ставил перед Н. П. Паниным вопрос о возобновлении русско-французских переговоров. «Кальяра искать ныне еще меньше прилично..., — писал государь Никите Петровичу 10 декабря 1797 года, — но нет нужды и убегать его, а должно всячески удобным случаем пользоваться, где можно давить его самого на возобновление с вами сношения и переговоров, о которых к дальнейшим постановлениям облагаем до того времени, когда он обратится к вам сам или через надежное посредничество» [2, л. 67 об–68 об]. Причина такого повеления заключалась в очередной перемене международной обстановки, а именно Австрия заключила с Наполеоном мирный договор в Кампоформии. Император Павел I, посчитавший себя свободным от обязательств, даваемых Вене, решил вновь возобновить переговоры с А. Кальяром при условии освобождения консула.

В январе 1798 года встречи Н. П. Панина и А. Кальяра в Берлине снова возобновились. Однако русскому посланнику стало известно про тайные переговоры между Директорией и поляками насчет восстановления Польши в прежних границах, о чем он и донес своему государю. В итоге Никита Петрович получил от императора следующее повеление: «На настоящее время предписания наши ограничиваем в том только, чтобы вы продолжали не искать, но и не убегать французского министра Кальяра, а если он сам собою паки вызовется к вам по делу, касающемуся до восстановления взаимного согласия... дайте ему зело разуметь, что как нам непосредственно, так и вам доходят известия о замыслах правления их возбуждать нам беспокойство в пограничных наших областях, что таковые известия тем меньше для нас сообразны и равнодушны быть могут, когда ви-

дим, что, с одной стороны, оказывается желание о сближении с нами, а с другой — намерение, совсем дружбе и доброй воле противныя...» — и далее Павел писал, что «ни о каком сближении помышлять нельзя, покуда не будем удостоверены в искренней к тому решимости французского правления и отложении всяких вредных видов насчет нашей империи. От дальнейшего изъяснения Кальяра на подобные внушения будет зависеть продолжение производства сей негоциации» [10, с. 986—987].

10 февраля 1798 года произошла последняя встреча Н. П. Панина и А. Кальяра в парке Тиргартен, и все контакты между ними прекратились.

На предложение А. Кальяра сделать первый шаг к возобновлению переговоров Ш. М. Талейран рекомендовал своему дипломату ждать, пока Н. П. Панин сам «вернется» к нему. «А до этого, — писал министр, — полнейшее безразличие и самое холодное признание должны стать теми двумя чувствами, на которых вам следует сосредоточиться» [3, с. 115; 10, с. 988]. В свою очередь и Никита Петрович также не вернулся к переговорам с французским представителем.

Весной 1798 года А. Кальяр был отозван из Берлина и заменен Э.-Ж. Сийесом, которого граф именовал не иначе, как «изверг», «негодяй из негодяев» и т. д. Сам же Н. П. Панин в это время делал всё возможное для привлечения Пруссии во Вторую антифранцузскую коалицию.

Так закончилась попытка русско-французского сближения. Переговоры между русским и французским уполномоченными, начатые в Берлине, провалились по причине того, что обе державы пришли к осознанию того, что ни одна из сторон не в состоянии решить задачи, поставленные перед ними сложной политической обстановкой. Так, стремления царя выступить в роли арбитра, сделав Россию политическим центром Европы и способствуя тем самым завершению войны в Европе, было обречено на провал из-за нежелания Франции связывать себя мирными соглашениями с Петербургом и его стремлениями к посредничеству. В Париже, напротив, желали только заключения двустороннего соглашения с Россией и ее политической изоляции для достижения политического господства в Европе.

Литература

1. *Арзаканян М.Ц.* История Франции. – М.: Дрофа, 2005. – 474 с.
2. Архив внешней политики Российской империи. – Ф. 74 (Сношения России с Пруссией).
3. *Борисов Ю.В.* Талейран. – М.: Рипол Классик, 2003. – 464 с.
4. *Брикнер А.Г.* Материалы для жизнеописания графа Н.П. Панина (1770–1837). – Т. 1–7. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1892. – Т. 2. Дипломатическая деятельность в Берлине, 1797–1799. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. – 408 с.
5. *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. – Т. 4. – Ч. 2: Светлейший князь Андрей Кириллович. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1887. – 603 с.
6. *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: в 15 т. – СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1874–1909. – Т. 6. Трактаты с Германией (1762–1808). – 1883. – 343 с.
7. *Милютин Д.А.* История войны 1799 г. между Россией и Францией в царствование императора Павла I. – Т. 1. – 2-е изд. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1857.
8. Россия и Европа в период и после Французской революции конца XVIII в. // Сайт ИДД МИД России. – URL: https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnye-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPpk1am/content/rossia-i-evropa-v-period-i-posle-francuzskoj-revolucii-konca-xviii (дата обращения: 26.02.2021).
9. *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья 1798–1807. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 504 с.
10. *Тимирязев В.* Отношения между Россией и Францией сто лет тому назад // Исторический вестник. – 1897. – Кн. 12. – С. 968–990.
11. *Трачевский А.С.* Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона. – Т. 1 (1800–1802) // Сборник императорского Русского исторического общества. – Т. 70. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. – С. I–XLIV.

Микаелян Арман Артакович,

аспирант,

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Москва.

Arman A. Mikaelyan,

Post-graduate student,

Moscow State Institute of International Relations (University) (Russia), Moscow.

E-mail: mikaelyan.a@inno.mgimo.ru

ОСОБЕННОСТИ ИЗРАИЛЬСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В АЗИИ

FEATURES OF ISRAEL'S DIPLOMACY IN ASIA

Аннотация: настоящая статья посвящена анализу усилий Израиля на неофициальном уровне по нормализации отношений с КНР и Индией (методы, рассматриваемые в статье, являются составной частью модели, на наличие которой указывается в конце статьи). На основе проведенного автором комплексного анализа израильско-китайских и израильско-индийских отношений была дана характеристика неофициальных методов внешней политики Израиля. В рамках исследования отмечено наличие модели неофициальной дипломатии Израиля, которая состоит из трех составных частей: 1) оказание неофициальной военной помощи или установление неофициального военно-технического сотрудничества; 2) активное участие частных лиц (бизнесменов и миллиардеров еврейского происхождения) в деятельности по продвижению интересов Израиля в отношении развития связей с иностранными государствами; 3) роль НПО, про-израильских лоббистских организаций и про-израильских иностранных политиков и дипломатов. Анализ показывает, что успешное функционирование данной модели неофициальной дипломатии Израиля обеспечивается синтезом и совокупностью всех составных частей. В исследовании делается вывод, что использование Израилем данной модели позволило Тель-Авиву добиться следующих целей: 1) военный аспект способствовал созданию положительного имиджа Израиля среди военно-политических кругов в КНР и Индии, тем самым был создан фундамент для дальнейшего развития израильско-китайских и израильско-индийских отношений; 2) прагматичные действия про-израильского лобби и про-израильских политиков и дипломатов способствовали оказанию влияния на решения руководства рассматриваемых стран.

Ключевые слова: внешняя политика Израиля, Израиль, КНР, Индия, США, Ближний Восток, Азия.

Abstract: the article analyses Israel's efforts at an informal level aimed at normalizing relations with China and India. Based on comprehensive analysis of Sino-Israeli and Indian-Israeli relations the study described methods of Israel's unofficial foreign policy. The article revealed the existence of unofficial model of Israel's diplomacy comprising of three parts: 1) unofficial military aid or unofficial military-technical cooperation; 2) active involvement of private individuals (businessmen and billionaires of Jewish origin) in actions that promote Israel's interests in developing relations with foreign states; 3) significant role is played by NGOs, pro-Israeli lobbying organizations as well as pro-Israeli politicians and diplomats. The analysis showed that the successful operation of Israel's unofficial diplomacy model is ensured by effective

use of all its constituent parts. The study concludes that this model allowed Israel to achieve following goals: 1) military dimension contributed to positive image of Israel withing military and political circles in China and India thus setting up basis for further development of Sino-Israeli and Indian-Israeli relations; 2) pragmatic actions of pro-Israeli lobbying organizations and pro-Israeli politicians and diplomats managed to influence decision making process of the countries under the consideration.

Key words: Israel's Foreign Policy, Israel, China, India, The USA, The Middle East, Asia.

История внешней политики Израиля в Азии уходит корнями в конец 1940-х годов и начало 1950-х годов. Несмотря на тот факт, что в указанный период приоритетом во внешней политике Тель-Авива было получение международного признания Государства Израиль и установление дипломатических и дружеских отношений со странами Западной Европы и США, азиатское направление не оставалось без внимания. В целом стоит отметить, что военно-политическое руководство Израиля еще в 1950-х–1960-х годах отдавало себе отчет о стратегической важности Азии и значимости развития отношений с двумя крупнейшими азиатскими державами — КНР и Индией. В частности, в 1963 году премьер-министр Израиля Д. Бен-Гурион заявил: «Китай и Индия — это две великие державы, и Израилю необходимо установить с ними отношения» [25, с. 56].

О заинтересованности руководства Израиля свидетельствует также решение МИД страны от 9 января 1950 года об официальном признании Тель-Авивом КНР [25, с. 44]. Данный шаг примечателен еще и потому, что ранее, в феврале 1949 года, Республика Китай (Тайвань) заявила о признании Израиля, однако ответной реакции со стороны Тель-Авива не последовало. Решение руководства Израиля основывалось прежде всего на глубоком анализе потенциала КНР [12, с. 206]. Более того, Израиль был седьмой страной, которая, не являясь членом социалистического лагеря, на официальном уровне признала КНР. Аналогичные шаги Израиль предпринял в отношении Индии, в частности 17 сентября 1950 года Израиль объявил об официальном признании Индии; в ответ на это 18 сентября Дж. Неру направил телеграмму главе МИД Израиля, в которой говорилось об официальном признании правительством Индии правительства Израиль [14, с. 129—130]. Спустя три года в городе Мумбай было открыто консульство Израиля [21, с. 118].

Тем не менее дипломатические отношения с КНР и Индией были установлены лишь 24 и 29 января 1992 года соответствен-

но. Развитию израильско-китайских и израильско-индийских отношений в период с 1950 по 1992 год мешал ряд факторов; при этом основной причиной, предотвратившей сближение Израиля с КНР и Индией, можно считать опасения, которые преобладали в Пекине и Нью-Дели относительно возможной негативной реакции арабских стран, которая могла проявиться в случае нормализации отношений с Израилем. В этих условиях в Израиле было принято решение прибегнуть к использованию неофициальных каналов для установления контактов с индийской и китайской сторонами. В целом можно выделить две цели для израильской дипломатии:

- 1) создание фундамента для последующей нормализации израильско-индийских и израильско-китайских отношений;
- 2) попытка оказания влияния на решения Нью-Дели и Пекина, чтобы ускорить процесс нормализации отношений.

Военная помощь и сотрудничество

Одним из методов, которым пользовался Израиль, является оказание неофициальной военной помощи стране, не имеющей дипломатических отношений с Государством Израиль, однако нормализация отношений с которой является приоритетной целью Тель-Авива. В этом контексте в качестве примера можно рассмотреть израильско-индийские отношения. В частности, в период с 1962 по 1971 год Израиль трижды оказывал военную помощь Индии [1, с. 127]. Отметим, что в 1962 году премьер-министр Индии Дж. Неру обратился с просьбой к главам иностранным государств оказать Индии военную помощь. Одна из телеграмм была отправлена Д. Бен-Гуриону. Причиной, по которой Неру пошел на такой шаг, является поражение Вооруженных сил Индии в конфликте с КНР в 1962 году. Принимая во внимание настрой руководства Израиля в отношении Индии, не удивительно, что израильская сторона дала положительный ответ, и в Индию была направлена партия стрелкового оружия [14, с. 255]. Аналогичным образом Израиль оказал военную помощь Нью-Дели в 1965 году во время вооруженного конфликта Индии и Пакистана, отправив минометы израильского производства. Третий случай неофициальной военной помощи Израиля Индии произошел в 1971 году, когда по решению премьер-министра Г. Меир в Ин-

дию была направлена партия минометов и группа израильских военных специалистов [6, с. 185]. Бывший начальник штаба ВВС Индии Н. А. К. Браун в своей статье утверждает, что минометы, поставленные Израилем в 1965 и 1971 годах, с лучшей стороны показали свою эффективность в ходе боевых действий [8, с. 326]. Отметим, что во всех трех случаях поставки вооружений Израилем осуществлялись через компанию «Etablissements Salgad», штаб-квартира которой расположена в Лихтенштейне. В некоторых случаях данная компания направляла Индии вооружения, которые были предназначены для отправки в Иран, однако ввиду сложившихся обстоятельств руководство Израиля приняло решение направить партию готовых вооружений в Индию [20, с. 182].

Военная помощь Индии позволила странам установить неофициальные каналы сотрудничества между военными ведомствами. Так, в январе 1963 года в Нью-Дели прибыла делегация из Израиля в составе начальника генерального штаба Армии обороны Израиля и руководителя военной разведки Израиля для проведения консультации со своими индийскими коллегами, в том числе с начальником Генерального штаба Вооруженных сил Индии. Примечательно, что несмотря на отсутствие дипломатических отношений между Тель-Авивом и Нью-Дели состоялись несколько встреч высокопоставленных военных из двух стран. В дальнейшем Индию в 1965 и 1979 годах с визитами посетили министр труда Израиля И. Алон и министр иностранных дел Израиля М. Даян [19, с. 973]. Двух этих министров объединяет военное прошлое и активное участие в арабо-израильских войнах в качестве руководящих офицеров.

В качестве примера негласного военного сотрудничества можно рассмотреть неофициальное военно-техническое сотрудничество Израиля и КНР, установившееся в период с 1979 по 1992 год. Контакты между Тель-Авивом и Пекином в этой сфере начались в 1979 году, однако имеются данные о том, что еще за год до этого руководство Израиля планировало установить качественно новый тип сотрудничества с КНР [25, с. 114]. Одной из причин, побудившей руководство Израиля искать партнера в военно-технической сфере в лице Китая, была Исламская революция в Иране и потеря Тегерана в качестве импортера израильских вооружений [10, с. 509]. Более того, можно констати-

ровать, что Пекин также был заинтересован в развитии военного сотрудничества с Израилем, поскольку вооруженный конфликт с Вьетнамом 1979 года продемонстрировал технологическую отсталость вооруженных сил КНР и острую необходимость в модернизации имеющихся вооружений, которые преимущественно были либо советского производства, либо советского образца. В связи с этим необходимо отметить, что военно-промышленный комплекс Израиля имел богатый опыт в проведении работ по модернизации разных систем советского образца [23, с. 22]. Принимая во внимание вышеуказанные факты, а также советско-китайский раскол, становится понятно, что решение об установлении израильско-китайского тайного военно-технического сотрудничества является логичным и прагматичным. Более того, как отмечает профессор А. Шай, уже в 1970-х годах на лекциях Академии военных наук Народно-освободительной армии Китая обращали особое внимание на Израиль, его военный потенциал и способности [25, с. 104].

Контакты между Израилем и КНР в военно-технической сфере начались после тайного визита израильской делегации в Пекин, состоявшейся в феврале 1979 года. В состав израильской делегации вошли глава израильской военно-промышленной компании «Israeli Aerospace Industries» (IAI) Г. Гидор и заместитель директора «Моссада» Д. Кимхи. Отметим, что критически важную роль в организации данного визита сыграл миллиардер еврейского происхождения Ш. Айзенберг, имевший обширные связи в КНР, а также предоставивший свой частный самолет для первого визита израильской делегации [25, с. 114]. Во время данного визита израильская делегация провела для китайской стороны презентацию о типах вооружений, которые могут быть переданы Пекину. По итогу визита был составлен список вооружений, которые Пекин намеревался купить у Тель-Авива. Данный список в дальнейшем был передан премьер-министру Израиля М. Бегину и министру обороны Э. Вейцману, которые одобрили поставки вооружений в КНР [13, с. 239].

Дальнейшие визиты представителей Израиля в КНР осуществлялись на самолетах ВВС Израиля, на которых были убраны знаки отличия, демонстрирующие их принадлежность к ВВС Израиля [13, с. 240]. Более того, израильтяне въезжали в КНР, имея

при себе паспорта третьих стран [9, с. 16]. Благодаря этим мерам обеспечивалась полная секретность сотрудничества между Тель-Авивом и Пекином и исключалась возможность утечки информации о сотрудничестве между КНР и Израилем.

Как отмечают израильские журналисты Я. Кац и А. Бохбот, первые поставки вооружений в КНР начались в 1981 году, когда Израиль передал КНР партию танковых боеприпасов [13, с. 240]. В дальнейшем страны заключили соглашение на модернизацию китайских танков, подразумевающую установку новой танковой пушки L7 калибра 105 мм [23, с. 22]. Со временем номенклатура поставок расширялась и стала включать всё новые виды вооружений. Имеются свидетельства о поставках из Израиля комплектов очков ночного видения, систем для ведения радиолокационной борьбы (РЭБ) [10, с. 510], технологий и чертежей, связанных с израильским истребителем IAI Lavi [22, с. 418], а также ракет класса «воздух-воздух Python-3 [9, с. 16], на основе которых были созданы китайские ракеты PL-08 и PL-09. Профессор И. Шишор пишет в своей статье, что, по некоторым данным, израильские специалисты даже принимали участие в работах по модернизации баллистических ракет меньшей дальности DF-15 и средней дальности DF-3 [24, с. 70], однако доказательства, подтверждающие данное заявление, отсутствуют. В то же время информация о передаче Израилем КНР технологий и наработок, сделанных во время разработки самолета IAI Lavi, которые впоследствии легли в основу китайского истребителя J-10, подтверждаются в нескольких докладах Счетной палаты США и Палаты представителей США [15, с. 97].

Вышеприведенные факты указывают на то, что, несмотря на неофициальный характер сотрудничества, номенклатура поставляемых израильской стороной вооружений была обширной. С большой уверенностью можно констатировать, что подобный уровень контактов между сторонами позволил установить фундамент для сотрудничества между Пекином и Тель-Авивом, на основе которого страны установили официальные дипломатические отношения в 1992 году.

Более того, сотрудничество с КНР соответствовало экономическим интересам Израиля. Как отмечает в своей статье профессор И. Шишор, данные об объеме неофициального

военно-технического сотрудничества варьируются у разных источников. Западные СМИ отмечали, что к 1984 году Израиль поставил в КНР вооружения на сумму 3 млрд долл., а к 1994 году сумма выросла до 6 млрд долл. США. В докладе RAND 1991 года заявлено, что поставки вооружений из Израиля в КНР оцениваются в 1—3 млрд долл. США [24, с. 71]. И. Шишор приводит также данные от аффилированной с китайскими Вооруженными силами компании «Poly Technologies», согласно которой за неофициальный период из Израиля были поставлены вооружения на сумму 6 млрд долл. США, и информацию, высказанную М. Миллером, аналитиком Министерства обороны США, согласно которой объем неофициального военно-технического сотрудничества составляет 8—10 млрд долл. США. В то же время сам профессор Шишор скептически настроен относительно двух последних заявлений [24, с. 71]. Отметим также, что доклад RAND от 2019 года об израильско-китайских отношениях утверждает, что за неофициальный период сотрудничества Израиль поставил в условиях секретности вооружения на сумму примерно 1—2 млрд долл. США [9, с. 16]. Автор склонен полагать, что последние приведенные данные являются наиболее рациональными и правдивыми.

Как уже отмечалось выше, основной целью неофициального военно-технического сотрудничества или военной помощи являлось следующее:

- 1) создание позитивного имиджа Израиля у военно-политического руководства Индии и КНР;
- 2) установление контактов между специализированными ведомствами и компаниями, которые впоследствии положительным образом могут сказаться на развитии двухсторонних отношений.

Участие частных лиц в продвижении внешнеполитических интересов Израиля

Не менее важным элементом в модели неофициальной дипломатии Израиля в Азии является активное использование Государством Израиль частных лиц, деятельность которых способствовала продвижению национальных интересов и внешнеполитических целей Израиля.

В этом контексте стоит обратить внимание на Шломо Заблудовича, главу лихтенштейнской компании «Etablissements Salgad». Его компания сыграла центральную роль в оказании военной помощи Индии в 1962, 1965 и 1971 годах. Отметим, что Заблудович был также основателем и главным акционером израильской военно-промышленной компании «Soltam Systems», которая по сей день производит минометы и артиллерийские системы вооружения. При этом вышеупомянутая «Etablissements Salgad» владела большим количеством патентов на производство ряда минометов и артиллерийских систем и выполняла роль торгового агента для компании «Soltam Systems» [11].

Именно связка деятельности двух компаний «Etablissements Salgad» и «Soltam Systems» была в основе поставок вооружений в Индию [20, с. 182]. По данным института SIPRI, в 1962 и 1965 годах в Индию из Израиля были направлены 200 единиц минометов М-58 производства компании «Soltam Systems» [5]. Прямое участие самого Заблудовича в переговорах способствовало быстрой установке контактов между израильской и индийской сторонами. В частности, Заблудович был знаком с Пармешваром Хаксаром, заместителем Верховного комиссара Индии в Лондоне до 1967 года, который в дальнейшем до 1973 года занимал пост секретаря Правительства Индии. Благодаря контактам между Заблудовичем и Хаксаром удалось установить неофициальный канал связи между Г. Меир и И. Ганди [6, с. 185]. В 1971 году после обращения Хаксара Заблудович в срочном порядке вылетел в Лондон, где провел переговоры с Верховным комиссаром Индии в Лондоне, по итогам которых его компания «Etablissements Salgad» приняла беспрецедентное решение — в Индию была направлена партия вооружения, которая предназначалась для поставки в Иран. Более того, используя свое влияние и связи в Израиле, Заблудович напрямую обратился с запросом к официальному Тель-Авиву, который был удовлетворен. Речь идет о том, что часть минометов, которая была направлена индийской стороне, была выделена из резервов Армии обороны Израиля [20, с. 183].

В китайско-израильских отношениях, существенную роль сыграл уже упомянутый выше миллиардер еврейского происхождения Шауль Айзенберг. Отметим обширную деловую активность

Айзенберга: он занимался закупкой железной руды в Австралии и дальнейшей перепродажей в Японии; при его посредничестве крупные западные компании «General Electric» и «Siemens» начали свою деловую деятельность в Южной Корее; в КНР компания «United Development Inc.» во главе с Айзенбергом смогла подписать сотни контрактов на экспорт и импорт разной продукции, а также способствовала открытию ряда крупных промышленных объектов в Китае [25, с. 107].

Обладая широкими деловыми связями в КНР и других азиатских государствах, а также будучи близким к руководству Израиля, Айзенберг стал использовать свои связи для продвижения интересов Израиля в Азии. В частности, именно Айзенберг стоял у истоков неофициального военно-технического сотрудничества КНР и Израиля, и именно он смог заинтересовать китайскую сторону [25, с. 114]. Как уже было отмечено выше, первая израильская делегация направилась в Пекин в 1979 году на борту самолета Boeing 707, который принадлежал Айзенбергу [13, с. 238]. Сам миллиардер также принимал активное участие в переговорах с китайской стороной [25, с. 116].

Неофициальное военно-техническое сотрудничество Пекина и Тель-Авива за весь период своего существования находилось под личным контролем Айзенберга, который имел большое влияние на развитие израильско-китайских отношений. Примечательно, что профессор А. Шай в своей книге приводит интересный момент, связанный с Айзенбергом и Амосом Юданом, представителем израильской компании «Tadiran» в Гонконге и руководителем израильской компании COPECO. Отметим, что последняя была учреждена по решению Правительства Израиля для контроля торгово-экономической деятельности израильских компаний в КНР. Как отмечает А. Шай, вначале 1990-х годов Юдан попытался установить прямые контакты между китайской стороной и главой компании IAI М. Керетом, обходя тем самым посреднические услуги Айзенберга. Однако спустя всего несколько часов после этого с Юданом связался консул Израиля в Гонконге Р. Мерхав, который предупредил его и разъяснил Юдану, что сфера военно-технического сотрудничества и поставок любого оборудования, имеющего военное назначение, находится в исключительном ведении Айзенберга [25, с. 117].

Использование НПО и про-израильского лобби

Анализ китайского и индийского векторов израильской внешней политики показывает эффективность третьего метода неофициальной дипломатии Израиля в Азии. Речь идет об активном использовании Израилем влияния про-израильского лобби и разных неправительственных организаций (НПО), которые продвигали интересы Государства Израиль напрямую в рассматриваемых странах (КНР и Индия) либо оказывали косвенную поддержку путем влияния на эти страны из США.

Проведенный анализ показывает, что одна из первых попыток использования роли про-израильского лобби и про-израильских политиков и дипломатов в вопросе нормализации израильско-индийских отношений произошла в конце 1940-х годов. В указанный период целью израильской политики было достижение как можно более обширного признания на международной арене. Активно на этом направлении работали не только израильские дипломаты, но и про-израильские политики в США. В частности, в 1949 году состоялась встреча первого посла Израиля в США Э. Эйлата с премьер-министром Индии Дж. Неру при содействии и участии конгрессмена Эммануэля Келлера. Однако Неру отказался признавать Израиль во время его пребывания в США, заявив, что данный шаг будет рассмотрен как принятый под давлением США [14, с. 134—135]. В дальнейшем была предпринята другая попытка наладить контакты между странами, в частности в 1957 году во время визита премьер-министр Индии Дж. Неру в США при содействии американского дипломата и бывшего посла США в Индии Ч. Боулза была организована встреча индийского премьер-министра с Н. Голдманом, президентом Всемирного еврейского конгресса [7, с. 392]. Однако, несмотря на усилия американского дипломата, переговоры не увенчались успехом и не привели к каким-либо изменениям в израильско-индийских отношениях.

В то же время значительное влияние на ход развития израильско-индийских отношений оказала публикация в 1987 году доклада Антидиффамационной лиги (ADL)¹, в которой политика Нью-Дели в отношении Израиля была подвернута жест-

¹ Антидиффамационная лига — это американская еврейская неправительственная общественно-политическая организация, противостоящая антисемитизму и другим формам нетерпимости по отношению к евреям.

кой критике [4]. Необходимо отметить, что к концу 1980-х годов Правительство Индии намеревалось качественно улучшить индийско-американские отношения. Вместе с тем индийское руководство осознавало и, как отмечают некоторые исследователи, переоценивало возможности про-израильского лобби и его влияния на политику США [7, с. 393]. Примечательно, что по мнению Нью-Дели, доклад ADL явно демонстрировал настроения про-израильского лобби касательно американо-индийских отношений. Для достижения намеченной цели улучшения американо-индийских отношений, по мнению руководства Индии, оно должно было решить создавшиеся проблемы, связанные с докладом ADL. С этой целью в 1988 году премьер-министр Индии Р. Ганди встретился с американским конгрессменом С. Соларзом, который был известен своей про-израильской позицией. Вместе с Соларзом в встрече также приняли участие представители про-израильских НПО в США. Речь идет о главе Конференции ведущих еврейских организаций М. Абраме и его заместителе Р. Лифтоне, главе ADL Э. Фоксмане и исполнительном директоре Америка-но-еврейского комитета И. Сильверман [7, с. 394]. В дальнейшем представители вышеупомянутой ADL совместно с конгрессменом Соларзом посетили Нью-Дели в 1989 году, где они провели переговоры с Н. Рао, который занимал в рассматриваемый период пост министра иностранных дел Индии [14, с. 243].

Интересы Израиля продвигал также Всемирный еврейский конгресс. В частности, представитель данной организации И. Лейблер, будучи главой австралийского подразделения Всемирного еврейского конгресса и руководителем азиатско-тихоокеанского направления данной организации, внес свой вклад в развитие израильско-индийских и израильско-китайских отношений, провел ряд встреч с премьер-министрами Индии И. Ганди и Н. Рао, а также с министром иностранных дел КНР Цянь Цичэнем [3]. В своей статье И. Лейблер пишет, что встреча с И. Ганди состоялась в 1981 году, и в ней принял также участие Э. Колет, глава Совета евреев Индии. В ходе их встречи в резиденции премьер-министра Индии И. Ганди проявила хорошую осведомленность об Израиле и еврейском народе. Согласно самому Лейблеру, Ганди во время его слов о важности укрепления отношений с Индией и роли Всемирного еврейского конгресса demonstra-

тивно читала телеграммы, что создавало у него впечатление будто бы она игнорировала его. Аргументы за нормализацию отношений, высказанные Лейблером, И. Ганди парировала заявлением о том, что, несмотря на давления арабских стран, она против закрытия консульства Израиля в Бомбее. В своей статье И. Лейблер цитирует премьер-министра Ганди: «Почему американская пресса, которая находится под контролем американских евреев, так ненавидит меня? Почему они продолжают печатать ложь обо мне...?» [16, с. 144—145]. В статье, написанной для израильской газеты «Израэль Хайом», Лейблер замечает, что высказывания И. Ганди звучали почти что антисемитскими [18].

Другая встреча главы австралийского подразделения Всемирного еврейского конгресса с премьер-министром Индии Н. Рао в 1992 году была проведена в свете обращения со стороны заместителя директора департамента Азии, Африки и Океании МИД Израиля М. Йегара. Активную роль в организации этой встречи сыграли посол Австралии в Индии Д. Эванс и конгрессмен С. Солларз [18]. Встреча с премьер-министром Индии Рао произошла всего за две недели до его визита в США. В ходе этой встречи Лейблер обратил внимание Рао на глобальные изменения в международных отношениях, нормализацию отношений между Израилем и СССР, укрепление израильско-китайских отношений, а также призвал индийского премьер-министра пересмотреть позицию Индии к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3379. В противном случае, по мнению Лейблера, в Вашингтоне к Рао будут относиться как к изгою, проводя при этом параллели с Саддамом Хусейном. Рао в ответ заявил о том, что отношения между странами идут в положительном ключе и в скором времени произойдут изменения [17, с. 149]. Отметим, что встреча имела место за две недели до запланированного визита Рао в США. Всего лишь за несколько часов до вылета Рао в Вашингтон Индия и Израиль официально объявили об установлении дипломатических отношений [13, с. 254]. По мнению М. Йегара, усилия Лейблера и его встреча с Рао оказали прямое влияние на принятие руководством Индии решения о нормализации отношений с Израилем [18].

Активную роль в начале 2000-х годов проявили про-израильские лоббистские организации: Американско-израильский комитет по общественным связям (AIPAC) и Американско-еврейский коми-

тет (AJS); при этом данные организации действовали совместно с про-индийской лоббистской организацией United States India Political Action Committee (UINPAC) [7, с. 395]. Примечательно, что на одном мероприятии AJS принял участие Б. Мишра, советник национальной безопасности премьер-министра Индии, который в своей речи акцентировал внимание на то, что хорошие отношения между Израилем, Индией и США являются естественным процессом [14, с. 274]. Отметим, что целью данных организаций являлось достижение согласия Вашингтона на поставку в Индию радара «Phalcon» израильского производства. Можно констатировать, что эти усилия были успешными, поскольку в 2004 году США официально дали свое разрешение на поставку радара «Phalcon» в Индию [27, с. 95].

Заключение

Суммируя все приведенные выше факты, можно заявлять о наличии устойчивой модели неофициальной дипломатии, которой Израиль придерживался и придерживается в отношении КНР и Индии примерно с 1950-х годов. Данную модель отличает наличие трех следующих составляющих:

- 1) военный аспект, который заключается в поставках вооружений по неофициальным каналам либо в осуществлении неофициальной военной помощи;
- 2) активное участие частных лиц, в особенности бизнесменов еврейского происхождения, в усилиях, направленных на продвижение интересов Израиля;
- 3) активная роль, которую сыграли про-израильские лоббистские организации (AJS, AIPAC, ADL) и про-израильские иностранные политики и дипломаты (посол США в Индии Ч. Боулз, посол Австралии в Индии Д. Эванс, конгрессмены Э. Келлер и С. Соларз) в продвижении интересов Израиля.

Анализ неофициальной дипломатии Израиля показывает, что, несмотря на наличие трех составляющих, успех данной модели дипломатии и ее эффективность были обеспечены именно совокупностью и синтезом всех составляющих частей. Примечательно, что без активного участия частных лиц (Ш. Заблудович, Ш. Айзенберг) не был бы реализован военный аспект неофици-

альной дипломатии Израиля. Отметим также, что практика использования частных лиц, не связанных официальными связями с Правительством Израиля, позволила установить контакт и сотрудничество с КНР и Индией в период, когда любые позитивные шаги в направлении Израиля сталкивались с негативной реакцией арабских стран.

В целом можно констатировать, что рассматриваемая неофициальная дипломатия Израиля позволила реализовать поставленные цели:

- 1) военный аспект позволил создать положительный имидж Израиля у военных и политических кругов в КНР и Индии — тем самым был заложен фундамент последующего развития израильско-китайских и израильско-индийских отношений;
- 2) прагматичные действия про-израильского лобби и про-израильских политиков и дипломатов способствовали оказанию влияния на решение руководства рассматриваемых стран. В частности, именно усилия Всемирного еврейского конгресса, И. Лейблера, конгрессмена С. Соларза и посла Д. Эванса подтолкнули Нью-Дели к принятию решения о нормализации отношений с Израилем.

Литература

1. Морозов В.М., Микаэлян А.А. Индийский вектор израильской внешней политики // Вестник Брянского государственного университета. – 2018. – № 2 (15). – С. 125–134.
2. *Abadi J.* Israel's Quest for Recognition and Acceptance in Asia. Garrison State Diplomacy. – L.; Portland, Frank Cass, 2004. – 607 p.
3. About Isi Leibler // Word from Jerusalem. – URL: <https://wordfromjerusalem.com/about-isi-leibler/> (accessed: 22.11.2020).
4. ADL Report Traces India's Ostracism of Israel over Several Decades // Jewish Telegraphic Agency. – 1987. – 8 May. – URL: <https://www.jta.org/1987/05/08/archive/adl-report-traces-indias-ostracism-of-israel-over-several-decades> (accessed: 22.11.2020).
5. Arms Transfers Database, Transfers of major weapons: Deals with deliveries or orders made for 1962 to 2019 // SIPRI. – URL: http://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (accessed: 22.11.2020).
6. *Bass G.J.* The Blood Telegram Nixon, Kissinger, and a Forgotten Genocide. – N.Y.: Alfred A. Knopf., 2013. – 728 p.
7. *Blarel N.* Assessing US Influence over India-Israel Relations: A Difficult Equation to Balance? // Strategic Analysis. – Vol. 41. – 2017. – No. 4. – P. 384–400.
8. *Browne N.A.K.* A Perspective on India-Israel Defense and Security Ties // Strategic Analysis. – Vol. 41. – No. 4. – 2017. – P. 325–335.
9. *Efron S., Shatz H.J., Chan A., Haskel E., Morris L.J., Scobell A.* The Evolving Israel-China Relationship. – Santa-Monica, Calif. RAND Corporation, 2019. – 197 p.
10. *Evron Y.* Between Beijing and Washington: Israel's Technology Transfers to China // Journal of East Asian Studies. – 2013. – Vol. 13. – P. 503–528.

11. *Gerth J.* Aide Urged Pentagon to Consider Weapons Made by Former Client // The New York Times. – 1983. – 17 April. – URL: <https://www.nytimes.com/1983/04/17/us/aide-urged-pentagon-to-consider-weapons-made-by-former-client.html> (accessed: 22.11.2020).
12. *Israel in the Third World* / eds. Curtis M., Gitelson S.A. – New Brunswick, New Jersey: Transaction Books, 1976. – 410 p.
13. *Katz Y., Bohbot A.* The Weapon Wizards, How Israel Became a High-Tech Military Superpower. – N.Y.: St. Martin's Press, 2017. – 303 p.
14. *Kumaraswamy P.R.* India's Israel Policy. – N.Y.: Columbia University Press, 2010. – 377 p.
15. *Kumaraswamy P.R.* Israel-China Relations and the Phalcon Controversy // Middle East Policy. – Vol. 12. – 2005. – No. 2. – P. 93–103.
16. *Leibler I.* A 1981 Meeting with Prime Minister Indira Gandhi // Jewish Political Studies Review. – Vol. 19. – 2007. – No. 3/4. – P. 143–146.
17. *Leibler I.* A 1991 Meeting with Prime Minister Narasimha Rao // Jewish Political Studies Review. – Vol. 19. – 2007. – No. 3/4. – P. 147–151.
18. *Leibler I.* Candidly Speaking: A memoir – background to Indian prime minister's visit // The Jerusalem Post. – 2017. – 3 July. – URL: <https://www.jpost.com/opinion/candidly-speaking-a-memoir-background-to-indian-prime-ministers-visit-498670> (accessed: 22.11.2020).
19. *Naaz F.* Indo-Israel military cooperation // Strategic Analysis. – Vol. 24. – 2000. – No. 5. – P. 969–985.
20. *Raghavan S.* 1971: A Global History of the Creation of Bangladesh // Cambridge, Massachusetts, L., England, Harvard University Press, 2013. – 358 p.
21. *Rajen Singh S.* India and Israel: Towards Greater Cooperation // India Quarterly. – Vol. 57. – 2001. – No. 4. – P. 113–148.
22. *Samuel S. Rajiv C.* Israel-China Ties at 25: The Limited Partnership // Strategic Analysis. – Vol. 41. – 2017. – No. 4. – P. 413–431.
23. *Shai A.* The Evolution of Israeli-Chinese Friendship // The S. Daniel Abraham Center for International and Regional Studies. Research Paper. – 2014. – No. 7. – 64 p.
24. *Shichor Y.* Israel's Military Transfers to China and Taiwan // Survival. – Vol. 40. – 1998. – No. 1. – P. 68–91.
25. *Шай А.* Син вэ Исраэль. Бэйн синим ва ехудим, бейн Бейджин ли Ирушалаим. Тель-Авив, яца леор аль ядей хоцаат Йедиот Ахронот. – 2016. – 275 с. [Шай А. Китай и Израиль. Китайцы и евреи, Пекин и Иерусалим. – Тель-Авив: Издательство «Йедиот Ахронот», 2016. – 275 с. (иврит)].
26. *Лейблер И.* Зикарон Ходи-Израели // Израэль Хайом. – 2017. – 3 июня. [Лейблер И. Индийско-израильская память // Израэль Хайом. – 2017. – 3 июня (иврит)]. – URL: <https://www.israelhayom.co.il/opinion/487935> (дата обращения: 22.11.2020).
27. *Одэд Э.* Исраэль, Арцот-хабрит, Син вэ Ходу – шутафуйот ногдот интересим // Мизкар 185, хамахон лемехкарей битахон леуми. – Тель-Авив, 2019. – С. 91–99. [Одэд Э. Израиль, США, КНР и Индия – сотрудничество с противоречащими интересами / Институт исследования национальной безопасности; меморандум. – 2019. – № 185. – С. 91–99 (иврит)].

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гаврилова Светлана Михайловна,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Svetlana M. Gavrilova,

Ph.D. (History),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: smgavrilova@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ПОИСК НОВЫХ РЕШЕНИЙ

CONTEMPORARY EUROPE: CONTINUITY AND SEARCH FOR NEW SOLUTIONS

Аннотация: в статье дается характеристика новой политической реальности современной Европы, рассматриваются трансформации в политической, социальной, религиозной сферах жизни европейских государств. На основе анализа коллективной монографии, выпущенной сотрудниками Института Европы РАН, их оценок европейской действительности последних лет рассматриваются вызовы и угрозы, с которыми европейская интеграция сталкивается в последние годы. Исследуется влияние Брексита и пандемии коронавируса на развитие ЕС, дается оценка религиозного фактора в жизни интеграционного объединения. Рассмотрение современных тенденций европейской политики приводит к выводу о необходимости сопряжения цивилизационных основ европейского интеграционного проекта и решений, принимаемых ЕС в ответ на вызовы современного мира.

Ключевые слова: Европейский союз, кризис, идентичность, национальные государства, будущее европейской интеграции, религия, пандемия COVID-19, политические партии.

Abstract: the article describes the new political reality of contemporary Europe, examines the transformations in the political, social, and religious spheres of life of European states. Based on the analysis of the collective monograph published by the staff of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, their assessments of the European reality of recent years, the challenges and threats that European integration has faced in recent years are considered. The article examines the impact of Brexit and the coronavirus pandemic on the development of the EU, assesses the religious factor in the life of the integration association. Consideration of the current trends in European politics leads to the conclusion that it is necessary to combine

the civilizational foundations of the European integration project and the decisions taken by the EU in response to the challenges of the modern world.

Key words: European Union, crisis, identity, nation-states, future of European integration, religion, COVID-19 pandemic, political parties.

В последние десятилетия Европа как культурно-историческая и политическая общность сталкивается с рядом вызовов и угроз, оказывающих влияние как на единое европейское сообщество — Европейский союз, — так и на отдельные национальные государства. В европейских странах существенно изменились политический климат и социальные условия, само самосознание европейца прошло в последние годы через трансформацию под воздействием новых тенденций в мировой политике. Кризис, вызванный миграционными потоками, спровоцированные им новые угрозы безопасности и изменения в общественной жизни и даже политическом устройстве отдельных стран и всего «общеевропейского дома» изменили облик жизни современного европейца. Кардинальные трансформации политической жизни европейских стран привели к формированию нового типа мышления, как в массовом сознании, так и в культуре политических элит. Сложная экономическая ситуация, спровоцированная пандемией, также угрожает внутренней безопасности ЕС. Новые вызовы провоцируют появление новых форм ответов, методов реализации трансформирующихся целей интеграционного объединения, которые возникают в условиях роста нестабильности и числа внутренних и внешних угроз [см.: **1; 3**].

Данные вопросы европейской жизни находятся в фокусе пристального внимания российских ученых-европеистов на протяжении всего периода существования Единой Европы. Данной тематике посвящена коллективная монография, выпущенная исследователями из Института Европы Российской академии наук [**2**]. В фокусе внимания ученых находятся вопросы политического, экономического, социального характера, уделяется внимание сфере культуры и религии. В издании очерчен круг новых вызовов, с которыми сталкивается современная Европа. Как отмечают авторы, в издании сконцентрировано внимание на «конкретных проблемных вопросах», на «выявлении новых решений» в деятельности Евросоюза и отдельных государств-членов [**2**, с. 7]. Большое внимание уделяется «вопросам мировоззрения», затрагивающим в том числе религиозно-политическую

сферу. Идея поиска новой европейской идентичности, проходящая красной нитью через европейскую политику последних лет, в данном контексте предстает как более многогранное, затрагивающее основы цивилизационной сущности европейской общности явление. Безусловно, политический, экономический, социальный контексты являются ключевыми в самой идее Единой Европы, однако столь успешное интеграционное объединение немыслимо без более глубинной интегрирующей идеи, исторически формировавшейся на континенте в течение почти двух тысячелетий и основанной на контрасте сходств и различий разных частей христианского мира — национальных государств, объединенных одной религиозной общностью. Несомненно, что эта общность, лежащая в основе единства, останется основой европейской идентичности и в дальнейшем, и рассуждения о поиске идентичности новой, скорее, сводятся к оценке трансформации уже устоявшихся основ европейской цивилизации, которые в меняющемся мире попросту должны оставаться «конкурентоспособными» и подстраиваться под вызовы нового, полицентричного, глобализирующегося и взаимозависимого мира.

Отдельной важной темой современных европеистов выступает спровоцированный пандемией «коронакризис», сильно ударивший по Европе. COVID-19 стал серьезным испытанием для европейской идентичности, и нельзя сказать, что испытание это было пройдено без потерь. Приоритет заботы о собственных границах — политических, культурных — стал очевиден в политике национальных государств в период пандемии. В данном контексте по-новому встает вопрос, уже давно выдвинутый представителями «политической альтернативы» в Европе: может ли общеевропейский дом стать защитой в равной степени для всех его обитателей?

Обращаясь к теме внутривнутриполитических трансформаций в странах Евросоюза, вслед за авторами монографии необходимо подчеркнуть, что современные процессы во многом перекликаются с событиями XX века. В частности, рассматривая внутривнутриполитические процессы в Чехии и Словакии, М. В. Ведерников дает оценку посткоммунистическим трансформациям, проводя параллель преемственности с современными событиями. Так, исследователь считает гипертрофированную роль института

президентства «побочным эффектом “бархатной революции”» [2, с. 19]. Именно в наследии коммунистического прошлого и его отторжении современными поколениями граждан вишеградских стран, очевидно, можно усмотреть чрезвычайно высокую степень поляризации между правыми и левыми политическими силами и высокую фрагментацию политического спектра, характеризующегося наличием большого числа мелких партий и движений, зачастую существующих в течение одного избирательного цикла [2, с. 22, 24]. В целом, однако, ситуация в странах Центральной и Восточной Европы схожа с процессами, происходящими в странах Западной Европы. Поляризация общественного мнения и представителей политического спектра, рост недоверия к наднациональным и государственным структурам, появление «крайних» политических сил — всё это стало общеевропейскими трендами последних лет. Как справедливо отмечает М. В. Ведерников, это свидетельствует о «включенности стран Вишеградской группы в европейскую политическую систему с соответствующими ей тенденциями и отклонениями» [2, с. 25].

Важным аспектом изучения современной европейской политики является оценка деятельности и, собственно, личности крупных политиков. В рассматриваемой монографии такая оценка дается Ангеле Меркель — одной из ключевых фигур европейской политики последних десятилетий. Как подчеркивает Е. П. Тимошенко, феномен А. Меркель, которая является «политическим долгожителем» и первой женщиной — главой Правительства ФРГ, стал свидетельством «не только внутривнутриполитического развития Германии после объединения», но и фактором, «выходящим за пределы политической жизни немецкого государства» [2, с. 29]. Очевидно, что лидеры подобного типа — незаурядные личности, хорошо образованные, способные к политическому «эклетизму», использующие нестандартные методы в продвижении по политической карьерной лестнице в условиях интенсификации процессов европейской интеграции, вышедшей на высший, политический, уровень, — способны были добиться гораздо большего, чем их коллеги. В данном контексте следует повторить высказанную выше мысль о религиозной составляющей основ европейской идентичности: карьера А. Меркель — одного из самых рациональных и независимых политиков Европы — некото-

рое время строилась на идее «политического протестантизма» [2, с. 37]. Фактор политического лидерства в последние годы становится всё более значимым в европейской политике, и, рассматривая методы политической борьбы и способы осуществления реальной политики крупнейшими фигурами европейского политического спектра, можно дать характеристику «новым идеям» европейской реальности и вероятному будущему Единой Европы. Так, становится всё более очевидным, что идеи популизма прочно вошли в образ мысли и деятельность европейских политиков, даже тех, кто по своему положению в политическом спектре далек от них.

Европейский союз, являясь, несомненно, самым удачным интеграционным объединением в современной истории, тем не менее не может претендовать на состоявшуюся политическую интеграцию — доказательством этому является тот факт, что в 2005 году не произошло принятия Конституции ЕС. Одним из государств, на общенародном референдуме отклонившим этот проект, были Нидерланды. Как справедливо отмечает П. В. Осколков, Нидерланды после Брекзита стали «самой обструкционистской страной ЕС» [2, с. 41]. Несмотря на то что Королевство стояло у самых истоков европейской интеграции, в политическом поле государства существует ряд мощных евроскептических акторов. Необходимо отметить, что аналогичная ситуация наблюдается и в Италии — такой же стране — основательнице Евросоюза. Данный политический фон в ряде самых «европейских» стран Единой Европы свидетельствует о сохраняющихся сложностях на пути углубления интеграции. В данном контексте необходимо отметить, что параллельный углублению процесс расширения интеграции — включения новых членов в состав Евросоюза — закладывает еще бо льшие риски и угрозы укреплению европейской солидарности, размывает основы европейского единства, заключающегося в глубоко укоренившемся сознании общей цивилизационной идентичности. В свете этого позиция Нидерландов, традиционно выступающих «против политической федерализации Европы и против передачи существенной доли национального суверенитета наднациональным органам» [2, с. 43], представляется вполне обоснованной. Всё чаще именно в самых «старых» членах ЕС раздаются голоса опа-

сения относительно дальнейшего пути европейской интеграции, в основном — из лагеря евроскептиков. При этом представить себе ситуацию, когда ЕС сталкивается с «Италэкзитом», в настоящее время невозможно: интеграция стран — основательниц Евросоюза в общеевропейские структуры, несомненно, выше, чем у вступившей в интеграционное объединение гораздо позже и в особых условиях Великобритании. Не следует, однако, забывать, что устойчивость единства Евросоюза всё сильнее зависит от необходимости соблюдения баланса между наднациональным и внутригосударственным измерениями.

Важным моментом в данном контексте является идея о создании европейской армии, неоднократно появлявшаяся в заявлениях известных европейских политиков. Подобная структура, очевидно, всё же не появится в ближайшее время по причинам как объективного, финансового, характера, так и в связи с нежеланием ряда государств — членов ЕС осуществлять углубление интеграции в данном направлении и брать на себя дополнительные обязательства, передавая важную часть национальных приоритетов на наднациональный уровень.

Несомненно, одним из важнейших событий европейской политики нового тысячелетия, а политики Европейского союза — за весь период существования интеграционного объединения стал Брекзит. Значение этого события для будущего всего мирового сообщества сложно переоценить — настолько существенными стали его последствия. Выход Великобритании из ЕС изменил облик Единой Европы, оказал воздействие как на крупнейшие экономики ЕС, так и на миллионы жизней простых граждан. Как отмечает Л. О. Бабынина, «выход Соединенного Королевства из состава союза повлек за собой изменения в работе институтов ЕС и в распределении баланса сил внутри них» [2, с. 47]. Так, перераспределение освободившихся мест в Европарламенте сказалось на расстановке сил внутри этого органа, принеся дополнительные очки на наднациональной площадке ряду стран. Важно отметить в данном контексте и изменение состава фракций Европарламента — так, евроскептики увеличили свое представительство [2, с. 47]. Существенное влияние Брекзит оказал и на формирование бюджета ЕС.

Будущее европейской интеграции с точки зрения расширения объединения вызывает большой интерес у исследователей. В частности, при оценке расширения европейской интеграции важным становится фактор малых стран. Так, А. С. Айвазян отмечает, что «за годы европейской интеграции стало очевидно, что одни лишь ценности вряд ли смогут служить основой сотрудничества. Страны-партнеры не всегда всецело их разделяют, а заинтересованность ЕС определяется не только экспортом политической модели, но и необходимостью обеспечить энергетическую безопасность союза» [2, с. 56]. В данном контексте налицо серьезный конфликт между сохранением сложившейся исторически, проверенной временем и преодоленными вызовами европейской идентичности и вызовами новыми — необходимостью привлечения новых стран-членов в условиях роста взаимозависимости мировых акторов и роста угроз в сфере ресурсного обеспечения. Как представляется, для Евросоюза первоочередной задачей является нахождение баланса между этими двумя аспектами, что уже стало необходимым условием не только успешного развития, но и выживания интеграционного объединения.

Религиозный аспект также играет важную роль. В данном контексте особенно интересной представляется религиозность европейских политиков, которой посвящен раздел монографии, написанный Р. Н. Лункиным. Автор справедливо подчеркивает тот факт, что, несомненно, в Европе «секулярность есть, но безрелигиозности нет», и при этом отмечает растущую «поляризацию мнений вокруг вопросов веры, а значит, рост влияния если не самой религии, то, по крайней мере, христианского и мусульманского факторов в жизни европейских стран» [2, с. 73].

Нельзя не согласиться с ученым: рост значения и влияния христианства и ислама в социальной, политической, экономической сферах жизни Европы налицо в последние годы. Безусловной необходимостью для европейских стран в условиях роста числа мусульманского населения — и не только за счет прибывающих в результате увеличения миграционных потоков последних лет, но и за счет мигрантов второго и третьего поколений, уже являющихся гражданами стран ЕС по рождению, — становится поиск баланса между религиозностью и ассимиляцией норм и установок другой культуры в традиционные европейские ценности. При

этом, как отмечает Р. Н. Лункин, в Европе набирает популярность тренд на поиск идентичности без стремления «вписать или переделать ее под глобальные ценности» [2, с. 73], что особенно заметно в среде современных европейских популистов, занявших прочное место в политическом спектре ряда национальных государств. Критика подобного «архаичного» подхода к политической деятельности со стороны «прогрессивных» политиков и экспертов наталкивается на противоречие с самими базовыми принципами, заложенными в основу формировавшегося в русле идей христианской демократии Европейского сообщества. Особенно интересной представляется позиция Ватикана — настолько «утрировано» либеральная, что зачастую даже политики, позиционирующие себя как ярые католики, подвергаются критике со стороны Святого Престола. Так, М. Сальвини неоднократно осуждался Ватиканом за жесткую позицию в вопросах миграции, но при этом пользовался широкой поддержкой избирателей. Очевидно, что католической церкви — одному из сильнейших и старейших институтов Европы — также необходим баланс в своем стремлении к открытости и либеральности. Р. Н. Лункин справедливо замечает, что «понтифик рискует остаться в одиночестве в христианской среде, где растет доля людей с консервативными взглядами» [2, с. 80]. Очевидно, следует согласиться с исследователем, что «идет подготовка коренной перестройки европейской системы, где религия становится живым элементом, обращенным в будущее. Ключом к пониманию новой зарождающейся идеологии служит идентичность и преодоление абсурдной политкорректности либерального общества» [2, с. 81].

При этом необходимо отметить, что вера в Европе становится всё более политизированной: различные конфессиональные общины и представители высшей церковной иерархии всё чаще заявляют о своих политических предпочтениях, высказывают симпатию и даже поддержку определенным политическим лидерам, в том числе тем, кого прямо осуждает папа Франциск. Важно отметить и то, что «традиционалистская реакция» и усиление консервативных тенденций характерны не только для католической церкви, они проявляется и в других конфессиях. Это — очевидный показатель поляризации не только политического спектра и общества в Европе, но и самой европейской идентичности.

В условиях нарастания конфронтации тем важнее становится укрепление базовых принципов единства европейского сообщества, сочетания модернистских тенденций с традиционализмом, толерантности с консерватизмом.

Главным вызовом европейскому единству, как уже отмечалось, стала пандемия коронавируса, больно ударившая не только по экономической и социальной сферам, но и по морально-этической стороне идеи европейской интеграции. П. В. Осколков в разделе монографии, посвященной взаимосвязи коронакризиса и проблемы популизма, отмечает, что «популистские партии предсказуемо попытались извлечь тактические выгоды из новой насущной проблемы» (пандемии. — С. Г.), акцентируя внимание на неэффективности наднациональных органов в борьбе с распространением вируса и его последствиями [2, с. 113]. Попытки использовать сложившуюся ситуацию для достижения собственных политических целей стали трендом европейских популистов в период пандемии, однако использование подобных методов вполне может привести к потере «политических очков», учитывая, что даже самые жесткие меры, вводимые правительствами в странах Европы, уже становятся понятными для избирателей с точки зрения их необходимости. Как справедливо отмечает П. В. Осколков, «получив реальную возможность отправления публичной власти, популистские партии с ней не справляются» [2, с. 115]. Не приносят дополнительной популярности этим силам и попытки переключить внимание или «смешать» две проблемы — пандемию и миграцию. Очевидно, что всплеск поддержки популистов в европейских странах в условиях пандемии снизится, поскольку избирателей уже не так сильно волнуют проблемы миграции, «опасности» наднационального вмешательства в дела государства, как угроза жизни и здоровью. Однако, несомненно, стоит согласиться с П. В. Осколковым в том, что в перспективе европейский популизм на волне роста экономических, социальных и иных проблем, спровоцированных пандемией, сможет вернуть свои позиции, а возможно, и укрепить их.

Важное значение в условиях нарастания постпандемийных проблем приобретает вопрос о финансах. Е. А. Сергеев, обращаясь к данной тематике, подчеркивает, что «наступление коронавируса вызвало, но не предопределило кризис. Предпосылки для

него складывались в ЕС достаточно давно» [2, с. 119]. Отмечая, что все принятые Евросоюзом меры по решению экономических проблем пока находятся в поле традиционных, зарекомендовавших себя принципов, исследователь акцентирует внимание на том, что в перспективе — в случае кардинальных изменений и роста угроз европейской экономике и социальной сфере — ЕС может пересмотреть их [2, с. 125—126].

Коронавирус оказал значительное психологическое воздействие на европейцев: как на политиков, так и на простых граждан. Следует согласиться с авторами монографии в том, что вполне вероятным может стать глубинное переосмысление образа жизни и представлений о современном мире в Европе [2, с. 126]. Кризис, вызванный пандемией, обнажил многие проблемы европейской политики, усугубил их общественный резонанс. Главной проблемой оказалась ставшая очевидной разобщенность европейского сообщества, нуждающегося в кардинальном пересмотре если не устоявшихся форм, то способов осуществления работы интеграционной модели. Солидарность стран — членов ЕС оказалась под сомнением именно в тот момент, когда более всего была необходима Союзу. При этом выдвижение на первый план отошедших ранее в тень национальных принципов, традиций, культур способствует обновлению всей европейской идентичности, восстановлению различных, но схожих основ цивилизационной общности стран Европы. Именно эти ценности — взамен аморфным ценностям «общечеловеческим», глобализационным — могут в итоге стать новым стимулом углубления интеграции, обновленной основой европейской цивилизации. «Единство различий» в конечном итоге ничем не уступает единству глобализации, но позволяет сохранять национальные ценности и приоритеты, тем самым снижая уровень отторжения идеи наднационального контроля, возросший в последние годы. Важную роль в данном контексте по-прежнему играют политические силы европейских стран — традиционные и «альтернативные», — возрастает и роль религиозных институтов.

Таким образом, Единая Европа, столкнувшись с самым серьезным кризисом за весь период своего существования, может отыскать решение новых проблем «старыми» средствами — об-

ратившись к основам европейской цивилизации, используя исторический опыт и культурное богатство отдельных национальных государств на уровне интеграционного объединения.

Литература

1. *Гаврилова С.М.* Феномен правого популизма в современной Европе // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – № 4 (26). – С. 212–221.
2. Европа в поиске новых решений: [монография] / отв. ред Р.Н. Лункин, П.В. Осолков. – М.: Институт Европы РАН, 2020. – 140 с.
3. *Яковенко А.В.* Европа в эпоху перемен // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – № 1. – С. 6–14.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Каждая статья проходит **обязательное внешнее рецензирование** специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Статьи **аспирантов и соискателей** принимаются к рассмотрению при наличии отзыва научного руководителя и затем проходят внешнее рецензирование.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 25 тыс. знаков и не должен превышать 60 тыс. знаков (с пробелами) без учета аннотации, ключевых слов и списка**

литературы. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Все материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Литература»), расположенных в алфавитном порядке:

– *для книжных изданий:* Автор. Название / пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). – Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 с.;

– *для периодических изданий:* Автор статьи. Название // Издание. – Год. – Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. – С. 00–00;

– *для интернет-источников:*

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно)). – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала // Название сайта. – Режим доступа: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах. Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [**8**, с. 12] или [**8**, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию.

Материалы следует присылать по электронной почте: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2021. № 2 (28)

Редактор *Н.В. Багорова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *В.Р. Хованской*
Художественный редактор *В.Р. Хованская*

Подписано в печать 28.05.2021. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 13.125
Тираж 116 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство: ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5